

**Редакционный совет научного журнала
«Вестник НГУ. Серия: История, филология»**

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зувев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

- Х. А. Амирханов акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)
- Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)
- Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)
- А. В. Головнёв чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)
- А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)
- А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
- О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)
- А. К. Киклевич д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Польша)
- С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)
- В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Россия)
- Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Япония)
- Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Германия)
- Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
- Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)
- П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)
- И. В. Силантьев чл.-корр. РАН, д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)
- Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)
- Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «История»

Ответственный редактор

А. В. Дмитриев д-р ист. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь

С. О. Егоров канд. ист. наук (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционной коллегии

- А. Н. Алексеенко д-р ист. наук, проф. (Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан)
- В. П. Булдаков д-р ист. наук (Институт российской истории РАН, Москва, Россия)
- В. Фудзимото д-р истории, проф. (Осацкий университет экономики и права, Япония)
- Д. Вулф д-р истории, проф. (Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония)
- В. Дённингхаус д-р истории, проф. (Нордост-институт при Гамбургском университете, Люнебург, Германия)
- Л. В. Дериглазова д-р ист. наук, проф. (Томский государственный университет, Россия)
- С. В. Кондратьев д-р ист. наук, проф. (Тюменский государственный университет, Россия)
- А. С. Лавров д-р ист. наук, проф. (Университет Париж – Сорбонна, Париж, Франция)
- Ш. Б. Мухамедов д-р ист. наук (филиал Российского государственного университета нефти и газа им. И. М. Губкина в г. Ташкенте, Республика Узбекистан)
- Г. Г. Пиков д-р ист. наук, д-р культурологии, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- С. Ю. Сапрыкин д-р. ист. наук, проф. (Московский государственный университет, Институт всеобщей истории РАН, Россия)
- И. Халфин д-р истории, проф. (Тель-Авивский университет, Израиль)
- П. Холквист д-р истории, проф. (Пенсильванский университет, США)
- В. И. Шишкин д-р ист. наук, проф. (Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)

Advisory Board of Academic Journal “Vestnik NSU. Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

V. I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

A. S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

S. G. Skobelev Candidate of Sciences (History), Docent (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Kh. A. Amirzhanov Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

B. Viola Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)

E. E. Voytishchik Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

T. Glantz Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

A. V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)

A. E. Demidchik Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)

A. P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

J. Joubert Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

O. D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

G. E. Imposti Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)

A. K. Kiklevich Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)

S. M. Kotkin Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)

V. A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

H. Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

H. Plisson Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

P. Rutland Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

I. V. Silantev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)

T. Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Yu. V. Shatin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue “History”

Executive Editor

A. V. Dmitriev Doctor of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary

S. O. Egorov Candidate of Sciences (History) (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

- A. N. Alekseenko Doctor of Sciences (History), Professor (S. Amanzholov East-Kazakhstan State University, Ust-Kamenogorsk, the Republic of Kazakstan)
- V. P. Buldakov Doctor of Sciences (History) (Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
- W. Fujimoto Doctor of Sciences (History), Professor (Osaka University of Economics and Law, Japan)
- D. Wolff Doctor of Sciences (History), Professor (Hokkaido University, Sapporo, Japan)
- V. Dönninghaus Doctor of Sciences (History), Professor (North-East Institute of University of Hamburg, Lüneburg, Germany)
- L. V. Deriglazova Doctor of Sciences (History), Professor (Tomsk State University, Russian Federation)
- S. V. Kondratiev Doctor of Sciences (History), Professor (Tyumen State University, Russian Federation)
- A. S. Lavrov Doctor of Sciences (History), Professor (Paris-Sorbonne University, Paris, France)
- Sh. B. Mukhamedov Doctor of Sciences (History) (Tashkent Branch of the National University of Oil and Gas “Gubkin University”, Uzbekistan)
- G. G. Pikov Doctor of Sciences (History), Doctor of Culture Science, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- S. Yu. Saprykin Doctor of Sciences (History), Professor (Moscow State University, Institute for World History of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation)
- I. Halfin Doctor of Sciences (History), Professor (Tel Aviv University, Israel)
- P. Holquist Doctor of Sciences (History), Professor (University of Pennsylvania, Philadelphia, United States)
- V. I. Shishkin Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

В Е С Т Н И К Н Г У

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2023. Том 22, № 8: История

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история

- Жетпысбаев С. К.* Традиции и обычаи казахского народа: место и роль в модернизации общества 9

Российская история

- Гурьянова Н. С.* Канон священных текстов у старообрядцев и организация религиозной жизни общин 20
- Проскурякова М. Е.* Учащиеся и выпускники остзейской гарнизонной школы в 1730-е годы 32
- Курапов А. А., Музраева Д. Н.* Несостоявшееся калмыцкое паломничество в Тибет начала XIX века: исторический и источниковедческий аспект (по материалам Государственного архива Астраханской области) 44
- Ильин П. В.* Устав Союза благоденствия в отражении следственных показаний и воспоминаний С. П. Трубецкого 58
- Филюшкин А. И.* «Сделать известным»: историческая память, историческая политика и памятники истории Российской империи 70
- Комлева Е. В.* Кавказ второй половины XIX века глазами русского купца: из путевых заметок Михаила Константиновича Сидорова 81
- Нефедов С. А.* О пересмотре данных российской урожайной статистики конца XIX века 92
- Ходяков М. В., Чжао Чжицин.* Строительство церквей в Забайкалье и Китайско-Восточная железная дорога: Кайдаловская ветвь на рубеже XIX–XX веков 100
- Орлов И. Б.* Особенности научного туризма в СССР (постановка проблемы) 112

Историография. Источниковедение

<i>Метель О. В.</i> Раннехристианские сюжеты в творчестве Б. Ф. Поршнева: опыт анализа	126
<i>Матханова Н. П.</i> Публикации воспоминаний отечественных историков конца XX – начала XXI века: практики и проблемы	137
<i>Мухамедов Ш. Б.</i> Политика Российской империи в отношении ислама в Туркестане (1867–1917): обзор источников	146
Список сокращений	159
Информация для авторов	160

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2023, vol. 22, no. 8: History

CONTENTS

World History

- Zhetpysbaev S. K.* Traditions and Customs of the Kazakh People: Place and Role in the Modernization of Society 9

Russian History

- Gurianova N. S.* Canon of Sacred Texts among the Old Believers and Organization of Religious Life in the Communities 20
- Proskuryakova M. E.* Pupils and Graduates of the Ostsee' Garrison School in the 1730s 32
- Kurapov A. A., Muzraeva D. N.* The Failed Kalmyk Pilgrimage to Tibet at the Beginning of the 19th Century: Historical and Source Study Aspect (Based on the Materials of the State Archive of the Astrakhan Region) 44
- Ilyin P. V.* The Charter of the Union of Welfare in the Reflection of Investigative Testimony and Memoirs of S. P. Trubetskoy 58
- Filyushkin A. I.* "Make Known": Historical Memory, Politics of Memory and Historical Monuments of the Russian Empire 70
- Komleva E. V.* The Caucasus of the Second Half of the 19th Century through the Eyes of a Russian Merchant: From the Travel Notes of Mikhail Konstantinovich Sidorov 81
- Nefedov S. A.* On the Revision of Russian Harvest Statistics of the Late 19th Century 92
- Khodyakov M. V., Zhao Zhiqing.* Church Construction in Transbaikalia and the Chinese Eastern Railway: Kaydalovskaya Railway Branch at the Turn of the 19th – 20th Centuries 100
- Orlov I. B.* Features of Scientific Tourism in the USSR (Problem Statement) 112

Historiography. Source Study

<i>Metel O. V.</i> The History of the Early Christianity in B. F. Porshnev's Works: An Attempt for the Analysis	126
<i>Matkhanova N. P.</i> Publishing Memoirs of Russian Historians of the Late 20 th – Early 21 st Century: Practices and Issues	137
<i>Mukhamedov Sh. B.</i> Politics of the Russian Empire towards Islam in Turkestan (1867–1917): A Review of Sources	146
List of Abbreviations	159
Instructions to Contributors	160

Научная статья

УДК 323.11(574)

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-9-19

Традиции и обычаи казахского народа: место и роль в модернизации общества

Сейсембай Калижанович Жетпысбаев

Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова

Павлодар, Республика Казахстан

zhetpysbayevs@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2249-1256>

Аннотация

В контексте процесса модернизации общества анализируются два наиболее значимых календарных и семейных обряда казахского народа: Наурыз и свадьба. Этот анализ базируется на материалах систематических исследований традиций кочевых народов, проведенных российскими и казахстанскими учеными. В статье приводятся наиболее важные историографические данные и новые источниковые материалы о кочевых культурах, традициях и обычаях казахского народа. Актуальность и новизна работы заключается в расширении объективного научного пространства для ревитализации базовых народных традиций, имеющих огромное историческое и культурное значение в период реформирования и становления современного казахстанского общества. Автором сделан вывод о целесообразности актуализации традиционной культуры для национального возрождения Казахстана, как социальной и интеллектуальной памяти, особенно востребованной в период модернизации.

Ключевые слова

обряд, традиции, обычаи, национальная культура, национальное наследие, модернизация

Для цитирования

Жетпысбаев С. К. Традиции и обычаи казахского народа: место и роль в модернизации общества // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 8: История. С. 9–19. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-9-19

Traditions and Customs of the Kazakh People: Place and Role in the Modernization of Society

Seisembay K. Zhetpysbaev

S. Toraigyrov Pavlodar State University

Pavlodar, Republic of Kazakhstan

zhetpysbayevs@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2249-1256>

Abstract

The article analyzes the nature and essence of traditions and customs and their place and role in the modern everyday life of Kazakh people. Based on the outcomes of previous studies of Kazakh history, philosophy, and sociology and on the examination of the national cultural policy, especially the preservation of national culture and the revival of forgotten traditions and customs, it highlights main challenges related to the education in the field of progressive cultural traditions, reveals, reasons of why some of the cultural practices and norms stay alive when others disappearing. The study goal is to show the role of the traditions and customs of the Kazakh people in the revival process of the national culture during the period of social modernization. The article considers traditions and customs as an integral so-

ciocultural dimension of human activity and communication, creating the basis for the entire diversity of cognitive experience. Based on the already published and widely known materials on nomadic and Turkic cultures, traditions, and customs, the author examines connections between historical traditions of the steppe life, their representation in the modern everyday life of the Kazakh people, and their future as a part of the national culture of independent Kazakhstan. For instance, hospitality is a foundational element of both the rites of the nomadic people of the Kazakh steppe and the cultural norms of the contemporary population of Kazakhstan. The article concludes by arguing that customs and traditions are a social mechanism that transfers social values from generation to generation and underlies the basis of national unity and cultural identity of the Kazakh people. Thus, the national culture, containing many traditions, customs, rituals, rituals, is the life-giving environment that can and should serve as a source of national revival for any state, and especially for Kazakhstan. Culture is able to accumulate knowledge and information about the world and pass it on from generation to generation. At the same time, it acts as the social and intellectual memory of a particular nation and humanity in general. Therefore, the purpose of the author during the period of modernization of society is to show the spiritual revival of the national culture of the Kazakh people as an integral part of the world cultural process.

Keywords

ritual, traditions, customs, national culture, national heritage, modernization

For citation

Zhetpysbaev S. K. Traditions and Customs of the Kazakh People: Place and Role in the Modernization of Society. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 8: History, pp. 9–19. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-9-19

Каждый народ имеет свои обычаи и традиции, характеризующие его уникальные национальные особенности и черты, раскрывающие сущность его национальной культуры. Традиции и обычаи вырабатываются в длительном историческом развитии, в процессе многообразной трудовой и культурной деятельности каждого народа. Как и все народы, казахи имеют богатую историю и уникальную национальную культуру. Исследование существовавших в прошлом традиций и обычаев казахского народа, многие из которых были забыты, предоставляет возможность не только для более глубокого понимания специфики национальной культуры, но и для возрождения этих традиций для будущих поколений.

Проблематика культурных традиций занимает важное место в современной западной культурологии, культурной антропологии и социологии. Культура исследователями рассматривается с самых разных точек зрения. Особое внимание уделяется выявлению связи между историческим прошлым и настоящим, преемственности культурных феноменов, обоснованию того, что именно культурная традиция является ядром культуры. Так, американский социолог Эдвард Шилз культурную традицию видит в той связи, которая соединяет общество с его прошлым и которая не может исчезнуть полностью, так как она наследуется благодаря самой природе общества [Shils, 1981, p. 15–16], а С. Эйзенштадт, развивая идею о традиции как «центральной сфере» культуры, выдвинул положение о том, что в центре культуры концентрируются особые компоненты, из которых и вырастает традиция [Eisenstadt, 1973, p. 151]. Американский этнолог и культуролог Л. Уайт в целом рассматривал культуру как традицию [Уайт, 2009, с. 115]. И с точками зрения известных зарубежных исследователей и ученых, на наш взгляд, невозможно не согласиться. Обобщая, можно определить, что культура – это совокупность традиций, обычаев и обрядов, созданных людьми, это среда обитания людей, возникшая в результате человеческой и технологической деятельности, мир объединенных системой отношений. Следовательно, становление и развитие как национальной коллективной общности, так и национальной культуры является функцией, лежащей в основе культурной традиции.

Данная тема получила широкое освещение в российской и казахстанской историографии. Работы русских исследователей имели не только общую цель описания общества казахов, но перед ними также ставились задачи изучения отдельных сторон функционирования этого социума. Так, в семейном праве, описываемом П. Маковецким, подробно рассмотрены вопросы, касающиеся брака и его заключения, обряда сватовства и свадьбы у казахов и др. В частности, он пишет: «...брак представляет весьма сложный институт... сюда мы относим,

прежде всего, принцип уважения к женщине, к ее праву свободно распоряжаться личностью своей, заключать брак по своему выбору и отказываться от мужа, навязываемого ей, по обычаю, родом...» [Маковецкий, 1886, с. 1]. Труды П. Маковецкого имеют не только юридическое, но и историческое и этнографическое значение при исследовании казахского общества в прошлом. О семиреченских казахах ценные сведения мы находим у А. Н. Краснова, действительного члена императорского Русского географического общества, который описывает внутреннюю жизнь, быт, национальную кухню и гостеприимство казахов. Как писал сам Краснов, «...не будучи этнографом вообще и преследуя во время моего путешествия исключительно геоботанические задачи, за мое месячное пребывание среди киргиз (казахов) я имел возможность только урывками наблюдать жизнь этого народа...» [Краснов, 1887, с. 2]. В его работе содержится много интересных сведений, касающихся свадебного обряда, поминок, погребально-похоронного обряда, народной медицины и др.

Личностью, внесшей огромный вклад в становление казахской культуры, являлся Чокан Валиханов, который раскрыл внешнему миру характер «человека степи». С этой целью изучал традиции и обычаи, язык и религию казахского и киргизского народов, в том числе интересовался народными песнями, исполняемыми акынами (Борисов, 1985). В написанных им научных трудах дан анализ культуры казахского и других родственных тюркских народов» [Валиханов, 2010, с. 277]. Таким образом, краткий анализ трудов исследователей наглядно определяет важность и особенность тех или иных сторон из жизни казахов, а также подтверждает интерес ученых к историческому, культурному и другим аспектам жизни казахского народа, которые представляют научное значение в реконструкции повседневной жизни казахов XIX в.

В казахстанских исследованиях традиции и обычаи изучались комплексно. Об обычаях и обрядовой культуре казахов Сейіт Кенжеахметұлы пишет: «...исторически сохраненный народом комплекс обычаев наполняет смыслом жизненный путь человека, не дает ему сбиться с этого пути» [Кенжеахметұлы, 2018, с. 114]. Обряды свадебной церемонии изучали М. К. Алимарданова и С. Х. Масимова, которые придают большое значение обычаю сватовства [Алимарданова, Масимова, 2016, с. 9].

Вопрос о возрождении и развитии традиции и обычаев казахского народа остается одной из актуальных проблем сегодняшнего дня. В этом отношении заслуживает внимания принятая в Казахстане государственная программа «Мадени мура – Культурное наследие», которая является основным документом в сфере развития духовной и образовательной деятельности, стратегическим национальным проектом [Шелегина, Жетпысбаев, 2018, с. 31].

Источниковой базой для написания статьи послужили архивные документы, выявленные автором в ходе исследования, а также целый ряд материалов из средств массовой информации, прежде всего из периодической печати. Большую научную ценность представляет публикация «Обряды и традиции народов Казахстана», в которой собран документально-изобразительный материал, отражающий всю уникальность казахстанского общества, сохраняющего ценности традиций культуры разных народов [Сейсенова, 2005, с. 5].

Методологической базой исследования является теория модернизации. Культура не может существовать, не обновляясь, не модернизируясь. Новация является в этом случае способом обновления культуры. Особую специфику приобретает теория модернизации И. В. Побережникова, согласно которой «кардинальная трансформация, связанная с движением от традиционности к современности, охватывающая определенный исторический процесс, включает инновационные мероприятия» [Алексеев, Побережников, 1998, с. 8]. Соглашаясь с мнением известного ученого, добавим, что у казахов вся бытовая жизнь устроена по установленной традиции, которая прошла тысячелетний путь, связана с движением вперед и подвергалась при этом изменениям под воздействием новых, прогрессивных идей и влияний как в пределах нации, так и вне ее. В этом смысле современные традиции казахов – это результат модернизационного воздействия.

Традиции и национальные обряды – мощный, все еще недостаточно изученный, духовный пласт казахской культуры. Традиции и национальные обряды – концентрированное выражение исторической культуры народа, его многовекового опыта.

Возвращение к историческим истокам – главная примета преемственности в жизни поколений. Чтобы постичь культуру народа, надо знакомиться с национальными обычаями.

Далее в статье мы рассмотрим проблему сохранности традиций на конкретных примерах семейных обрядов и обрядов жизненного цикла, в разной степени сохранивших свои аутентичные формы и содержание, в разной степени подвергшихся современному обрядотворчеству, и попытаемся показать варианты их изменений, произошедших к настоящему времени. Так, рассмотрение традиции «Наурыз мейрамы» и свадебной обрядности дает возможность проследить особенности бытования традиционной казахской обрядности в современных условиях, пути ее трансформации и результаты эволюции.

Наурыз – это один из древних земледельческих праздников среднеазиатских народов, праздник весеннего равноденствия. Понятие «наурыз» пришло из персидского: «нау» – новый, «роз» – день, т. е. означало новый день или новый год – ұлыстың ұлы күні (Делль, 2017).

В Казахстане первое упоминание о Наурызе связано с именем Толе би, советника Тауке хана, и относится к 1720 г. (Балмаганбетова, 2023). Важные сведения о дате празднования Наурыза мы узнаем из архивных источников. Так, из протокола № 14 заседания Президиума ЦИК Казахской ССР от 5 марта 1921 г. в Оренбурге: «...признать обязательным празднование следующих мусульманских праздников: “Ураза Айт” – три дня, “Курбан Айт” – три дня и Наурыз – 9 марта по старому стилю. Поручить Наркомтруд совместно с Киркрайпрофбюро установить порядок проведения празднования на местах»¹. При этом наиболее часто наступление Нового года связывали с днем весеннего равноденствия 21–22 марта. Среди казахов Наурыз также назывался «Ұлыс күні» или «Ұлыстың ұлы күні» – «Великий день народа» (Гончаров, 2006).

В прошлые времена традиционно казахи отмечали Наурыз как праздник весны, весеннего равноденствия, когда дни становятся длиннее, а ночи короче, выбор этого времени объясняется еще тем, что оно совпадало со временем завершения зимовки и подготовки к летнему кочевью. Вообще, кочевка для аула считалась торжественным действием. Все одевались празднично, верблюды и кони украшались красивой сбруей и попонами, расшитыми великолепными узорами. Все это в совокупности делало Наурыз большим народным праздником [Хамзеева, 2011, с. 78]. Само же празднование Наурыза начиналось с древнего обряда: «Бұлақ көрсең көзін аш – увидишь родник, открой глаза». Буквально с первыми лучами солнца казахи от мала до велика собирались у родника или арыка, расчищали его, умывались, брызгали друг на друга водой. Издревле вода считалась символом чистоты и свежести. Көктем тұды! – С рождением весны! – такими словами казахи поздравляют друг друга, пожимая при этом руку двумя руками, желают счастливого Нового года. Затем переодетые в яркие праздничные одежды *жырышы* обходили селение и зазывали всех на праздник – *Наурыз той*. Собравшись, все поздравляли друг друга, желали добра и благополучия в Новом году, пели национальные песни, танцевали, веселились. Праздник сопровождался развлечениями: устраивали игры (*айқыш-үйқыш*, *аудары-спақ*), скачки (*қыз-қуу* и *байға*) и состязания (*қазақ күресі*, *арқан тартыс*, *асық ату*), отмечали праздник за богатым дастарханом. К празднику в каждой семье было обязательным ритуальное угощение – главное блюдо праздничного стола Наурыз-коже. Общим для всех правилом было магическое число используемых продуктов – семь ингредиентов, которые символизируют семь элементов жизни, куда входят: вода, соль, пшеница, просо, мясо, сметана, курт – в разных регионах ингредиенты могут быть разные [Традиции..., 2011, с. 13]. Важной составной частью праздника было ходить друг к другу в гости и выражать взаимные благопожелания. В дни празднования Наурыз-

¹ ЦГА РК. Ф. 30. Оп. 1. Д. 16. Л. 67.

за не проводились никакие полевые работы. Они были посвящены только веселью. Эта традиция не нарушается и сегодня.

Особый интерес к разностороннему исследованию быта и культуры казахского народа XVIII в. проявлял И. Г. Андреев, который отмечал, что: «...киргиз-кайсаки (имелись в виду люди жившие в степи. – С. Ж.) как народ вольный и непринужденный, праздников положенных по закону, не почитают, да они их и не знают, а празднество и торжество бывает при совершении брачном и на поминках, и все оно состоит наиболее в пище, питии и конском ристании» [Андреев, 1998, с. 56]. Другую версию описания праздника излагает исследователь XIX в. М. И. Красовский, который пишет, что для казахов празднование Наурыза представлялось как «торжественное ликование весны», которое отмечалось «всем народом без исключения» и, по признанию самих казахов, «ведется испокон веков» [Красовский, 2007, с. 96]. Там же он отметил, что Наурыз могли праздновать не только 22 марта, но также в апреле и мае. В фундаментальном труде по этнографии народов Средней Азии и Казахстана из известной серии «Народы мира. Этнографические очерки» под общей редакцией С. П. Толстова находим лишь упоминание о том, что у казахов отмечался Новый год – Наурыз [Народы мира..., 1963, с. 443]. В статье «Наурыз и Курсайт: два казахских праздника с разной судьбой» исследователи Е. Ларина и О. Наумова пишут о том, что «западные казахи, как в России, так и в Казахстане не знали праздника Наурыз. В качестве Нового года они 14 марта отмечали праздник “Курсайт”, на казахском правильнее “Көрісу – встреча”, который имеет настолько характерные особенности, что его можно считать самостоятельным местным праздником. Наурыз и Көрісу развивались последние десятилетия совсем разными путями. Наурыз, который широко распространен в Азиатских странах превратился в официальный праздник. Көрісу – локальный праздник западных казахов и казахов, проживающих в приграничных к ним областях России» [Ларина, Наумова, 2014, с. 84]. Все эти высказывания в совокупности свидетельствуют о том, что Наурыз – большой всенародный праздник.

В советское время традиция празднования Наурыза на государственном уровне заметно сократилась, а с начала 1930-х гг. вовсе не поддерживалась. В семидесятилетний советский период в Казахстане боролись с народными традициями как с «пережитками прошлого». Праздник считался религиозным и в рамках советской идеологии не имел права на существование. Официального документа о запрете издано не было, но советской властью попытки массовых гуляний всячески пресекались. Однако казахи и тогда сохранили традиции прежнего образа жизни – отмечали праздник тайно у себя в домах, накрывали дастарханы, приглашали друг друга в гости и угощали Наурыз-коже². Ситуация изменилась в 1988 г., когда поэт Мухтар Шаханов и министр культуры Казахской ССР Узбекибек Джанибеков подняли вопрос о возрождении исконных казахских народных традиций. С этого момента многие казахские национальные мероприятия, связанные с ним, – *айтыс*, *қыз қуу*, *қазақша күрес*, *тоғыз құмалақ*, *алтыбақан*, *асық ойын* и др., установление национальных юрт на Центральных площадях – вернулись к казахскому народу [Мукаев, 2022, с. 77]. Впервые народные гуляния в честь празднования Наурыза были проведены в Алма-Ате и Жамбылском районе Алматинской области в 1988 г. С возвращением празднования Наурыза старшее поколение казахов приобщалось к обычаю «бата беру», когда для присутствующих высказываются добрые и мудрые пожелания. В Великой степи издревле придавали огромное значение благословию предков, без которого не начиналось ни одно дело – ни различные мероприятия, которые сопровождают человека от рождения до глубокой старости, ни дела бытовые. Тем самым обоглашались язык, культура проведения праздничных мероприятий.

Для Казахстана временем культурных преобразований стало начало 1990-х гг., с момента обретения суверенитета, и этот период стал как новый этап в эволюции Наурыза и других традиций и обычаев казахского народа. В 1991 г. Наурыз мейрамы был возрожден указом

² *Hugai E.* История Наурыза. URL: <https://thevoicemedia.kz/nauryz/> (дата обращения 24.04.2023).

Президента страны, национальный праздник стал государственным с 2001 г., а в 2009 г. 21–23 марта объявлены выходными днями³.

Безусловно, современные очертания праздника существенно отличаются от их прежнего содержания, и к настоящему времени он претерпел существенные изменения. К примеру, в Восточно-Казахстанской области, в г. Семипалатинске «...на праздничных площадках устраивались театрализованные представления, спортивные соревнования, национальные игры, работы местных ремесленников, выставки национальных узорчатых изделий и др.» (Балаубаева, 2015). Показательны воспоминания главы семьи из династии художников и ремесленников Западно-Казахстанской области аксакала Болатбека Бейсбекова: «...сол күннің қарсаңында бақшада жұмыс істейміз, ауланы тазалап, жинаймыз, үйді ұлттық нақышта безендіреміз. Мереке күні біздің бүкіл тату отбасы мерекелік дастарханға жиналып, қолдан жасалған сыйлықтармен алмасады, бір-бірін құттықтайды және Наурыз дәстүрін талқылайды» – «...накануне весь день работаем в саду, чистим и убираем двор, оформляем дом в национальном стиле. В день праздника вся наша дружная семья собирается за праздничным дастарханом и обмениваемся подарками, сделанными своими руками, поздравляем друг друга и обсуждаем традиции Наурыза» (Доброта, 2020). А председатель польского этнокультурного объединения «Полония» Ассамблеи народа Казахстана Павлодарской области Виталий Свиницкий отмечает, что «это праздник, когда мы забываем обиды друг на друга и приглашаем соседей к столу» (Наурыз, 2015). И действительно, в честь великого праздника люди прощали друг другу самые тяжкие обиды. Об этом свидетельствует народная поговорка: «ұлыстың ұлы күні алдына келсе атаңның құнын кеш» – «если в день великого улыса придут с повинной, прощай кровную месть за отца...» [Байпаков и др., 2010, с. 580].

Глава государства Касым-Жомарт Токаев в статье «Тәуелсіздік бәрінен қымбат» – «Независимость дороже всего» (Токаев, 2021) дал специальные поручения по разработке концепции празднования Наурыз мейрамы и повышению его значимости. Цель концепции празднования Наурыз мейрамы – популяризация национального праздника, его значимости для детей, молодежи, будущих поколений в условиях глобализации современного мира, повышение его воспитательного значения. Так, согласно данной концепции праздник будет проводиться более масштабно. Предусматриваются мероприятия, запланированные согласно новому документу с 14 по 23 марта, начиная с «Көрісу күні – День приветствий» и до дня «Ұлыстың ұлы күні! Наурыз мейрамы! – День равноденствия!» и др. (Наурыз, 2023). Символом Наурыза считается букет степных тюльпанов (Испанова, 2020).

Таким образом, в данной концепции нашло отражение то, что сегодня Наурыз стал общенародным праздником весны, труда и единства и приобретает глубочайший духовно-эстетический смысл, в котором заложена актуальнейшая проблема современности – единение и гармония человека с природой.

В связи с исторической важностью народный праздник Наурыз включен в репрезентативный список ЮНЕСКО нематериального культурного наследия человечества [Байдаров, 2016, с. 45]. Таким образом, в истории независимого Казахстана началась новая традиция празднования Наурыза, играющего для казахского народа важную историческую роль национально-го символа.

Наряду с Наурызом заметную роль в жизни общества и современной жизни казахов играет и традиционная обрядность. Обрядовая культура у казахов охватывала почти все стороны народной жизни. Одной из традиций казахов, со временем трансформировавшейся в особенность национального характера, является свадебная обрядность.

³ Указ Президента Казахской Советской Социалистической Республики от 15 марта 1991 г. № 285 «О народном празднике весны Наурыз мейрамы». URL: https://www.inform.kz/ru/30-let-nazad-pervyyu-prezident-kazhastana-izdal-ukaz-o-prazdnovanii-nauryz-meiramy_a3764397 (дата обращения 22.06.2023); Байгарин М. 30 лет назад Первый Президент Казахстана издал указ о праздновании Наурыз мейрамы. URL: https://www.inform.kz/ru/30-let-nazad-pervyyu-prezident-kazhastana-izdal-ukaz-o-prazdnovanii-nauryz-meiramy_a3764397 (дата обращения 22.06.2023).

Казахи знали различные формы брака, но самой распространенной и основной являлась женитьба путем сватовства и выкупа невесты за калым. Ценные сведения об этом обычае мы находим в трудах исследователя быта и культуры казахов И. Г. Андреева. Он пишет, что: «...поколь еще жених тестю своему калыма не выплатил, свадебного совершения не бывает, когда уже по рукам ударено, платится калым, по могуществу каждого в имени, лошадьми, верблюдами...» [Андреев, 2007, с. 88]. Немало сведений можно найти о данном обычае и в архивных материалах. К примеру, «...по имеющимся сведениям в ауле № 2 Кызылагачевского района Бадин Смагулов – бай, женит своего сына Кайнидина Бадинова, за которого сватает девицу 17 лет Умсын Джантасову дочь Джантаса Курсеитова (средняка), когда эти дети родились, их родители договорились их женить, в счет чего Бадин Смагулов обязался Жантасу Курсеитову заплатить за дочь калым в 1 500 рублей. В счет этого калыма он заплатил одного мерина, двух гнедых кобыл, двух быков, 29 баранов, один тулуп на лисьем меху, атласный чапан (пальто), три с половиной куски белой кошмы»⁴.

Сватовство – издревле существующая, не забытая, обязательная традиция казахского народа. Приезд сватов носит название «күда түсер» – самый значимый, и имеет особый колорит в национальной традиции [Кенжехметклы, 2002, с. 5]. Вот как традиции сватовства XVIII в. описывает Чокан Валиханов: «...приезжают три свата и едят барана, получают подарки и уезжают» [Валиханов, 2010, с. 75]. Казалось бы, все довольно просто. Однако по традиции сватовство имело свои особенности и осуществлялось родителями или старшими родственниками молодых. Принято было сватов посылать в «счастливый день», такими днями у казахов считались среда или четверг. Если отец девушки выражал согласие, то приехавшему свату преподносили подарок «шеге-шапан – гвоздь-халат». Данный подарок, по поверью, должен скреплять предварительный сватовской договор [Тимошинов, 2001, с. 140]. Для утверждения сватовства гостям подается *құйрық-бауыр* – курдючное сало вместе с печенью, что свидетельствует об удачном завершении сватовства. После официальной части сватовства сторона жениха должна уплатить *қалың мал*, который выплачивался в основном скотом. Перед отъездом сватов отец девушки наделяет их по традиции «киітом» (ритуальным подарком от родственников). В наше время не уплачивается калым, но обычай давать *киіт* и прочие традиции сватовства сохранены. Наряду со сватовством для казахского народа большое значение имеет *той* – «келін түсіру – забирать невесту». Здесь проводятся свои ритуалы, но самое главное – это импровизация «беташар – открытие лица невесты», обязательная традиционная песня – *жыр* (знакомство с родственниками жениха). *Беташар* заканчивается наставлениями, пожеланиями, советами. По древнему адату (своду обычаев), браки запрещались между родственниками до 7-го колена [Абылхожин, Анес, 2003, с. 198]. Этого правила придерживаются и сегодня.

Таким образом, в любом народе создание семьи, свадьба – один из важных этапов в жизни человека. На рубеже XIX в. основные обряды традиционной свадьбы соблюдались: исполнение свадебных песен и айтысов акынов, проведение игр и шуточных развлечений, где главным увеселением служили скачки (*байга*) с призами, часто очень значительными, и т. д. [Абдигалиева, Нукеджанов, 2010, с. 168].

Таким образом, с развитием общества, его социально-экономической структуры в народном мировоззрении магическая функция обрядности постепенно ослабевала и затем утрачивалась. Новая обрядность, возникшая и развернувшаяся в условиях советского периода была лишена магического содержания, с которым неразрывно связаны обряды религиозного культа. Об этом свидетельствует отмена обычая уплаты калыма. Так, из директивных указаний Павлодарского окружкома от 25 февраля 1928 г. мы узнаем, что «партийным организациям уезда было поручено приступить к отмене калыма с привлечением внимания всех общественных организаций»⁵. Создание новой семьи далеко не всегда уже оформлялось в мечети, вместо этого все чаще стала проводиться свадьба [Крывелев, Коган, 1981, с. 6]. Таким обра-

⁴ Архив Павлодарской области. Ф. 233. Оп. 1. Д. 10. Св. 2. Л. 267.

⁵ Там же. Ф. 8П. Оп. 1. Д. 73. Л. 6.

зом, в советское время была проведена работа по созданию новых свадебных обрядов с целью ликвидации влияния религии на семейную обрядность. И эта цель на тот период была практически достигнута.

В XXI в. на свадьбах кроме обрядовых песен «жар-жар», «бет-ашар» и других поют общеизвестные популярные песни, а также наряду с бракосочетанием в загсе в мечетях стали проводиться возрожденные обычаи – мусульманское венчание «неке-кию», когда свое благословение дает мулла и читает молитву, освящает чашку (*кесе*) с чистой водой, которую дает выпить в начале жениху, а затем невесте. К примеру, по словам руководителя аппарата Центральной мечети имени Машхур Жусупа Павлодарской области Касимова Куаныша Абуталапулы, традиция «Неке кию» начала возрождаться с обретением суверенитета страны, и за эти годы в области зарегистрировано более 23 тысяч молодых пар⁶. В целом, если посмотреть свадебный комплекс обрядов, можно заключить, что он соединил в себе черты множества обычаев, имеющих древнее происхождение. Свадебное торжество сегодня представляет собой смешение традиционных и современных элементов обрядовой культуры.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о том, что за длительный период развития общества бытующие формы обрядов эволюционируют, меняются от поколения к поколению. В «традиционное» время этот процесс шел медленнее, почти незаметно, а сегодня все происходит заметно быстрее, некоторые обряды трансформировались или редуцировались.

В заключение следует отметить, что традиции, обычаи и обряды важны прежде всего с точки зрения сохранения традиционных ценностей, в них отражен многовековой опыт казахского народа. Рассмотренные в статье культурные компоненты отражают ключевую роль культурной памяти. В традиции празднования Наурыза и в свадебной обрядности заложено много народных установлений норм поведения и этики, веками выработанные человечеством. Возрождение обычаев, традиций и возобновление празднования Наурыза в стране сегодня служат средством консолидации общества, что определяется народной номинацией *Ұлыстың Ұлы күні*. Следовательно, место и роль традиций, обычаев и обрядов в общественной жизни государства имеют огромное значение для изучения общественных процессов, организации человеческих отношений, которые можно использовать в воспитании у подрастающего поколения чувства патриотизма и уважения к своей истории, семье и Родине. Национальная культура казахского народа вобрала в себя достижения мировой культуры и является частью и продуктом мировой истории и культуры.

Список литературы

- Абдигалиева Г. К., Нукеджанов А. Традиции и обычаи в казахской культуре // Хабаршы. Вестник КазНУ. Серия «Филология. Культурология». 2010. № 2. С. 167–171.
- Абылхожин Ж. Б., Анес Г. Народы Казахстана: Энцикл. словарь. Алматы: Арыс, 2003. 352 с.
- Алексеев В. В., Побережников И. В. Модернизация и традиция // Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Екатеринбург, 1998. С. 8–32.
- Алимарданова М. К., Масимова С. Х. Казахские традиции и национальная культура питания. Алматы: Альманах, 2016. 142 с.
- Андреев И. Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы: Ғылым, 1998. 280 с.
- Андреев И. Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Астана: Алтын кітап, 2007. 210 с.
- Байдаров Е. Защита историко-культурного наследия – нравственный долг каждого из нас // МИРАС. 2016. № 4 (40). С. 44–49.
- Байпаков К. М., Козыбаев М. К., Кумеков Б. Е., Пищулина К. А. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): В 5 т. Алматы: Атамұра, 2010. Т. 2. 624 с.

⁶ Неке тіркеу кітабы / Книга регистрации браков. Павлодар қаласы Мәшһүр Жүсіп Мешіті.

- Валиханов Ч.** Собр. соч.: В 5 т. Алматы: Алатау, 2010. 420 с.
- Кенжеахметұлы С.** Традиции и обряды казахского народа. Алматы: Алматы-кітапбаспасы, 2012. 312 с.
- Кенжеахметұлы С.** Быт и культура казахского народа. Алматы: Кітап баспасы, 2018. 384 с.
- Краснов А. Н.** Очерк быта семиреchenских киргиз. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1887. 46 с.
- Красовский М. И.** Образ жизни казахов степных кругов. Астана: Алтын кітап, 2007. 287 с.
- Крывелев И. А., Коган Д. М.** Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М.: Наука, 1981. 183 с.
- Ларина Е. И., Наумова О. Б.** Наурыз и Курсайт: два казахских праздника с разной судьбой // Вестник антропологии. 2014. № 1 (27). С. 84–92.
- Маковецкий П. Е.** Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Омск: Тип. Окр. штаба, 1886. Вып. 1: Материальное право. 84 с.
- Мукаев А.** Наурыз – праздник возрождения // Мысль. 2022. № 3. С. 77–79.
- Сейсенова З. К.** Обряды и традиции народов Казахстана. Алматы: Арыс, 2005. 120 с.
- Тимошинов В.** Культурология: Казахстан. Евразия. Восток. Запад. Алматы: Дәуір, 2001. 400 с.
- Толстов С. П.** Народы мира. Этнографический очерк. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 2. 779 с.
- Традиции и обычаи этносов, проживающих в Северо-Казахстанской области. Сборник информационных и методических материалов. Петропавловск: Диалог-Север, 2011. 206 с.
- Уайт Л. А.** Понятие культуры // Вопросы социальной истории. 2009. Т. 3, вып. 1 (3). С. 95–124.
- Хамзеева Д.** Наурыз – праздник света // Мысль. 2011. № 3. С. 78–80.
- Шелегина О. Н., Жетпysбаев С. К.** Государственная политика Республики Казахстан по освоению культурного наследия // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 8. С. 30–37.
- Eisenstadt S. N.** Tradition, Change and Modernity. New York: John Wiley & Sons, 1973. 367 p.
- Shils E.** Tradition. Chicago: Chicago Uni. Press, 1981. 334 p.

Список источников

- Балаубаева Б.** Ырыс пен берекенің бастауы // Ана тілі. 2015. 27 наурыз – 1 сәуір.
- Балмаганбетова Ж.** Олицетворение единства, мира и дружбы // Кызылординские вести. 2023. 21 марта.
- Борисов Р.** Пройти весь путь сначала (записки краеведа) // Ленинская смена. 1985. 20 нояб.
- Гончаров А.** Наурыз – предок казахов? // Туран. 2006. 24 марта.
- Делль Т.** Глубокий смысл Наурыза // Проспект СК. 2017. 17 марта.
- Доброта Л.** Жить в согласии с природой // Казахстанская правда. 2020. 21 марта.
- Испанова Н.** Вестник весны, символ счастья // Казахстанская правда. 2020. 21 марта.
- Наурыз мейрамы 2023 года в Казахстане. История праздника, традиции и обычаи. Новая концепция // Қазақ үні. 2023. 17 марта.
- Наурыз мейрамын өзге ұлттар қалай тойлайды // Сарыарқа самалы. 2015. 21 наурыз.
- Токаев Қ.-Ж.** Тәуелсіздік бәрінен қымбат // Егемен Қазақстан. 2021. 5 янв.

References

- Abdigaliev G. K., Nukedzhanov A.** Traditsii i obychai v kazakhskoi kul'ture [Traditions and Customs in the Kazakh Culture]. *Journal of Philosophy, Culture and Political Science*, 2010, no. 2, pp. 167–171. (in Russ.)
- Abylkhozhin Zh. B., Anes G.** Narody Kazakhstana. Entsiklopedicheski slovar' [People of Kazakhstan. Encyclopedic Dictionary]. Almaty, Arys publ., 2003, 352 p. (in Russ.)
- Alekseev V. V., Poberezhnikov I. V.** Modernizatsiya i traditsiya [Modernization and Tradition]. In: Modernizatsiya v sotsiokul'turnom kontekste: traditsii i transformatsii [Modernization in

- the Socio-Cultural Context: Traditions and Transformations]. Ekaterinburg, 1998, pp. 8–32. (in Russ.)
- Alimardanova M. K., Masimova S. Kh.** Kazakhskie traditsii i natsional'naya kul'tura pitaniya [Kazakh Traditions and National Food Culture]. Almaty, Al'manakh, 2016, 142 p. (in Russ.)
- Andreev I. G.** Opisanie Srednei ordy kirgiz-kaisakov [Description of the Middle Horde of the Kirghiz-Kaisaks]. Almaty, Gylym, 1998, 280 p. (in Russ.)
- Andreev I. G.** Opisanie Srednei ordy kirgiz-kaisakov [Description of the Middle Horde of the Kirghiz-Kaisaks]. Astana, Altyn kitap, 2007, 210 p. (in Russ.)
- Baidarov E.** Zashchita istoriko-kul'turnogo naslediya – нравstvennyi dolg kazhdogo iz nas [Protection of the Historical and Cultural Heritage is the Moral Duty of each of us]. *MIRAS*, 2016, no. 4 (40), pp. 44–49. (in Russ.)
- Baipakov K. M., Kozybaev M. K., Kumekov B. E., Pishchulina K. A.** Istoriya Kazakhstana (s drevneishikh vremen do nashikh dnei) [History of Kazakhstan (from Ancient Times to the Present Day)]. In 5 vols. Almaty, Atamura Publ., 2010, vol. 2, 624 p. (in Russ.)
- Eisenstadt S. N.** Tradition, Change and Modernity. New York, John Wiley & Sons, 1973, 367 p.
- Hamzeeva D.** Nauryz – prazdnik sveta [Nauryz – Fest of Light]. *Mysl' [Thought]*, 2011, no. 3, pp. 78–80. (in Russ.)
- Kenzheakhmetuly S.** Traditsii i obryady kazakhskogo naroda [Traditions and Rituals of Kazakh People]. Almaty, Almaty-kitapbaspasy, 2012, 312 p. (in Russ.)
- Kenzheakhmetuly S.** Byt i kul'tura kazakhskogo naroda [Everyday Life and Culture of Kazakh People]. Almaty, Almaty-kitapb, 2018, 384 p. (in Russ.)
- Krasnov A. N.** Ocherk byta semirechenskikh kirgiz [Essay on the Everyday Life of the Semirechye Kirghiz]. St. Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina, 1887, 46 p. (in Russ.)
- Krasovsky M. I.** Obraz zhizni kazakhov stepnykh krugov [Lifestyle of Kazakh of Steppe Regions]. Astana, Altyn kitap, 2007, 287 p. (in Russ.)
- Kryvelev I. A., Kogan D. M.** Traditsionnye i novye obryady v bytu narodov SSSR [Traditional and New Rituals in the Everyday Life of the Peoples of the USSR]. Moscow, Nauka publ., 1981, 183 p. (in Russ.)
- Larina E. I., Naumova O. B.** Nauryz i Kursait: dva kazakhskikh prazdnika s raznoi sud'boi [Nauryz and Kursait: Two Kazakh Holidays with Different Fates]. *Vestnik antropologii [Bulletin of Anthropology]*, 2014, no. 1 (27), pp. 84–92. (in Russ.)
- Makovetsky P. E.** Materialy dlya izucheniya yuridicheskikh obychaev kirgizov [Materials for the Study of the Legal Customs of the Kyrgyz]. Omsk, Tipografiya Okruzhnogo Shtaba, 1886, iss. 1. Material'noe pravo [Material Law], 84 p. (in Russ.)
- Mukaev A.** Nauryz – prazdnik vrozhdeniya [Nauryz Is a Holiday of Revival]. *Mysl' [Thought]*, 2022, no. 3, pp. 77–79. (in Russ.)
- Seisenova Z. K.** Obryady i traditsii narodov Kazakhstana [Rites and Traditions of the Peoples of Kazakhstan]. Almaty, Arys publ., 2005, 120 p. (in Russ.)
- Shelegina O. N., Zhetpysbaev S. K.** State Policy of the Republic of Kazakhstan on the Exploring of its Historical and Cultural Heritage. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 8, pp. 30–37 (in Russ.)
- Shils E.** Tradition. Chicago, Chicago Uni. Press, 1981, 334 p.
- Timoshinov V.** Kul'turologiya: Kazakhstan. Evraziya. Vostok. Zapad [Culturology: Kazakhstan. Eurasia. East. West]. Almaty, Deuir Publ., 2001, 400 p. (in Russ.)
- Tolstov S. P.** Narody mira. Etnograficheskii ocherk [The Peoples of the world. Ethnographic Essay]. Moscow, AS USSR Publ., 1963, vol. 2, 779 p. (in Russ.)
- Traditsii i obychai etnosov, prozhivayushchikh v Severo-Kazakhstanskoi oblasti. Sbornik informatsionnykh i metodicheskikh materialov [Traditions and Customs of Ethnic Groups Living in the North Kazakhstan Region. Collection of Information and Methodical Materials]. Petropavlovsk, Dialog-Sever, 2011, 206 p. (in Russ.)

- Valikhanov Ch.** Sobranie sochinenii v pyati tomakh [Collected Works in 5 Volumes]. Almaty, Alatau publ., 2010, 420 p. (in Russ.)
- White L. A.** Ponyatie kul'tury [Concept of Culture]. *Voprosy sotsial'noi istorii* [Questions of Social History], 2009, vol. 3, iss. 1 (3), pp. 95–124. (in Russ.)

List of Sources

- Balaubaeva B.** Yrys pen berekeniң bastauy [The Beginning of Glory and Prosperity]. *Ana tili* [Native Language], 2015, March 27 – April 1. (in Kazakh.)
- Balmaganbetova Zh.** Olitsetvorenienie edinstva, mira i druzhby [The Personification of Unity, Peace and Friendship]. *Kyzylordinskie vesti* [Kyzylorda News], 2023, March 21. (in Russ.)
- Borisov R.** Proiti ves' put' snachala (zapiski kraevedy) [Go All the Way from the Beginning (Notes of a Local Historian)]. *Leninskaya smena* [Lenin's Shift], 1985, November 20. (in Russ.)
- Goncharov A.** Nauryz – predok kazakhov? [Nauryz – an Ancestor of the Kazakhs?]. *Turan*, 2006, March 24. (in Russ.)
- Dell T.** Glubokii smysl Nauryza [Deep Meaning of Nauryz]. *Prospekt SK* [Prospect SK], 2017, March 17. (in Russ.)
- Dobrota L.** Zhit' v soglasii s prirodoy [Living in Harmony with Nature]. *Kazakhstanskaya pravda* [Kazakhstan Truth], 2020, March 21. (in Russ.)
- Ispanova N.** Vestnik vesny, simvol schast'ya [Harbringer of Spring, a Symbol of Happiness]. *Kazakhstanskaya pravda* [Kazakhstan Truth], 2020, March 21. (in Russ.)
- Nauryz meiramy 2023 goda v Kazakhstane. Istoriya prazdnika, traditsii i obychai. Novaya kontseptsiya [Nauryz Holiday in 2023 in Kazakhstan. History of the Holiday, Traditions and Customs. New Concept]. *Qazaq űni* [Kazakh Voice], 2023, March 17. (in Russ.)
- Nauryz meiramyn  zge  lttar qalai toilaidy [How Other Nations Celebrate Nauryz]. *Saryarqa samaly* [Saryarka Wind], 2015, March 21. (in Kazakh.)
- Tokaev K.-Zh.** T uelsizdik b rinen qymbat [Independence is More Precious than Anything]. *Egemen Qazaqstan* [Independent Kazakhstan], 2021. January 5. (in Kazakh.)

Информация об авторе

Сейсембай Калижанович Жетпысбаев, кандидат экономических наук, доцент

Information about the Author

Seisembay K. Zhetpysbaev, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 03.04.2023;
одобрена после рецензирования 05.07.2023; принята к публикации 04.08.2023
The article was submitted on 03.04.2023;
approved after reviewing on 05.07.2023; accepted for publication on 04.08.2023

Научная статья

УДК 94(470) «16/17»

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-20-31

Канон священных текстов у старообрядцев и организация религиозной жизни общин

Наталья Сергеевна Гурьянова

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

gurian@academ.org, <https://orcid.org/0000-0002-8957-2018>

Аннотация

Представлен результат анализа старообрядческого сборника, написанного в первой четверти XVIII в. в центре поморского согласия Выговской пустыни. Его содержание – цитаты из авторитетных рукописей и печатных изданий, отобранные несколькими поколениями защитников старого обряда и включенными в канон священных текстов. Они служили для старообрядцев аргументами при доказательстве справедливости отстаиваемой точки зрения на новшества, внесенные в обряд и богослужебную практику Русской Церкви реформаторами. В приложении к статье приведено оглавление сборника, разделы которого свидетельствуют о стремлении составителей решить не только богословские, богослужебные и обрядовые вопросы, но и относящиеся к организации повседневной религиозной жизни общины. Сделан вывод, что канон священных для старообрядцев текстов в первой четверти XVIII в. был значительно расширен по сравнению с оформленным ранее – это позволило составителям, опираясь на цитаты, предложить решение актуальных для общины проблем религиозной жизни.

Ключевые слова

рукописные сборники, канон священных текстов, Выговское общежительство, религиозная жизнь

Для цитирования

Гурьянова Н. С. Канон священных текстов у старообрядцев и организация религиозной жизни общин // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 8: История. С. 20–31. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-20-31

Canon of Sacred Texts among the Old Believers and Organization of Religious Life in the Communities

Natalia S. Gurianova

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

gurian@academ.org, <https://orcid.org/0000-0002-8957-2018>

Abstract

The article addresses the problem of Old Believers' reasoning for organizing religious life in the communities. It focuses on a unique attitude toward the texts, which had an almost sacred status. The author outlines a process of for-

© Гурьянова Н. С., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 8: История. С. 20–31

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 8: History, pp. 20–31

mation of the canon of the Old Believers' sacred texts in the second half of the 17th century. This canon included fragments from authoritative manuscripts and printed editions that provided foundational arguments for the opponents of the church reform in any disputes, primarily related to the reformation of the rite and liturgical practice of the Russian Orthodox Church. The author also indicates a process in the first quarter of the 18th century associated with the Old Believers' continued attempts to find citations to expand the canon of sacred texts. The article analyzes the analysis of miscellany compiled by the Vyg Old Believers in the first quarter of the 18th century. It contained fragments of texts that several generations of defenders of the Old Rite had selected. From their perspective, these texts testified to the justness of their views on controversial issues of religious life. The contents of this miscellany, given in the appendix to the article, show how citations of these texts used to be practical tools to resolve debatable issues related to theology, rites, and liturgy, as well as the organization of everyday religious life in the communities. The miscellany's compilers were keen to find texts that strengthened their positions and enabled their disciples to defend the Old Rite in debates with official church representatives and within the religious and social movement. The article concludes by arguing that the Old Believers' canon of sacred texts was significantly expanded in the first quarter of the 17th century to include fragments of texts, which covered not only issues of theology, liturgy, and rituals but also the organization of the communities' everyday life (for instance, performing occasional Christian services when no priest is around).

Keywords

manuscript collections, canon of sacred texts, Vyg community, religious life

For citation

Gurianova N. S. Canon of Sacred Texts among the Old Believers and Organization of Religious Life in the Communities. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 8: History, pp. 20–31. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-20-31

Старообрядцы продолжили традиции книжников Древней Руси, сохранив особое отношение к книге и тексту, близкое к их сакрализации. С первых шагов патриарха Никона по внесению изменений в обряд и богослужебную практику Русской церкви противники новшеств обратились к рукописям и печатным изданиям с целью найти аргументы, свидетельствующие о неправомерности и незаконности действий реформатора. В этой ситуации текст должен был быть авторитетным для всех участников обсуждения актуальных вопросов церковной жизни, а также стать убедительным доводом для читателей. Первое поколение противников церковной реформы сумело отыскать значительное количество фрагментов из Священного Писания и святоотеческого предания из авторитетных рукописей и печатных книг, которые подтверждали справедливость отрицательного отношения к новшествам. Ярким примером могут служить сборники, составленные из подобных цитат Сергием Шелониным¹.

В этом обращении к поиску текстов, которые будут служить для доказательства справедливости отстаиваемой точки зрения, не было ничего необычного, так поступали и их оппоненты. Писатели с той и с другой стороны были представителями московской школы, литературная система которой базировалась на традициях книжников Древней Руси, на образованности особого типа по сравнению с западной схоластикой. Старообрядцам удалось сохранить характерное для русской культуры отношение к тексту и сформулировать свое отношение к его восприятию. С. Матхаузерова по этому поводу сделала очень точное замечание: «Текст они (противники церковной реформы. – Н. Г.) понимают как нечто данное, как откровение, которое может существовать только в своей первоначальной, законченной и неизменной форме» [Матхаузерова, 1976, с. 20].

Это понятие текста защитниками старого обряда исследователь определила как субстанциональное и привела несколько убедительных примеров из произведений Никиты Добрынина, священника Лазаря, свидетельствующих об обосновании ими идеи о невозможности изменять текст [Там же, с. 20–21]. Такое восприятие текста позволило защитникам старого обряда осуществить ревизию текстов новых богослужебных изданий и продемонстрировать явное нарушение этого принципа. Ими была проделана огромная работа по сопоставлению вновь изданных текстов с прежними. Определенный итог был подведен в знаменитой Челобитной Никиты Добрынина. Ее опровержение Симеоном Полоцким в опубликованном в 1667 г.

¹ Об этом подробно см.: [Сапожникова, 2010, с. 360–375, 397–408, 414–432].

«Жезле правления» [Зернова, 1958, с. 96, № 316], а также соборное осуждение и покаяние автора в Деянии 5-м (Материалы..., 1876, с. 82–91) не поколебало уверенности противников новшеств в их правоте.

Исходя из субстанциального отношения к тексту первое поколение защитников старого обряда осуществило не только анализ вновь изданных литургических книг, сравнив их с прежде используемыми в Русской церкви, но и заложило основы для формирования канона священных текстов. Его составили фрагменты из Священного Писания, святоотеческого предания, отобранные в качестве аргументов, которые способны были служить доказательством справедливости отстаиваемой точки зрения на новшества, а также опровергнуть оправдание реформаторами действий по внесению изменений в церковную жизнь, которые нашли отражение в печатных изданиях. Совершенно очевидно, что подборки цитат составлялись не только для использования при написании авторских сочинений, но и для пропаганды идей, для ведения дискуссий по актуальным проблемам церковной жизни.

Все включенные в канон фрагменты текстов были оформлены соответствующим образом. Каждая цитата приводилась с указанием на первоисточник, т. е. фиксировалось, из какой рукописи или печатного издания она скопирована. Обязательно приводились сведения, свидетельствующие об авторитетности текста (например, указывалось, кому принадлежала рукопись, или отмечалась ее древность). Печатные книги должны были быть изданы до восшествия на патриарший престол Никона и представлялись в качестве традиции Русской церкви. Уже первое поколение защитников старого обряда привлекло в качестве аргументов фрагменты текстов из изданных Московским печатным двором книг, содержание которых следует определить как адаптированное для русских читателей творческое наследие Литовской митрополии².

В процессе поиска текстов, необходимых для доказательства неправомерности действий реформаторов, принимали участие представители всех оппозиционных центров, сформировавшихся во второй половине XVII в.³ Преследования, казни лидеров только увеличивали популярность протеста против новшеств, и внутрицерковное движение духовенства стало постепенно превращаться в широкое религиозно-общественное. Естественно, начала формироваться его идеология. Основанием для нее служили отобранные в качестве аргументов фрагменты текстов, а книги, из которых они были заимствованы, составили систему книжных авторитетов. Канон священных текстов определял не только систему книжных авторитетов, но в начале XVIII в. к нему обращались с целью обосновать религиозную жизнь общин. Этим обусловлена актуальность темы статьи.

Углубление знаний о процессе формирования канона священных текстов у старообрядцев предоставит возможность охарактеризовать идеологические основы движения, а также уточнить, каким образом они использовали фрагменты из авторитетных текстов, объявленные священными, при обосновании особенностей религиозной жизни общин. Это позволит в какой-то степени объяснить популярность религиозно-общественного движения и его способность адаптироваться на протяжении нескольких веков к изменяющимся условиям общественно-политической жизни в стране. Тщательно отобранные цитаты из авторитетных рукописей и книг стали восприниматься как священные. Это относилось не только к текстам из Священного Писания и святоотеческого предания. Значительную роль в системе доказательства справедливости отстаиваемой точки зрения на новшества играли фрагменты из текстов православных авторов Литовской митрополии, изданных в Москве с целью преодоления духовного кризиса в обществе.

Церковь в первой половине XVII в. попыталась обеспечить паству книгами, которые можно было бы использовать в качестве религиозных учебников. Родственная митрополия предоставила возможность сделать это достаточно быстро. Первым изданием такого рода был «Большой катехизис» Лаврентия Зизания [Зернова, 1958, с. 34, № 63]. Книга не выпол-

² Об этом подробно см.: [Опарина, 1998].

³ О центрах литературно-публицистической деятельности старообрядцев см.: [Бубнов, 1995, с. 105–298].

нила своего предназначения, поскольку тираж был изъят или не осуществлен⁴. В 1640-е гг. явно с целью религиозного просвещения были опубликованы сборник «Кириллова книга» и «Книга о вере»⁵. Эти издания защитники старого обряда представили как отразившие традицию Русской церкви, поскольку в них они нашли богословские разъяснения особенностей обряда, только обозначенных в Стоглаве. Еще более ценными для них оказались эсхатологические построения, которые стали основополагающими для идеологии движения.

Церковь вынуждена была реагировать на популярность этих текстов в среде противников новшеств. Она это сделала, усомнившись в православии изложенного в них учения. Критические высказывания были сформулированы не только в отношении московских печатных изданий сборника «Кириллова книга» и «Книги о вере», но пришлось подвергнуть соборному осуждению даже фрагменты из Стоглава (Материалы..., 1876, с. 389–396). Старообрядцы привели достаточно убедительные, с их точки зрения, аргументы в пользу авторитетности этих текстов для того, чтобы оставить фрагменты из них в каноне священных. Не случайно «Полемическая тетрадь» Сергия Шелонина начинается со значительной по объему цитаты о двуперстном крестном знаменнии из рукописного варианта Катехизиса Лаврентия Зизания, а соответствующий фрагмент из 31-й главы Стоглава приведен следом [Сапожникова, 2010, с. 414–418].

Первое поколение защитников старого обряда, как отмечено ранее, заложили основы канона священных текстов и начали оформление идеологии религиозно-общественного движения. К началу XVIII в. единое движение разделилось на два направления – признающих необходимость священников и обосновавших право беспоповского существования. Затем каждое из них стало распадаться на отдельные согласия и толки, в которых была продолжена работа по формированию канона священных текстов и оформлению идеологии. Результатом этого процесса можно считать создание двух фундаментальных текстов, в которых была изложена идеология двух направлений старообрядчества. «Дьяконовы ответы» были поданы в 1719 г. представителями поповского направления синодальному миссионеру Питириму, а «Поморские ответы» – выговцами в 1723 г. другому миссионеру – иеромонаху Неофиту.

Исследователи давно оценили эти тексты в качестве источников для характеристики богатства книжной культуры старообрядцев⁶, обратили внимание на коллективность творчества при их создании, обнаружив сборники подготовительных материалов, в составлении которых принимали участие представители дьяконова согласия и выговцы [Беляева, 1996]. Основу этих сборников составили отобранные во второй половине XVII в. противниками новшеств фрагменты текстов, которые служили следующим поколениям аргументами при обосновании права оставаться в оппозиции к новшествам и при оформлении идеологии согласия. Ожидая предстоящие дискуссии с миссионерами официальной Церкви, старообрядцы, объединив усилия, продолжили поиск авторитетных текстов с целью увеличить круг включенных в канон священных.

Особенно активно этим занялись выговцы. Знаток старообрядческой литературы В. Г. Дружинин в работе, посвященной доказательству того, что они положили начало научной разработке славяно-русской палеографии на век ранее, чем началось систематическое обследование памятников письменности в России, по этому поводу сделал важное замечание: «Доказательством обширной начитанности А. Денисова и упорной работы его могут служить целые сборники выписок из книг и заметок по предметам полемики, частью собственноручно им написанные, частью составленные его сотрудниками – Даниилом Викулиным, братом Семеном Денисовым и другими соиздателями Выгорецкой обители...» [Дружинин, 1921, с. 65].

⁴ Об издании и его судьбе см.: [Корзо, 2007, с. 292–353].

⁵ Об этих изданиях см.: [Опарина, 1998].

⁶ Об этом см., например: [Поздеева, 1988].

Современный исследователь А. И. Плигузов обозначил подобные сборники в качестве авторских, указав в ряду других на рукопись РГБ. Ф. 247. № 563 ⁷ [Плигузов, 1982, с. 104, сноски № 7; с. 106, сноска № 12]. Этот сборник особенно показателен для углубления наших представлений об увеличении круга привлекаемых фрагментов текстов из авторитетных рукописей и печатных книг, а также для демонстрации того, с какой целью они составлялись в первой четверти XVIII в. В него включены цитаты с обязательным указанием на первоисточник. Сборнику предпослано оглавление, в котором обозначены тематические блоки. В нем нашло отражение представление составителей об актуальных вопросах, на решение которых направлен оформленный текст ⁸.

Сборник открывают разделы, предлагающие решение важных для старообрядцев проблем религиозной жизни – о форме креста, крестного знамения, о Символе веры, о том, сколько раз произносить припев церковных песнопений «аллилуия». Типичным по содержанию является открывающий сборник тематический раздел «О кресте». Обращение к анализу содержания этого раздела позволит охарактеризовать, каким образом составители только фрагментами текстов, без каких-либо комментариев, предлагали нужное им решение актуального вопроса религиозной жизни. Каждый раздел включает большое количество цитат, поэтому в статье невозможен их подробный анализ, но для демонстрации логики составителей и приемов использования цитат достаточно обратить внимание на ключевые, определяющие систему доказательства.

Первой помещена цитата из Библии. Выговцы привели фрагмент из Книги пророка Исаии (60:1, 11–14), в котором говорится о Кресте, составленном из «кипариса, певга и кедра», данном человечеству для просвещения и спасения ⁹. В начале XVIII в. для старообрядцев по-прежнему, как и в Средневековье, важно было использовать библейскую цитату в качестве тематического ключа ¹⁰. Разумеется, для составителей и читателей Священное Писание было безусловным авторитетом, но и в этом случае указано на первоисточник: «Из Библии, лист 91. От пророчества Исаина, от главы. 60-я». Указание на лист, на котором расположен скопированный текст, означает, что выговцы использовали Острожскую Библию (Библия, 1581, л. 91 об.).

После цитаты из Библии включены тексты с ее истолкованием, воспроизведением в молитвословиях. При этом направляющими при изложении решения вопроса о форме Креста стали фрагменты из изданий Московского печатного двора, опубликованных в первой половине XVII столетия, с ориентацией на Литовскую митрополию. Например, из Катехизиса Лаврентия Зизания выбрана цитата, в которой пророчество Исаии толкуется как описание трисоставного Креста. Скопирован вопрос: «От многих ли древес составлен есть Крест Христов?». Затем помещен текст ответа на него. Заявив, что пророк Исайя предсказал, что он будет составлен из трех древес – «кипариса, певга и кедра», автор пояснил: «Едино убо древо прямо вдоль, второе же поперек, идеже быша руце Христовы пригвождены, третье же, идеже быша нозе Христовы пригвождены...» ¹¹.

Включенные в сборник цитаты были разными по объему. Например, после фрагмента из Катехизиса помещены очень краткие отрывки, излагающие толкование на процитированный библейский текст, с обязательным очень точным и подробным описанием, откуда заимствованы. Вот характерный текст такого рода: «Из книги Маргарита новаго Святаго Иоанна Златоустаго на поклонение на дражайшаго и животворящаго Креста. От главы 46. А Исаия откуда бы было, яковые Креста древесна были, именует тыми словы – на кипарисе и певге,

⁷ РГБ. Ф. 247 (собр. Рогожского кладбища). № 563, первая четверть XVIII в. 4°. 846 л.

⁸ См.: Приложение.

⁹ РГБ. Ф. 247. № 563. Л. 1.

¹⁰ О функции библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства см.: [Пиккио, 2003, с. 431–473].

¹¹ РГБ. Ф. 247. № 563. Л. 1 об.

и кедре, вкупе месце святое прославите. Из книги Псалтыри толковья киевского превода. От псалма 59-го. Сущє: Дал еси боящимся тебе знамение, еже убежати от лица луку...»¹².

Завершает подборку толкований на пророчество Исаии цитата из Книги о вере: «Из Книги о правой вере, от главы 9. О кресте¹³. Исаиа пророк крест назнаменова, глаголя слава ливанова к тебе приидет на кипарисе, певге и кедре, вкупе прославити место святое мое и место ног моею прославлю»¹⁴. Во всех приведенных толкованиях обязательно упоминается приведенный в пророчестве факт о составлении креста из трех «деревес». После этого составители включили фрагменты текстов из молитвословий, канонов, икосов из богослужебных книг (Триоди постной, Октая и др.), в которых упоминается пророчество Исаии, или говорится о трисоставном Кресте из «кипариса, певга и кедра», на котором распяли Христа¹⁵.

В этом сборнике во всех тематических разделах составители использовали прием, когда приведено мнение оппонента и следом аргумент в форме текста из авторитетной рукописи или печатной книги, который опровергает сказанное. Подобным образом поступали и их предшественники, но они обязательно обозначали эти тексты в качестве мнения противника. Выговцы же только давали точные выходные данные первоисточника. Это вполне объясняется тем, что сборник составляли руководители общины не для широкого круга читателей, а для себя при подготовке к публичной дискуссии с миссионерами официальной Церкви.

Отличительной особенностью этого сборника является включение значительного количества фрагментов текстов из сочинений представителей Русской церкви в качестве мнения оппонента, поддерживающего точку зрения старообрядцев. Ярким примером может служить часть сборника в разделе «О Кресте». Составители привели отрывки из сочинений Лазаря Барановича, Симеона Полоцкого, которые посвящены прославлению Креста. Последним помещен значительный по объему фрагмент, с которого начинается сочинение патриарха Никона «О животворящем Кресте»¹⁶.

Фрагменты помещены в одном блоке, они следуют друг за другом без каких-либо комментариев и дополнительных вставок. Фрагменты отобраны таким образом, чтобы в них речь шла только о прославлении Креста, без обсуждения решения спорного вопроса о его форме. Для составителей важно было не только указать верные выходные данные первоисточника, но и точно скопировать текст. Об этом свидетельствует сравнительный анализ приведенных фрагментов. Обращает на себя внимание тот факт, что при воспроизведении выговцы сохранили даже написание «Иисус»¹⁷. Пока они только включили в состав сборника эти тексты из сочинений иерархов, в которых прославляется Крест, предполагая, что можно будет использовать их в качестве аргумента в дискуссии.

Значительно расширен был и канон священных текстов, о чем свидетельствуют отсылки к киевским, белорусским, сербским, болгарским рукописям и печатным изданиям. Составители сборника проявили вполне научный подход к составу фрагментов текстов. Разумеется, основу составили цитаты, отобранные предшественниками и обозначенные как священные. Выговцы скопировали их из авторитетных рукописей и печатных книг, значительно расширив этот круг. Они включили фрагменты из сочинений иерархов Русской церкви второй половины XVII в., чтобы было представлено мнение оппонентов, иногда поместив следом цитату с опровержением. В разделе «О Кресте», как и в других, включено огромное количество цитат, в которых прославляется Крест, освещается богословское понятие Креста Христова, решаются вопросы, относящиеся к его форме, титулу, т. е. было осуществлено всестороннее цитатное обоснование точки зрения старообрядцев по этим проблемам. Подобным образом они поступили и в других разделах.

¹² РГБ. Ф. 247. № 563. Л. 1 об. – 2.

¹³ На поле указан лист, на котором расположен в издании приведенный текст: «Лист 69».

¹⁴ РГБ. Ф. 247. № 563. Л. 5.

¹⁵ Там же. Л. 5 – 10 об.

¹⁶ Там же. Л. 22–23. Ср.: (Никон, 2004, с. 85).

¹⁷ См., например: РГБ. Ф. 247. № 563. Л. 22 – 22 об.

В разделе «О крестном знамении и о аллилуии» особенно заметна опора выговцев на отобранные ранее несколькими поколениями защитников старого обряда цитаты. При этом они обратились к исходным рукописям и печатным изданиям, чтобы проверить точность воспроизведения фрагментов, более подробно описать их. В этом проявился вполне научный для того времени подход к работе с текстами. Кроме того выговцы значительно расширили круг привлеченных текстов, проявив при этом глубокие познания в области книжной культуры. Если копировался фрагмент из известного издания, то составители ограничивались указанием на название, место и год издания. По-другому вводились сведения о вновь найденном исходном тексте, в котором был обнаружен фрагмент, способный служить аргументом для защиты отстаиваемой точки зрения по спорному вопросу.

Приведем характерный пример описания издания в таком случае: «Из книжицы в полдесть. В ней описание: Събрание въкратце словес от Божественнаго Писанияи з объяснением изложения святых апостол двунадесяти артыкулов православной веры. Выдруковано коштом и накладом благочестиваго его м[илости] п. Александра Шептицкого з Шептич. Працею и стараньем иеромонаха Павла Домжива Лютковича, иеродиякона Селивестра. В Угорцах, року 1618, месяца марта 30 день. Ниже. О знамении крестном...»¹⁸. Составители старались предоставить все возможные сведения о конкретном издании, чтобы при необходимости можно было к нему обратиться вновь, а во время дискуссии предоставить эти сведения оппонентам.

Иначе они ввели информацию об исходном тексте для другого фрагмента, поместив его следом: «Ис Книги о вере древняя белорусская печати в четверть. В ней же впреди напечатано: О образех, о Кресте, о хвале Божией и хвале и молитве святых и о иных артыкулах веры единое правдивое Церкви Христовы. Глава 5. О Кресте...»¹⁹. Казалось бы, в данном случае отсутствует библиографическое описание издания. Такое впечатление создается, если его сравнивать с приведенным выше, но выговцы сумели предоставить всю возможную информацию, которая позволяет определить исходное издание.

Указано, что помещенный ниже фрагмент скопирован из «Книги о вере» с уточнением «древняя белорусская печати». Это было важно, поскольку в родственной митрополии в конце XVI – начале XVII в. было напечатано несколько книг под таким названием. Можно предположить, что, отметив «древность», выговцы датировали издание концом XVI в. Указав в самом общем виде место издания, дополнительно привели самоназвание. Подобным образом, сделав акцент на самоназвании, характеризуют это издание при описании современные книговеды, установив год (1596) и место (Вильно) издания [Гусева, 2003, с. 1025–1026].

Составители цитатно оформили решение всего круга проблем религиозной жизни общины. Судя по оглавлению, разделы были посвящены не только богословским, обрядовым и богослужебным вопросам, но и организации повседневной христианской жизни выговцев. Составление рекомендаций по осуществлению нужных для верующего человека треб было вызвано необходимостью совершать их без священников. В разделах помещены фрагменты текстов из богослужебных книг, изданных до восшествия на патриарший престол Никона, в которых изложена последовательность действий священника при их совершении. В качестве типичного примера можно обратить внимание на раздел «О исповеди»²⁰.

Открывает его выписка из Требника, изданного при патриархе Иосифе в 1651 г. [Зернова, 1958, с. 73, № 234]. Приведено полное название этого текста: «Чин исповеданию православным царем и князем, и вельможам, и всем христианом мужеска полу и женска, иноком и священником, и диаконом»²¹. Поместив далее слово «Ниже», составители обозначили, что

¹⁸ РГБ. Ф. 247. № 563. Л. 186 об. Старообрядцы описали издание подобно современным книговедам, кроме указания на листовую формулу, иллюстрации, орнамент, росписи содержания. Ср.: [Гусева, 2003, с. 1025, № 148].

¹⁹ РГБ. Ф. 247. № 563. Л. 187.

²⁰ Там же. Л. 766–774.

²¹ Там же. Л. 766.

текст представлен выборочно. Действительно, они начали с самого важного для них фрагмента: «Священник приходит в церковь и последует ему, каяйся, и поставит его пред Царскими дверми. Аще линеть церкви, то в храмине чисте наедине, или прилучится кроме храмины, на месте некоем, такоже наедине...»²². Приведен текст с указанием на возможность проведения исповеди вне церкви.

Затем фрагментами из Требника представлено, каким образом священнику следует исповедовать кающегося. Дословно скопировано описание состояния готовящегося к покаянию: «Хотяй каятися, входит со страхом и со смирением и сердцем сокрушенным, согбены руце к персем имый, откровенною главою...»²³. Словом «Ниже» составители обозначили пропуск в воспроизводимом тексте. После этого поместили указания на последовательность произносимых молитвословий, а в конце – вопросы священника, задаваемые различным категориям, и обозначены молитвословия, произносимые в зависимости от ситуации²⁴.

Названия всех разделов и обсуждаемые темы обозначены только в оглавлении, но в данном случае составители сочли необходимым акцентировать внимание на включенной далее подборке цитат, поскольку на поле в качестве заглавия или вывода они расположили следующий текст: «Исповедь везде может исповедатися»²⁵. Это пояснение они проиллюстрировали, воспроизведя раскрывающие эту тему цитаты. Перечислим только названия исходных текстов, которые даны составителями, – «От Зинара», «Из книги Иоанна Постника», «Из книги Кирилловы о исповедании грехов», «Из книги Тактикона преподобнаго Никона Черныя горы», «Из книги Требника древле писаннаго при князех»²⁶.

После чистого листа скопирован отрывок из Требника, напечатанного при патриархе Никоне в 1658 г. [Зернова, 1958, с. 87, № 280]. Фрагментарно приведено «Последование о исповедании» из 8-й главы²⁷. Затем включен текст из сочинения «Пращица» Питирима, епископа Нижегородского, изданного в 1721 г. [Гусева, 2010, с. 283–284]. Скопированы вопрос и ответ 159, в котором критикуется точка зрения старообрядцев по поводу краткости чина исповеди в новопечатных Требниках, и защищается справедливость новшества²⁸. Следовательно, в разделе «О исповеди» предоставлено в форме цитат из авторитетных рукописей и печатных книг решение вопроса о возможности проведения исповеди вне Церкви, показано, каким образом она должна проводиться по традиции Русской церкви. Для информации приведена точка зрения оппонентов, излагающая современную форму проведения этой предшествующей Причащению процедуры, и ее обоснование с критикой старообрядцев.

Составители сборника РГБ. Ф. 247. № 563 явно стремились обеспечить себя и своих последователей текстами, которые позволяют решить богословские, богослужебные, обрядовые вопросы, а также обосновать при функционировании общины без священников осуществление треб, необходимых для повседневной жизни христианина. Они использовали канон священных текстов, сформированный к этому времени несколькими поколениями защитников старого обряда, расширив круг цитат благодаря увеличению привлеченных авторитетных рукописей и печатных изданий. Это давало возможность обосновать свою точку зрения на обсуждаемую проблему, быть убедительными для единомышленников и создать сложности для оппонентов.

Содержание сборника позволяет говорить, что он задумывался в качестве текста справочного характера для ведения дискуссий с миссионерами официальной Церкви. Об этом свидетельствует его завершение. В оглавлении последний раздел назван «О святых российских». Он состоит из трех частей, названия которых являются и аннотациями содержания. Первая

²² РГБ. Ф. 247. № 563. Л. 766.

²³ Там же. Л. 766 об.

²⁴ Там же. Л. 766 об. – 770.

²⁵ Там же. Л. 770.

²⁶ Там же. Л. 770–771.

²⁷ Там же. Л. 773.

²⁸ Там же. Л. 773–774.

озаглавлена так: «Описание святых, кто, который святой, в которое время преставися. Зри вкратце...». Действительно, перечислены русские святые, начиная с преподобного Антония Печерского, с указанием времени смерти²⁹.

По иному принципу составлен другой список, о чем заявлено уже в его названии: «После сего святого собора, быша святыя в Российской земли в лето своя, последоваша тому святому собору во всем и не прекословиша ни един». Речь идет о соборе 1551 г., который в своих решениях обозначил особенности русского варианта православия. В список включены 55 святых, начиная с митрополита Макария до преподобного Анания Новгородского, умершего в 1581 г.³⁰ Третья часть раздела³¹ составлена из указаний на краткое описание служб святым, выписанных из устава «Око церковное», напечатанного в 1640 г. [Зернова, 1958, с. 55, № 154]. Совершенно очевидно, что эти сведения о русских святых носили справочный характер, как и помещенная после этого информация с описанием икон, изображений в печатных изданиях, на предметах церковного обихода, в которых подтверждается отстаиваемая старообрядцами форма Креста, написание титула, крестного знамения и т. п.

Объем статьи позволил только в самом общем виде охарактеризовать содержание сборника РГБ. Ф. 247. № 563, акцентировав внимание на том, что составители попытались представить решение обозначенных в оглавлении вопросов исключительно при помощи цитат. Совершенно очевидно, что он составлялся «большаками» с целью обеспечить лидеров общины необходимыми текстами для ведения дискуссий с представителями официальной Церкви и других согласий, а также для обоснования организации повседневной религиозной жизни фрагментами текстов из авторитетных рукописей и печатных изданий. Обращение к этому сборнику показало, что канон священных для старообрядцев текстов в первой четверти XVIII в. был значительно расширен по сравнению с оформленным ранее. В него были включены цитаты, не только решающие богословские, богослужебные и обрядовые вопросы, но и относящиеся к организации повседневной религиозной жизни общины.

Приложение

[Оглавление сборника]

1. О кресте.
2. О крестном знамени, о аллилуйи.
3. О Символе веры.
4. О Молитве Иисусове.
5. О жезле архиерейском.
6. О иконном живописании.
7. О надписании кумира, неведом Бог.
8. О еже естество новопременися.
9. О еже матерем и девам слава.
10. О еже, яко Сын человекъ есть, не дивитесь сему.
11. О зачатии души и тела вкупе.
12. О евагелистех.
13. О имени Иисусове.
14. О Священнии Церкви.
15. О поколебавшейся трапезе.
16. О антимице.
17. О просфирах.
18. О отставлении молитвы в литургии.

²⁹ РГБ. Ф. 247. № 563. Л. 815 – 819 об.

³⁰ Там же. Л. 820 – 822 об.

³¹ Там же. Л. 823 – 829 об.

19. О еже в тр[и]с[вя]том сила.
20. О поклонех на великом выходе.
21. О достойно и праведно.
22. О на олтарь твой телца.
23. О слава Тебе Господи, на Евангелии.
24. О обращении со Крестом.
25. О умерших.
26. О пении церковном.
27. О поклонех в Великий пост.
28. О крещении.
29. О миропомазании.
30. О причащении воды святых богоявлений.
31. О исповеди.
32. О венчании.
33. О пострижении.
34. О Трифонове молитве.
35. О святых российских.

Список литературы

- Беляева О. К.** Редакторская работа выговских книжников над Дьяконовскими ответами // Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск, 1996. С. 37–52.
- Бубнов Н. Ю.** Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. СПб.: БАН, 1995. 435 с.
- Гусева А. А.** Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века. Сводный каталог: В 2 кн. М.: Индрик, 2003. 1356 с.
- Гусева А. А.** Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации. М.: Индрик, 2010. 1252 с.
- Дружинин В. Г.** Поморские палеографы XVIII столетия. Пг.: 9-я Гос. тип., 1921. 66 с.
- Зернова А. С.** Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. Сводный каталог. М.: ГБЛ, 1958. 152 с.
- Корзо М. А.** Украинская и белорусская катехетическая традиция конца XVI–XVIII вв.: становление, эволюция и проблема заимствований. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2007. 672 с.
- Матхаузерова С.** Древнерусские теории искусства слова. Praha: Univerzita Karlova, 1976. 145 с.
- Опарина Т. А.** Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск: Наука, 1998. 429 с.
- Пиккио Р.** Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М.: Знак, 2003. 720 с.
- Плигузов А. И.** Авторские сборники основателей Выговской пустыни // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 103–112.
- Поздеева И. В.** Древнерусское наследие в истории традиционной книжной культуры старообрядчества (первый период) // История СССР. 1988. № 1 (январь – февраль). С. 84–99.
- Сапожникова О. С.** Русский книжник XVII в. Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. 560 с.

Список источников

Библия. Острог: Иван Федоров, 1581. 628 л.

Материалы для истории раскола за первое время его существования / Ред. Н. Субботин. М.: Братство святого Петра Митрополита, 1876. Т. 2: Документы, содержащие известия о лицах и событиях из истории раскола за первое время его существования. Ч. 2: Акты, относящиеся к собору 1666–1667 года. 430 с.

Никон, патриарх. О животворящем Кресте // Никон, патриарх. Труды / Отв. ред. В. В. Шмидт. М., 2004. С. 85–92.

References

Belyaeva O. K. Redaktorskaya rabota vygovskikh knizhnikov nad D'yakonovskimi otvetami [Editorial Work of Vyg Scribes on Dyakon's Answers]. In: Russkoe obshchestvo i literatura pozdnego feodalizma [Russian Society and Literature of Late Feudalism]. Novosibirsk, 1996, pp. 37–52. (in Russ.)

Bubnov N. Yu. Staroobryadcheskaya kniga v Rossii vo vtoroi polovine XVII v. [Old Believers' Book in Russia in the 2nd Half of the 17th Century]. St. Petersburg, BAN, 1995, 435 p. (in Russ.)

Druzhinin V. G. Pomorskie paleografy XVIII stoletiya [Pomor Paleographers of the 18th Century]. Petrograd, 9-ya Gosudarstvennaya tipografiya, 1921, 66 p. (in Russ.)

Guseva A. A. Izdaniya kirillovskogo shrifta vtoroi poloviny XVI veka. Svodnyi katalog: [Cyrillic Editions of the 2nd Half of the 16th Century. Consolidated Catalog]. In 2 books. Moscow, Indrik Publ., 2003, 1356 p. (in Russ.)

Guseva A. A. Svod russkikh knig kirillovskoi pechati XVIII veka tipografii Moskvy i Sankt-Peterburga i universal'naya metodika ikh identifikatsii [Collection of Russian Books of the Cyrillic Print of the 18th Century: Printing Houses in Moscow and St. Petersburg and Universal Method for their Identification]. Moscow, Indrik Publ., 2010, 1252 p. (in Russ.)

Korzo M. A. Ukrainskaya i belorusskaya katekhicheskaya traditsiya kontsa XVI–XVIII vv.: stanovlenie, evolyutsiya i problema zaimstvovaniia [Ukrainian and Belarusian Catechetical Tradition of the End of 16th – 18th Centuries: Formation, Evolution and the Problem of Borrowings]. Moscow, Kanon+ Publ.; ROOI "Reabilitatsiya" Publ., 2007, 672 p. (in Russ.)

Matkhauzerova S. Drevnerusskie teorii iskusstva slova [Ancient Russian Theories of the Word Art]. Prague, Univerzita Karlova, 1976, 145 p. (in Russ.)

Oparina T. A. Ivan Nasedka i polemicheskoe bogoslovie Kievskoi mitropolii [Ivan Nasedka and the Polemical Theology of Kyiv Archdiocese]. Novosibirsk, Nauka, 1998, 429 p. (in Russ.)

Pikkio R. Slavia Orthodoxa: Literatura i yazyk [Slavia Orthodoxa: Literature and Language]. Moscow, Znak Publ., 2003, 720 p. (in Russ.)

Pliguzov A. I. Avtorskie sborniki osnovatelei Vygovskoi pustyni [Author's Collections of the Founders of the Vyg Community]. In: Drevnerusskaya rukopisnaya kniga i ee bytovanie v Sibiri [Ancient Russian Handwritten Book and Its' Existence in Siberia]. Novosibirsk, 1982, pp. 103–112. (in Russ.)

Pozdeeva I. V. Drevnerusskoe nasledie v istorii traditsionnoi knizhnoi kul'tury staroobryadchestva (pervyi period) [Ancient Russian Heritage in the History of Traditional Book Culture of the Old Believers (First Period)]. *Istoriya SSSR [USSR History]*, 1988, no. 1 (Jan. – Feb.), pp. 84–99. (in Russ.)

Sapozhnikova O. S. Russkii knizhnik XVII v. Sergii Shelonin. Redaktorskaya deyatelnost' [Russian Scribe of the 17th Century. Sergiy Shelonin. Editorial Activity]. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo Publ., 2010, 560 p. (in Russ.)

Zernova A. S. Knigi kirillovskoi pechati, izdannye v Moskve v XVI–XVII vekakh. Svodnyi katalog [Books of Cyrillic Print, Published in Moscow in 16th – 17th Centuries. Consolidated Catalog]. Moscow, GBL, 1958, 152 p. (in Russ.)

List of Sources

- Bibliya [Holy Bible]. Ostrog, Ivan Fedorov, 1581, 628 p. (in Russ.)
- Materialy dlya istorii raskola za pervoe vremya ego sushchestvovaniya [Materials for the History of the Schism for the First Period of its' Existence]. Ed. by N. Subbotin. Vol. 2. Dokumenty, sodержashchie izvestiya o litsakh i sobytiyakh iz istorii raskola za pervoe vremya ego sushchestvovaniya [Documents, Containing Information about Persons and Events from the History of Schism during the Early Time of Its' Existence]. Pt. 2. Akty, odnosyashchiesya k soboru 1666–1667 goda [Acts Related to the 1666–1667 Council]. Moscow, Bratstvo svyatogo Petra Mitropolita, 1876, 430 p. (in Russ.)
- Nikon, patriarch.** O zhivotvoryashchem Kreste [About the Vivific Cross]. In: Nikon, Patriarkh. Trudy [Patriarch Nikon. Works]. Ed. by V. V. Shchmidt. Moscow, 2004, pp. 85–92. (in Russ.)

Информация об авторе

Наталья Сергеевна Гурьянова, доктор исторических наук, профессор
Scopus Author ID 57222243564

Information about the Author

Natalia S. Gurianova, Doctor of Sciences (History), Professor
Scopus Author ID 57222243564

*Статья поступила в редакцию 20.04.2023;
одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 10.06.2023
The article was submitted on 20.04.2023;
approved after reviewing on 15.05.2023; accepted for publication on 10.06.2023*

Научная статья

УДК 94(47).05/063 + 911.375.4:355.47
DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-32-43

Учащиеся и выпускники остзейской гарнизонной школы в 1730-е годы

Мария Евгеньевна Проскурякова

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия
m-proskuryakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3000-999X>

Аннотация

Статья посвящена профессиональной подготовке солдатских сыновей и формированию сословной группы служащих нижних чинов в 1730-е гг. В годы Петровских преобразований 1710–1720-х гг. произошла регламентация занятий сыновей военнотружущих и созданы школы при гарнизонных полках. В царствование Анны Иоанновны в законодательные нормы были внесены изменения, уточнившие задачи школ. Подготовка в школах была ориентирована на пополнение полков грамотными и профессионально образованными писарями, музыкантами и мастерами. В фокусе внимания автора настоящей статьи находится история школы, созданной в начале 1720-х гг. при Ивангородском пехотном полку Выборгского гарнизона. В статье на основе анализа данных массовых источников изучается общий уровень грамотности среди офицеров и рядовых названной воинской части, состав их семей и занятия детей мужского пола. Автор исследует результаты государственной политики по подготовке грамотных служащих нижних чинов, а также историю формирования военного сословия.

Ключевые слова

военное образование, военное сословие, гарнизоны, гарнизонные школы, Выборг, Кексгольм, Ивангородский пехотный полк, служащие нижних чинов

Для цитирования

Проскурякова М. Е. Учащиеся и выпускники остзейской гарнизонной школы в 1730-е годы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 8: История. С. 32–43. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-32-43

Pupils and Graduates of the Ostsee' Garrison School in the 1730s

Mariya E. Proskuryakova

St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
m-proskuryakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3000-999X>

Abstract

The article studies the professional training of soldiers' sons and the formation of the social group of lower-ranking military men in the 1730s. The regulation of the occupations of military personnel's sons and the creation of schools in the garrison regiments were carried out during the Petrine reforms of the 1710–1720s. Later, amendments were made to the legislative norms that clarified the tasks of the garrison schools. These innovations took place during the reign of Anna Ioannovna. Since then, school training has focused on replenishing the regiments with literate and professionally educated clerks, musicians, and artisans. The author of the article focuses on the school history that started

© Проскурякова М. Е., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 8: История. С. 32–43
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 8: History, pp. 32–43

in the early 1720s in the Ivangorodsky infantry regiment of the Vyborg garrison. Based on the data from sources on personnel, the article analyzes the general level of literacy among officers and privates of the mentioned military unit, the composition of their families, and the activities of male children. The author examines the results of the government policy on the training of literate lower-ranking military men, as well as the history of the formation of the social group of military men. It was revealed that the military command in Vyborg made efforts to ensure that the local regiments were replenished with people who originated from military families and were professionally trained in the local school. This was the embodiment of the strategy of the central authorities. By 1735, the personnel of the Ivangorod regiment had already been replenished with 23 literate employees who were born in the military families of Vyborg, Kexholm, and other towns of north-western Russia. The study of data on family ties within the community of the Vyborg garrison employees proved that the enrolment of soldiers' sons in the garrison schools and future appointment of graduates to service in the garrison regiments was one of the ways the military estate was formed in Russia of the 1720s – 1730s.

Keywords

military education, social group of military men, garrisons, garrison schools, Vyborg, Kexholm, Ivangorodsky infantry regiment, lower-ranking military men

For citation

Proskuryakova M. E. Pupils and Graduates of the Ostsee' Garrison School in the 1730s. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 8: History, pp. 32–43. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-32-43

Систематическая профессиональная подготовка служащих нижних чинов для полевых и гарнизонных полков началась на рубеже 1710–1720-х гг. с введения в гарнизонах занятий по русскому языку, арифметике и пению для драгунских и солдатских сыновей. В 1719 г. был обнародован указ об обучении малолетних детей с последующим определением выпускников в полки, а также канцелярии¹. Власти систематически подтверждали решения 1719 г. указами 1721, 1726² и 1731–1732 гг.³ (ПСЗ РИ, 1830. Т. 8. № 5803. С. 516; № 5864. С. 550; № 6188. С. 928–930; Т. 43, ч. 1. К № 5803. С. 57–71; К № 5864. С. 175) [Бенда, 2012, с. 33–34; Бескровный, 1953, с. 295; Лалаев, 1880, с. 10; Сафронова, Кравченко, 2014, с. 180–181]. Значимые изменения в законодательстве произошли в начале 1730-х гг., когда были кодифицированы нормы, на основании которых с начала 1720-х гг. вели работу образовательные центры при гарнизонах [Проскурякова, 2022]. Указы 1731 и 1732 г. закрепили за учебными заведениями статус гарнизонных школ и определили порядок зачисления в них детей (ПСЗ РИ, 1830. Т. 8. № 6188. С. 928). Одновременно были утверждены правила их обучения и содержания (Там же. Т. 8. № 5864. С. 550; Т. 43, ч. 1. К № 5864. С. 175). Наконец, законодатели начала 1730-х гг., опираясь на опыт предшествующего десятилетия, скорректировали задачи образования. В гарнизонных школах следовало вести профессиональную подготовку строевых и нестроевых служащих нижних чинов для армии. Между тем определение выпускников на службу к гражданским делам запрещалось (Там же. Т. 8. № 6188. С. 930).

В работах отечественных историков перипетии службы нижних чинов находятся в тени исследований офицерского корпуса. Среди статей о командном составе полевых и гарнизонных полков необходимо отметить публикации М. Д. Рабиновича [1973], Г. В. Калашникова [1999], А. В. Дмитриева [2017; 2022]. Историками были рассмотрены вопросы о социальном происхождении офицеров, их семейном и имущественном положении, карьерном росте, а также уровне грамотности. М. Д. Рабинович первым из отечественных историков систематизировал данные офицерских сказок и послужных списков 1718 г. и 1720–1721 гг. по полевым полкам и пришел к выводу об очень высоком уровне грамотности офицерского состава при чрезвычайно низком уровне грамотности унтер-офицеров и рядовых (в качестве примера М. Д. Рабиновичем были приведены данные по Владимирскому пехотному полку и драгунскому гренадерскому полку Христофора фон дер Роппа) [Рабинович, 1973, с. 167–169]. Г. В. Калашников исследовал проблему зачисления на службу детей офицеров-дворян

¹ РГВИА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 11. Л. 45 – 45 об.

² Там же.

³ Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 55 (1). Л. 351; Ф. 9. Оп. 1. Д. 12. Л. 696 – 696 об.

и офицеров-недворян в 1725–1745 гг. Историк уделил внимание феномену обучения офицерских сыновей в гарнизонных школах и, проанализировав карьеры выпускников Рижской гарнизонной школы, высоко оценил качество образования в этом учебном заведении [Калашников, 1999, с. 77]. Исследования по истории русских полков XVIII в. были продолжены А. В. Дмитриевым, в центре внимания которого находится социальное, имущественное и семейное положение как офицеров, так и унтер-офицеров. А. В. Дмитриевым был изучен кадровый состав сибирских полков с 1725 по 1796 г. и сделан вывод о новой политике комплектования воинских частей в начале 1740-х гг. – наборе в рекруты солдатских детей [Дмитриев, 2017, с. 212]. Данное явление, по мнению автора, может быть объяснено «сменой поколений в рядах военнослужащих, когда ветераны, еще заставшие времена Петра Великого, постепенно уступали место своим сыновьям» [Там же]. Другая работа А. В. Дмитриева посвящена семейному положению служащих нижних чинов. Проанализировав смотровые списки за 1740-е гг., ученый установил, что большинство унтер-офицеров не вступали в брак до достижения возраста 40–45 лет [Дмитриев, 2021, с. 68]. Кроме того, историк выяснено, что из-за поздних браков и неустроенности быта потомство у женатых унтер-офицеров было малочисленным: только у 20 % женатых унтер-офицеров были сыновья (по одному сыну на семью) [Там же, с. 68–69].

Настоящая статья основана на изучении массовых источников – смотровых списках полков, на детальном исследовании которых строили свои выводы названные специалисты. В представленной работе фокус внимания смещен с карьеры представителей офицерского корпуса на историю службы унтер-офицеров, солдат, музыкантов и их сыновей. Через призму историй службы представителей второго поколения профессиональных военнослужащих сделаны выводы об эффективности Петровских и Аннинских преобразований в области создания и развития военного образования.

В представленной статье анализируются результаты работы гарнизонной школы при Ивангородском пехотном полку, расквартированном в Выборгской крепости. Воинская часть была размещена в Выборге в 1710 г. и вплоть до 1744 г. входила в состав местного гарнизона. Наряду с двумя другими Выборгскими полками Ивангородский полк относился к числу 20 Остзейских гарнизонных частей (т. е. нес службу в регионе Балтийского моря («Остзея»). Понятие «обретающиеся при Остзее полки» встречается в документах еще Петровского царствования⁴, однако в правление Анны Иоанновны (1730–1740) законодатели использовали термин «Остзейский» для обозначения группы привилегированных полков гарнизонной службы.

В центре исследования находятся списки служащих Ивангородского пехотного полка Выборгского гарнизона, составленные в ходе смотра 1735 г. Смотровые списки – это вид учетного документа, в котором в установленной последовательности фиксировались данные о служащих воинской части во время ее инспектирования [Калашников, 2000, с. 121]. С 1731 г. в задачи инспекторов – представителей высшего генералитета – входил смотр служащих, учеников школ, вооружения, имущества, строений. Данные о кадровом составе частей, включая сведения об имени, возрасте, чине, ключевых этапах карьеры, текущем занятии, семейном положении, судимости и грамотности полкового служащего, должны были в строго установленном порядке вноситься в таблицы. Формуляр списков был опубликован в приложении к «Инструкции, определенным для армии нашей генерал-инспектору и военным инспекторам» и разослан по полкам в декабре 1731 г. [Там же].

На основании сохранившихся смотровых списков по Выборгскому гарнизону можно прийти к заключению, что местные воинские части инспектировались один раз в год. В фондах Российского государственного военно-исторического архива отложилось всего пять спи-

⁴ КА. VeSa. Nrot. 1990. F. 340–340v.

сков о служащих двух полков Выборгского гарнизона⁵. Во всех документах актуальные данные текущего смотра сопоставлялись со сведениями годовой давности.

Смотровые списки относятся к категории массовых источников и включают в себя информацию о больших группах людей в конкретное время. Основным инструментарием для работы с подобным материалом являются базы данных. В ходе работы со смотровым списком 1735 г. была создана просопографическая база данных с использованием программного обеспечения FileMakerPro 12. В метаисточнике каждая карточка соответствует одной записи в списке (1 241 карточка о 1 241 служащем); основные поля – столбцам таблицы из источника (поля: «имя», «чин» и пр.). Эти сведения дополнены информацией, которую удалось установить по предшествующему учетному документу – именному списку 1717 г.⁶ («место службы в 1717 г.», «чин в 1717 г.» и пр.). Кроме того, в отдельное поле внесены данные о родственных связях военного, установленные при исследовании всего комплекса источников по Выборгскому гарнизону («преемственность службы»). Результаты интерпретации информации помещены в отдельные поля: их наличие позволяет упростить поиск через введение ключевых слов («сословие», «год рождения» и пр.). Всего в карточке базы содержится 12 основных и 13 интерпретационных полей. Создание метаисточника позволило структурировать информацию об отдельных представителях изучаемой группы, а также проанализировать данные о группе в целом.

В 1735 г. численность служащих в Ивангородском полку составляла 1 241 чел., в том числе 29 офицеров и 1 212 унтер-офицеров и рядовых. В источнике отсутствуют сведения о семейном положении 19 офицеров и двух рядовых, происходивших из дворян: контроль за занятиями дворянских детей велся Герольдмейстерской конторой. Еще о четырех служащих недворянского происхождения в списках нет сведений по неустановленным причинам. Источник 1735 г. содержит данные о 75 малолетних солдатах, находившихся на казенном содержании на время учебы в школе. Следовательно, в смотровом списке есть сведения о семейном положении и уровне грамотности 1 216 полковых служащих и о 75 школьниках. Таким образом, удалось изучить биографии 1 291 чел. (табл. 1).

Из 1 216 полковых служащих Ивангородского полка были женаты 269 чел., холосты 945, вдовы 2 (табл. 2).

Лишь каждый четвертый военнотружующий состоял в церковном браке и только у каждого шестнадцатого были сыновья. У 75 семей были дети мужского пола: в 60 семьях – один сын, в 13 семьях – двое сыновей, в двух семьях – трое сыновей. В 189 семьях не было детей мужского пола⁷.

Таблица 1

Число служащих в Ивангородском полку в 1735 г.

Table 1

The Number of Military Men in the Ivangorodsky Regiment in 1735

Чин	Общая численность	Имеются данные о семейном положении
Офицеры	29	10
Служащие нижних чинов	1 212	1 206
Малолетние солдаты	75	75
Всего	1 316	1 291

Таблица составлена по: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 54.

⁵ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 34, 54, 198, 199, 267.

⁶ Там же. Ф. 412. Оп. 1. Д. 43.

⁷ Там же. Ф. 490. Оп. 1. Д. 54.

Таблица 2

Число холостых, женатых и вдовых служащих
Ивангородского полка в 1735 г.

Table 2

The Number of Single, Married, and Widowed Military Men
in the Ivangorodsky Regiment in 1735

Чин	Женатые	Холостые	Вдовы	Нет сведений	Всего
Офицеры	7	3	–	19	29
Служащие нижних чинов	262	942	2	6	1 212
Всего	269	945	2	25	1 241

Таблица составлена по: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 54.

По царскому указу 1700 г. сыновья были разделены на две категории: рожденные до поступления отца на военную службу и рожденные после начала военной карьеры (ПСЗ РИ, 1830. Т. 4. № 1820. С. 93). Согласно законодательным нормам, первые принадлежали к той социальной группе, из которой происходил отец, вторые – к военному сословию. Из 92 сыновей 29 чел. жили за пределами Выборга и наследовали прежним занятиям отцов, 63 – в Выборге (табл. 3).

Таблица 3

Занятия сыновей служащих Ивангородского полка
по данным, приведенным их отцами в 1735 г.

Table 3

The Occupations of Sons of Military Men from the Ivangorodsky Regiment,
according to the Data Told by their Fathers in 1735

Занятия	Численность сыновей
Служба в Ивангородском полку	7
Служба писарем в канцелярии	1
Обучение в гарнизонной школе	26
Нет определенного занятия (в возрасте старше семи лет)	6
Нет определенного занятия (в возрасте младше семи лет)	23
Наследование прежнего занятия отца	29
Всего	92

Таблица составлена по: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 54.

О детях, которые унаследовали прежние занятия отцов, как правило, сообщали, что они проживают в родной деревне (селе или городе) военнослужащего. Так, гренадер Леонтий Перегудов 40 лет, начавший службу в 1719 г., во время смотра рассказал, что его сын, Федор 19 лет, ранее жил в деревне Сидорово Московского уезда – родной для их семьи⁸. Сам гренадер происходил из монастырских крестьян, женился и стал отцом за несколько лет до зачисления в рекруты. После поступления в армию связи Л. Перегудова с родственниками прервались. В 1735 г. гренадер ничего не знал о судьбе сына: «...оной жив или нет, о том

⁸ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 54. Л. 22 об. – 23.

неизвестен, а жил в той же-де деревне в доме своем»⁹. Такой же ответ на вопрос о сыновьях встречается в рассказе еще одного служащего – капрала Михайлы Шмыгина: «Женат, у него дети: Федор 7 лет, обучаетца в Выборской школе, Иван 23 лет, Василья 22 лет в Пошехонском уезде в деревне, а живы или нет, о том неизвестно»¹⁰. Однако если сын Л. Перегудова не имел права на обучение в школе из-за сословной принадлежности отца на момент его рождения, то два сына М. Шмыгина появились на свет в годы его службы (начало службы – 1703 г.; рождение Ивана – 1712 г.; рождение Василия – 1713 г.) и формально принадлежали к группе «солдатских сыновьей». Исключение их из военного сословия, очевидно, было связано с местом рождения и постоянного проживания в Пошехонском уезде. Предположительно, М. Шмыгин был в отпуске с 1712 по 1713 г. в родных краях, а затем вернулся на службу в полк, оставив семью. Несмотря на требования указа 1700 г., очевидно, что в годы вооруженного противостояния со Швецией (1700–1721) эффективный контроль над занятиями солдатских детей еще не был выстроен.

Если дети проживали вместе с отцом в Выборге, то про них в списке помещали сведения с точным указанием места службы или учебы. Барабанщик Михайло Сапожников 41 года, рекрутированный в армию в 1704 г., сообщил, что его старший сын Гордей 21 года служил барабанщиком в Ивангородском полку¹¹, а младший – Семен девяти лет – учился в школе¹².

В ходе исследования данные о детях, которые унаследовали занятия отцов, были получены, во-первых, из рассказов военных старшего поколения о своих семьях и, во-вторых, из биографий военных младшего поколения, занявших должности в Ивангородском полку. Отчасти эти сведения повторяют друг друга: все сыновья, о которых отцы сообщили как о служащих полка, действительно служили в нем и поэтому в списке помещены их биографические сведения. Однако второй массив данных о «солдатских сыновьях» представляет собой истории, рассказанные исключительно ими самими, так как во время смотра их отцы не служили в полку.

В 1735 г. из 63 сыновей, проживавших в Выборге с отцами, семеро служили в Ивангородском полку (двое – подпрапорщиками, один – каптенармусом, трое – солдатами, один – барабанщиком)¹³. Один «солдатский сын» служил в канцелярии Главной артиллерии¹⁴. Во время проведения полкового смотра 26 чел. проходили обучение в школе; 23 не достигли школьного возраста; шестеро не являлись учениками школы и не имели определенного занятия, хотя были старше семи лет (самому старшему было 16 лет) (см. табл. 3).

Согласно законодательным нормам 1732 г., каждый Остзейский полк располагал 64 ученическими вакансиями, получая под них финансирование. Официально было разрешено содержать из этих средств 82 чел.¹⁵ (жалованье малолетних солдат было равно солдатскому жалованью и составляло 7 руб. 32 коп.) (ПСЗ РИ, 1830. Т. 8. № 5864. С. 550; Т. 43, ч. 1. К № 5864. С. 175). Жалованье передавалось или семье ученика, если он проживал дома, или школьному начальству, если ребенок проживал в общежитии¹⁶.

На вакансиях для малолетних солдат при Ивангородском полку в 1735 г. обучалось 75 чел., из которых 26 являлись детьми военных, продолжавших службу в Выборгском гарнизоне¹⁷. Отцы других школьников уже закончили военную карьеру к моменту составления списка или служили в других частях.

⁹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 54. Л. 22 об. – 23.

¹⁰ Там же. Л. 37 об. – 38.

¹¹ Там же. Л. 5 об. – 6.

¹² Там же. Л. 109 об. – 110.

¹³ Там же. Л. 4 об. – 6, 87 об. – 88, 99 об. – 100, 101 об. – 102.

¹⁴ Там же. Л. 21 об. – 22.

¹⁵ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 12. Л. 696.

¹⁶ Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 55 (1). Л. 354 об.

¹⁷ Там же. Ф. 490. Оп. 1. Д. 54. Л. 108 об. – 113.

Социальный состав школьников в основном был однороден: из 75 воспитанников школы двое происходили из семей обер-офицеров, 71 чел. – из семей служащих нижних чинов и двое – из семей казаков¹⁸.

Происхождение школьников отвечало требованиям законодательства: по указам 1719, 1721 и 1726 гг. при гарнизонных полках следовало обучать малолетних детей солдатских, драгунских и «протчих служилаго всякого чина людей»¹⁹, а по указу 21 сентября 1731 г. место в школе могли получить сыновья офицеров недворянского происхождения, драгун, солдат, а также сыновья служащих «прежних служеб» – рейтар, казаков, стрельцов, приставов, рассыльщиков (ПСЗ РИ, 1830. Т. 8. № 6188. С. 928). Ограничений по числу вакансий на одну семью не существовало: при наличии свободных мест на них принимали братьев. Так, в школе учились два сына капрала Захара Селиванова 50 лет – Михаил 12 лет и Михаил 10 лет²⁰; и два сына мушкетера Ивана Волкова 41 года – Петр 8 лет и Василий 7 лет²¹.

Как правило, дети служащих Ивангородского полка получали место в школе при нем, но в случае отсутствия вакансий их зачисляли в учебный центр при другом полку. Такое случилось в редких случаях: из 26 сыновей служащих полка, занятием которых отцы называли обучение в школе, только четыре человека не получили места в одноименной школе. При другом полку учились сыновья капитана Трофима Ларионова сына Ларионова 67 лет – Петр 11 лет и Иван 10 лет²², сын мушкетера Никифора Семенова – Степан 8 лет²³ и сын Силы Лашина – Иван 13 лет²⁴.

Возраст школьников сильно разнился: самые младшие были в возрасте семи лет, самые старшие достигли 19–20 лет (два человека). Из 75 учеников 45 мальчиков приступили к обучению в 7–8 лет, что соответствовало законодательной норме 1721 г. В то же время существовала группа учеников, принятых в школу в возрасте 10–12 лет (11 учеников) и даже в возрасте 16 и 19 лет (два ученика)²⁵. Государственными стандартами обучение было предусмотрено в возрасте с 7 до 15 лет. Возможно, причиной позднего зачисления в школу мог стать дефицит вакантных мест в 1730–1734 гг.

Решение о приеме на учебу включало имена сразу нескольких человек. Так, 1 февраля 1729 г. власти зачислили в школу трех подростков возрастом от 7 до 11 лет²⁶. Сразу пять человек начали обучение в школе 7–8 марта 1730 г.²⁷ Прием солдатских сыновей в школу происходил несколько раз в год. По мере того, как школьный курс завершали старшие воспитанники, сыновья других солдат получали возможность начать образование.

Содержание смотровых списков за 1735 г. позволило сопоставить уровень грамотности «солдат» и «солдатских сыновей». В полку служил 1 241 чел., не считая школьников, и только 70 чел. умели читать и писать. Следовательно, процент грамотных служащих в Ивангородском полку составлял 5,64 %. Число грамотных было выше в офицерской среде – 24 чел., или 82,76 %. Уровень грамотности служащих нижних чинов был крайне низким: всего 46 чел., или 3,8 % (табл. 4).

Большинство офицеров Ивангородского полка (29 чел.) были людьми в возрасте 40–50 лет (средний возраст 46 лет) и принадлежали к дворянству (общее число офицеров из дворянских семей составляло 19 чел.). Некоторых из них можно отнести к группе зажиточных помещиков – они владели более чем сотней крепостных (у полковника Ивана Варфоломеева

¹⁸ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 54.

¹⁹ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 11. Л. 45.

²⁰ Там же. Ф. 490. Оп. 1. Д. 54. Л. 5 об. – 6, 111 об. – 112.

²¹ Там же. Л. 66 об. – 67, 111 об. – 112.

²² Там же. Ф. 490. Оп. 1. Д. 54. Л. 63 об. – 64.

²³ Там же. Л. 52 об. – 53.

²⁴ Там же. Л. 65 об. – 66.

²⁵ Там же. Л. 108 об. – 113.

²⁶ Там же. Л. 109 об. – 110, 112 об. – 113.

²⁷ Там же. Л. 108 об. – 109, 111 об. – 113.

сына Хотяинцова было 215 крепостных²⁸, а у прапорщика Семена Иванова сына Шестакова – 107 крепостных²⁹). Однако преимущественно офицеры Ивангородского полка были владельцами 20–30 крепостных. Грамотные офицеры (24 чел.) происходили из нескольких социальных групп: сыновья дворян (18 чел.), иноземцев (двое), мелких чиновников (один), посадских (один), купцов (один), солдат (один).

Таблица 4

Численность грамотных служащих Ивангородского полка в 1735 г.

Table 4

The Number of Literate Military Men in the Ivangorodsky Regiment in 1735

Чин	Грамотные	Неграмотные	Нет сведений	Всего
Офицеры	24	4	1	29
Служащие нижних чинов	46	1 164	2	1 212
Всего	70	1 168	3	1 241

Таблица составлена по: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 54.

Грамотные служащие нижних чинов (46 чел.) в основном были рождены в недворянских семьях. Среди них 23 чел. являлись выходцами из военного сословия (из них один был сыном офицера, а 22 происходили из солдатских семей)³⁰; 13 чел. родились в крестьянских семьях; шестеро происходили из посадских; двое – из дворян; один – из священнослужителей; и один – из чиновников (подьячих). Самую многочисленную группу грамотных унтер-офицеров и рядовых составили солдатские сыновья³¹.

В смотровых списках нет явных упоминаний об образовании грамотных служащих нижних чинов, однако анализ их личных данных показал высокую вероятность получения ими профессиональной подготовки в гарнизонных школах в период с конца 1710-х до начала 1730-х гг. Самый ранний из указов об обучении в гарнизонах относится к 1719 г., а средний возраст выходцев из военных семей составлял 24 года. Десятерым из них было по 17–19 лет; девять относились к возрастной группе 20–29 лет; двое – к группе 30–39; и двое – 40–49. Из грамотных 23 сыновей служащих не менее 19 унтер-офицеров и рядовых имели возможность получить образование в гарнизонной школе.

Изучение родственных связей военных подтвердило предположение, что они обучались при гарнизонном полку. Из 23 грамотных нижних чинов, происходивших из военного сословия, абсолютное большинство (16 чел.) родились в Выборге. Как следует из смотрового списка 1735 г., один являлся сыном офицера, а 15 называли себя сыновьями солдат. Еще один военный родился в Кексгольме, в гарнизоне которого его отец служил солдатом. Достоверность этих сведений и наличие родственных связей между двумя поколениями служащих Выборгского и Кексгольмского гарнизонов удалось подтвердить путем сопоставления данных из смотрового списка 1735 г. со сведениями из именного списка 1717 г. Другие шесть солдатских сыновей в качестве мест своего рождения назвали города Русского Севера – Псков (три человека), Опочку (один), Архангельск (один), Великий Устюг (один).

В нескольких случаях представители двух поколений служили в Ивангородском полку одновременно. Было выявлено шесть таких семей: капитан Никита Матвеев сын Седов 49 лет

²⁸ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 54. Л. 1 об. – 2.

²⁹ Там же. Л. 97 об. – 98.

³⁰ В эту группу входят те семеро служащих нижних чинов Ивангородского полка, о которых известно из рассказов их отцов о занятиях детей, а также из их биографических справок. Об этих семерых служащих данные приведены выше в статье.

³¹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 54.

и каптенармус Иван Седов 18 лет³²; сержант Лука Лапотников 56 лет и подпрапорщик Исак Лапотников 23 лет³³; подпрапорщик Григорий Козат 54 лет, подпрапорщик Иван Козатов 23 лет и каптенармус Данило Козатов 22 лет³⁴; мушкетер Федор Тормасов 49 лет и мушкетер Потап Тормасов 19 лет³⁵; мушкетер Семен Андреев 55 лет и мушкетер Терентий Андреев 19 лет³⁶; барабанщик Михайло Сапожников 41 года и барабанщик Гордей Сапожников 21 года³⁷.

В изучаемых шести семьях грамотен был лишь один представитель старшего поколения – капитан Н. М. Седов³⁸. Все остальные «солдатские отцы» не умели читать и писать. Напротив, все «солдатские сыновья» были грамотны и, несмотря на юный возраст, занимали или те же должности, что и их отцы, или немного уступали им. Так, биографии членов семьи Козат (Козатов) удивляют карьерными достижениями младшего поколения. Старший представитель рода Григорий Козат поступил в армию в 1706 г. и смог получить чин подпрапорщика только в 1733 г., т. е. спустя 27 лет после начала службы³⁹. Его старший сын Иван (23 лет) начал службу в 1726 г. и дослужился до чина подпрапорщика того же полка в 1735 г. (через девять лет)⁴⁰, а младший сын Данила (20 лет) служил с 1727 г. и стал каптенармусом в 1733 г. (через шесть лет)⁴¹. Следовательно, и Григорий Козат, и оба его сына в 1735 г. исполняли обязанности унтер-офицеров, причем один из сыновей носил тот же чин, что и отец.

Успехи других грамотных солдатских сыновей подтверждают важность образования для быстрого продвижения в чинах. По состоянию на 1735 г. 17 грамотных сыновей военнослужащих Выборга и Кексгольма занимали шесть унтер-офицерских должностей (сержант, трое каптенармусов, двое подпрапорщиков), один служил комиссарским подьячим, пятеро были ротными писарями, трое – мушкетерами, двое – барабанщиками⁴².

Обращают на себя внимание биографии Ивана Седова 18 лет (служил с 16 лет; начал службу в 1733 г.; каптенармус с 1735 г.)⁴³, Логина Хайдукова 18 лет (служил с 15 лет; начал службу в 1732 г.; ротный писарь с 1732 г.)⁴⁴, Ивана Плугина 19 лет (служил с 14 лет; начало службы в 1730 г.; ротный писарь с 1731 г.)⁴⁵ и Ивана Плотникова 19 лет (служил с 14 лет; начало службы в 1730 г.; ротный писарь с 1730 г.)⁴⁶, назначенных на должности унтер-офицеров или ротных писарей почти сразу после зачисления на службу. И если карьерные успехи Ивана Седова, предположительно, объясняются его дворянским происхождением и родственными связями с капитаном Ивангородского полка, то в случае с другими служащими можно уверенно утверждать, что их продвижение в чинах произошло благодаря личным заслугам и прежде всего успехам в учебе и полученным знаниям.

Комплектование Ивангородского полка грамотными выпускниками местной школы полностью соответствовало законодательным актам о задачах образовательных центров. Получив по окончании школы место ротного писаря, талантливые выпускники за короткий срок выходили в унтер-офицеры. Таким образом, благодаря работе школ полковой штат пополнялся не только писарями, но и унтер-офицерами.

³² РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 54. Л. 20 об. – 21, 87 об. – 88.

³³ Там же. Л. 4 об. – 5, 97 об. – 98.

³⁴ Там же. Л. 4 об. – 5, 49 об. – 50, 63 об. – 64.

³⁵ Там же. Л. 101 об. – 102, 104 об. – 105.

³⁶ Там же. Л. 99 об. – 100, 106 об. – 107.

³⁷ Там же. Л. 5 об. – 6.

³⁸ Там же. Л. 20 об. – 21.

³⁹ Там же. Л. 4 об. – 5.

⁴⁰ Там же. Л. 49 об. – 50.

⁴¹ Там же. Л. 63 об. – 64.

⁴² РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 54.

⁴³ Там же. Л. 87 об. – 88.

⁴⁴ Там же. Л. 37 об. – 38.

⁴⁵ Там же. Л. 49 об. – 50.

⁴⁶ Там же. Л. 75 об. – 76.

Итак, установлено, что военное командование в Выборге прилагало усилия к тому, чтобы местные полки комплектовались служащими, происходившими из военных семей, и прошли профессиональную подготовку в гарнизонной школе. Это являлось воплощением в жизнь стратегии центральных властей. Исследование данных о родственных связях внутри сообщества выборгских гарнизонных служащих доказало, что одним из путей формирования военного сословия в России 1720–1730-х гг. стало зачисление солдатских сыновей в гарнизонные школы с последующим определением выпускников на службу в гарнизонные же полки.

Список литературы

- Бенда В. Н.** Гарнизонные военные школы в XVIII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 4 (18). Ч. 2. С. 33–36.
- Бескровный Л. Г.** Военные школы в России в первой половине XVIII в. // Исторические записки. 1953. Т. 42. С. 285–300.
- Дмитриев А. В.** Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796): особенности военной службы на «восточной окраине» Российской империи в XVIII столетии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 528 с.
- Дмитриев А. В.** Семейное положение унтер-офицеров полевых полков русской армии в Сибири середины XVIII века // Петербургский исторический журнал. 2021. № 2 (30). С. 60–73.
- Дмитриев А. В.** Семейное положение офицеров гарнизонных войск в Сибири середины XVIII века // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 3. С. 991–1006.
- Калашников Г. В.** Из истории офицерского корпуса русской армии (1725–1745) (Законодательство о поступлении на службу и его исполнение) // Кодекс-info. 1999. № 6. С. 70–80.
- Калашников Г. В.** Учет офицерских кадров русской армии в 1700–1745 гг. // Клио. 2000. № 3 (12). С. 116–124.
- Лалаев М. С.** Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. От основания в России военных школ до исхода первого двадцатипятилетия благополучного царствования императора Александра Николаевича 1700–1880. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1880. Ч. 1. 144 с.
- Проскурякова М. Е.** «Дабы от самого младенчества доброе воспитание и наставление иметь могли»: обучение детей военнотружущих при гарнизонных полках в 1719–1740 гг. // Человек и власть в России XVII–XVIII веков: Сб. ст. к 75-летию Евгения Викторовича Анисимова. СПб., 2022. С. 210–230.
- Рабинович М. Д.** Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 133–171.
- Сафронова А. М., Кравченко О. С.** Законодательные и нормативные акты о гарнизонных школах России XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. 2014. № 14. С. 173–197.

Список источников

- ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. II Отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1830. Т. 4. 889 с.; Т. 8. 1018 с.; Т. 43, ч. 1. 864 с.

References

- Benda V. N.** Garnizonnye voennye shkoly v XVIII veke [Garrison Military Schools in the 18th Century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskus-*

- stvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, Philosophical, Political and Juridical Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice]*, 2012, no. 4 (18), pt. 2, pp. 33–36. (in Russ.)
- Beskrovny L. G.** Voennye shkoly v Rossii v pervoi polovine XVIII veka [Military Schools in Russia in the First Half of the 18th Century]. *Istoricheskie zapiski [Historical Notes]*, 1953, vol. 42, pp. 285–300. (in Russ.)
- Dmitriev A. V.** Russkaya regulyarnaya armiya v Sibiri (1725–1796): osobennosti voennoi sluzhby na «vostochnoi okraine» Rossiiskoi imperii v XVIII stoletii [Russian Regular Army in Siberia (1725–1796): The Features of Military Service of the Russian Empire’s “Eastern Margin” in the 18th Century]. Moscow, St Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017, 528 p. (in Russ.)
- Dmitriev A. V.** Semeinoe polozhenie ofitserov garnizonykh voisk v Sibiri sere diny XVIII veka [The Marital Status of Officers in Garrison Forces in Siberia in the Mid-18th Century]. *Quaestio Rossica*, 2022, vol. 10, no. 3, pp. 991–1006. (in Russ.)
- Dmitriev A. V.** Semeinoe polozhenie unter-ofitserov polevykh polkov russkoi armii v Sibiri sere diny XVIII veka [Marital Status of Non-Commissioned Officers of Russian Army’s Field Regiments in Siberia in the Middle of the 18th Century]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal [Saint-Petersburg Historical Journal]*, 2021, no. 2 (30), pp. 60–73. (in Russ.)
- Kalashnikov G. V.** Iz istorii ofitser’skogo korpusa russkoi armii (1725–1745) (Zakonodatel’stvo o postuplenii na sluzhbu i ego ispolnenie) [From the History of the Officer Corps of the Russian Army (1725–1745) (Legislation on Entry into Service and Its Implementation)]. *Kodeks-info [Codex-info]*, 1999, no. 6, pp. 70–80. (in Russ.)
- Kalashnikov G. V.** Uchet ofitser’skikh kadrov russkoi armii v 1700–1745 gg. [Accounting for Officers of the Russian Army in 1700–1745]. *Klio [Clio]*, 2000, no. 3 (12), pp. 116–124. (in Russ.)
- Lalaev M. S.** Istoricheskii ocherk voenno-uchebnykh zavedenii, podvedomstvennykh Glavnomu ikh upravleniyu. Ot osnovaniya v Rossii voennykh shkol do iskhoda pervogo dvadtsatipyatiletiya blagopoluchnogo tsarstvovaniya imperatora Aleksandra Nikolaevicha 1700–1880 [Historical Outline of Military Educational Institutions Subordinate to their Main Directorate. From the Establishment of Military Schools in Russia to the First Twenty-Fifth Anniversary of the Prosperous Reign of Emperor Alexander Nikolayevich 1700–1880]. St Petersburg, Tipografiya M. Stasyulevicha, 1880, pt. 1, 144 p. (in Russ.)
- Proskuryakova M. E.** “Daby ot samogo mladenchestva dobroe vospitanie i nastavlenie imet’ mogli”: obuchenie detei voennosluzhashchikh pri garnizonykh polkakh v 1719–1740 gg. [“That They Could Have Proper Education and Tuition from Early Years”: Training of Children of Military Men in the Garrison Regiments in 1719–1740]. In: *Chelovek i vlast’ v Rossii XVII–XVIII vekov: Sbornik statei k 75-letiyu Evgeniya Viktorovicha Anisimova [Man and Power in Russia in the 17th – 18th Centuries: Collection of Articles for the 75th Anniversary of Evgeny Viktorovich Anisimov]*. St Petersburg, 2022, pp. 210–230. (in Russ.)
- Rabinovich M. D.** Sotsial’noe proiskhozhdenie i imushchestvennoe polozhenie ofitserov regulyarnoi russkoi armii v kontse Severnoi voiny [Social Origins and Property Status of Officers of the Regular Russian Army at the End of the Great Northern War]. In: *Rossiia v period reform Petra I [Russia during the Reforms of Peter I]*. Moscow, 1973, pp. 133–171. (in Russ.)
- Safronova A. M., Kravchenko O. S.** Zakonodatel’nye i normativnye akty o garnizonykh shkolakh Rossii XVIII veka [Legislative Acts on Garrison Schools in Russia in the 18th Century]. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost’ [Document. Archive. History. Modernity]*, 2014, no. 14, pp. 173–197. (in Russ.)

List of Sources

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection]. St Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya sobstvennoi ego imperatorskogo velichestva kantselyarii, 1830, vol. 4, 889 p.; vol. 8, 1018 p.; vol. 43, pt. 1, 864 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Мария Евгеньевна Проскурякова, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 57222101505
WoS Researcher ID S-5426-2016

Information about the Author

Mariya E. Proskuryakova, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 57222101505
WoS Researcher ID S-5426-2016

*Статья поступила в редакцию 29.04.2023;
одобрена после рецензирования 21.06.2023; принята к публикации 10.07.2023
The article was submitted on 29.04.2023;
approved after reviewing on 21.06.2023; accepted for publication on 10.07.2023*

Научная статья

УДК 94(470.46=512.37)

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-44-57

Несостоявшееся калмыцкое паломничество в Тибет начала XIX века: исторический и источниковедческий аспект (по материалам Государственного архива Астраханской области)

Андрей Алексеевич Курапов¹
Деляш Николаевна Музраева²

^{1,2} Калмыцкий научный центр Российской академии наук
Элиста, Россия

¹ Akurapov78@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0521-2710>

² deliash@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8619-9369>

Аннотация

Рассматривается переписка представителей правительственных учреждений Российской империи, региональных властей с буддийским духовенством Калмыцкой степи Астраханской губернии, участниками несостоявшегося паломничества в Тибет, которое рассматривается в контексте внешнеполитических планов правительства по активизации дипломатических контактов с Китаем и Тибетом в рамках посольства Ю. А. Головкина (1805–1806 гг.). Анализируются документы из фондов Государственного архива Астраханской области и Российского государственного исторического архива. В статье представлены транслитерация и современный (диакронический) перевод двух писем калмыцких священнослужителей, выполненных на «тодо бичиг» («ясном письме»).

Ключевые слова

Российская империя, Китай, Тибет, Калмыцкая степь, паломничество, лама, «тодо бичиг»

Благодарности

Исследование проведено в рамках государственных субсидий – проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории и социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6), проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4)

Для цитирования

Курапов А. А., Музраева Д. Н. Несостоявшееся калмыцкое паломничество в Тибет начала XIX века: исторический и источниковедческий аспект (по материалам Государственного архива Астраханской области) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 8: История. С. 44–57. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-44-57

© Курапов А. А., Музраева Д. Н., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 8: История. С. 44–57

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 8: History, pp. 44–57

The Failed Kalmyk Pilgrimage to Tibet at the Beginning of the 19th Century: Historical and Source Study Aspect (Based on the Materials of the State Archive of the Astrakhan Region)

Andrey A. Kurapov¹, Delyash N. Muzraeva²

^{1,2} Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Elista, Russian Federation

¹ Akurapov78@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0521-2710>

² deliash@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8619-9369>

Abstract

For the first time in Russian historiography, the article analyzes the collection of documents from the State Archive of the Astrakhan Region and the Russian State Historical Archive related to the failed pilgrimage of the Kalmyk Buddhist clergy's representatives to Tibet at the beginning of the 19th century. A significant amount of interdepartmental correspondence accompanied the whole preparation process for this pilgrimage, which was supposed to be part of the government policy on developing the Russian-Chinese diplomatic cooperation. The permission for Buddhist clergy to contact fellow believers in Tibet followed the organization of the Russian embassy to China in 1805, headed by Yu. A. Golovkin. The Russian government expected the successful completion of the embassy, one of the tasks of which was to get free access for Russian citizens to Tibet. Kalmyk pilgrims, escorted by government officials, should be the first Russians officially granted by China to visit Tibet in the second half of the 18th century. The unsuccessful completion of the embassy prevented the pilgrimage from realization but intensified the interaction of the Russian government with the Buddhist clergy of the Kalmyk steppe. The article provides information on compensation for the expenses of the Kalmyk clergy, the organization of the trip of lamas to St. Petersburg, and the permission to build a Buddhist temple in the Astrakhan province at the request of one of the participants of the never-realized pilgrimage. The article presents a transliteration and a modern (diachronic) translation of two letters written by the Kalmyk clergy in "todo bichig" ("Clear Script") to representatives of the Russian government.

Keywords

Russian Empire, China, Tibet, Kalmyk steppe, pilgrimage, lama, "todo bichig"

Acknowledgements

The reported study was funded by government subsidies, state reg. no. 122022700134-6 "The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups", state reg. no. 123021300198-4 "Universals and specifics of the traditions of the Mongolian-speaking peoples through the prism of cross-cultural contacts and the system of relations between Russia, Mongolia and China"

For citation

Kurapov A. A., Muzraeva D. N. The Failed Kalmyk Pilgrimage to Tibet at the Beginning of the 19th Century: Historical and Source Study Aspect (Based on the Materials of the State Archive of the Astrakhan Region). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 8: History, pp. 44–57. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-44-57

В калмыцкой традиции XVII – начала XX в. буддийское паломничество к святыням Тибета – важный элемент социально-политической, социокультурной и религиозной жизни. Буддийское паломничество являлось каналом связи с единоверцами, способом решения внутриполитических и внешнеполитических задач, способом пополнения штатов буддийских монастырей, значимым религиозным ритуалом. На протяжении столетий калмыцкое буддийское паломничество видоизменялось. В XVII в. Калмыцкое ханство свободно осуществляло дипломатическое взаимодействие в Центральной Азии. Калмыцкой светской и клерикальной элите не было необходимости осуществлять дипломатические контакты под видом паломнических поездок. В этой связи основная часть паломнических поездок калмыцкой знати XVII в. осталась за пределами доступных нам русскоязычных источников. С ограничением внешнеполитической активности калмыцких владельцев Российским государством с начала XVIII в. паломничество стало регламентированным процессом, масштабной политической

акцией с санкцией российских властей. После откочевки 1771 г. буддийское паломничество на долгие годы становится невозможным, активизировавшись только в конце XIX в.

Буддийское паломничество калмыков на протяжении многих лет вызывало интерес у исследователей, изучавших различные аспекты этого феномена калмыцкой истории и культуры. В 1897 г. А. М. Позднеев опубликовал сочинение Бааза Менкеджуева «Сказание о хождении в тибетскую страну Мало-дорботского База-бакши», описавшего свое паломничество в Тибет [Сказание..., 1897]. Первый комплексный анализ исторического значения буддийских паломничеств XVII–XVIII вв. осуществил Н. Н. Пальмов [1926; 1927]. Изучение калмыцко-тибетского взаимодействия, калмыцкого буддийского паломничества было продолжено А. Г. Сазыкиным [Хождение..., 1987; 1988], Э. П. Бакаевой [2019; 2021], Е. А. Беспрозованных [1998; 2001; 2008], Б. В. Очировой [2010], В. Т. Тепкеевым, В. П. Санчировым [Тепкеев, Санчиров, 2016; Тепкеев, 2019], Е. Е. Убушуевой и Н. П. Мацаковой [2019], А. В. Цюрюмовым и А. А. Кураповым [2019]. Вместе с тем необходимо отметить, что в историографии отсутствуют исследования по подготовке посольства в Тибет калмыцких священнослужителей в начале XIX в., межведомственной переписки, переписки региональных и центральных властей с ламами, изучение писем буддийских священнослужителей и их переводов российскими чиновниками. Цели исследования определяет комплекс вопросов, для решения которых были привлечены неопубликованные документы Государственного архива Астраханской области (ГААО. Ф. 1), Российского государственного исторического архива (РГИА. Ф. 484).

В исследовании применены историко-описательный и сравнительный методы исследования. Объектами изучения являлся комплекс архивных документов фонда 1 «Канцелярия астраханского гражданского губернатора» Государственного архива Астраханской области, фонда 484 «Общий архив министерства императорского двора» Российского государственного исторического архива, относящиеся к межведомственной переписке и переписке калмыцких священнослужителей с российскими чиновниками о несостоявшемся паломничестве в Тибет в начале XIX в.

В Государственном архиве Астраханской области, в фонде 1 «Канцелярия астраханского гражданского губернатора», сохранилось три дела, относящихся к 1805–1806 гг., в которых отложились материалы о несостоявшейся поездке в Тибет представителей буддийского духовенства Калмыцкой степи в начале XIX в. О том значении, которое российское правительство придавало этой поездке, свидетельствуют высокопоставленные участники сохранившейся переписки и доброжелательное отношение к запросам калмыцких лам.

В деле 3036 «По отношению министра коммерции Румянцева о возвращении калмыцким гелюнга, собиравшимся на поклонение в Тибет, издержанных ими денег 2 500 рублей 1805 года 22 июля» фонда 1 ГААО мы находим интересный материал, относящийся к этому паломничеству. 3 июля 1805 г. министр коммерции Н. П. Румянцев сообщал астраханскому гражданскому губернатору князю Д. В. Тенишеву о том, что император Александр I распорядился компенсировать калмыцким священнослужителям – гелюнгам Табка Таскирову и Габунгу Бунтурову, находящимся в Астрахани, по представленному счету в размере 2 500 руб., которые губернатору следовало получить у управляющего императорским кабинетом, сенатора Д. А. Гурьева¹. Отметим, что в фонде 484 «Общий архив министерства императорского двора» РГИА нами было выявлено прошение тайного советника, секретаря Кабинета его императорского величества М. Н. Муравьева к Александру I о подтверждении выделения запрашиваемой суммы калмыцким ламам². К письму Н. П. Румянцева был приложен счет с издержками гелюнга Табки Таскирова: с января 1805 г. гелюнгом с его спутниками было потрачено на провизию и квартиру в Астрахани 600 руб., коляска обошлась

¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3036. Л. 1.

² РГИА. Ф. 484. Оп. 1. Д. 3922. Л. 332.

в 500 руб.³ Гелюнгом Габунг Бунтуровым с января 1805 г. было потрачено на аренду квартиры и питание 750 руб., коляска для путешествия обошлась в 600 руб.⁴

Определим, с какими внешнеполитическими событиями начала XIX в. могла быть связана готовившаяся, но отмененная поездка калмыцких священнослужителей в Тибет. Как мы отметили ранее, после откочевки 1771 г. паломничество в Тибет и Китай для калмыцких буддистов становится невозможным, правительство России, обвиняя буддийское духовенство в кризисе, приведшем к гибели Калмыцкого ханства, начинает разработку системной ограничительной политики в отношении буддийской традиции калмыков [Курапов, 2021, с. 210]. Почему же в начале XIX в. калмыцким священнослужителям была разрешена поездка к Далай-ламе, а после ее отмены ламы получили компенсацию от правительства? На наш взгляд, это связано с российско-китайским взаимодействием в рассматриваемый период. В начале XIX в. Российская империя, стремившаяся активизировать социально-политическое взаимодействие с Китаем, проявила заинтересованность в сборе сведений, в том числе и о Тибете. Соответствующее задание от министра коммерции Н. П. Румянцева в 1805 г. получил граф Ю. А. Головкин, возглавивший российское посольство в Китай [Андреев, 2006, с. 51]. По мнению В. С. Мясникова, посольство Ю. А. Головкина (1805–1806 гг.) по своему масштабу являлось самым значительным посольством Российской империи в Китай в период династии Цин [Мясников, 2011, с. 107]. Наряду с политическими и экономическими задачами по интенсификации российско-китайского взаимодействия, поставленными российским правительством перед посольством, на активизации контактов с центром буддийского учения, с Далай-ламой, также был сделан акцент в инструкции Александра I, данной Ю. А. Головкину в июле 1805 г. В инструкции подчеркивалось, что посольству необходимо оговорить пропуск китайской стороной калмыцких паломников в Тибет только в сопровождении российских чиновников: «...надеемся, что подобным поклонникам с приставами их не будет впредь чинимо никакое препятствие проходить на поклонение к Далай-ламе» (Из бумаг..., 1904, с. 36). Посольство не достигло своей цели, поскольку проблемы церемониала оказались неразрешимы для российской стороны: Ю. А. Головкин в Урге отказался от выполнения ритуала «коу-тоу», предполагавшего коленопреклонение и челобитие перед образом императора [Мясников, 2011, с. 107]. Посольство, выехав из Санкт-Петербурга в июле 1805 г. и прибыв в Кяхту в начале октября, после запрета на въезд в Китай вернулось в Санкт-Петербург в конце 1806 г. (Из бумаг..., 1904, с. 17).

Можно предположить, что правительство, рассчитывавшее на успех дипломатической миссии Ю. А. Головкина, готовило калмыцких паломников к поездке в Тибет, предполагая, что в качестве сопровождающих с ними будут допущены российские чиновники. В этой связи после провала дипломатической миссии правительство пошло на компенсацию затрат калмыцких священнослужителей в 1805 г., разрешив поездку лам в Санкт-Петербург.

Межведомственная переписка о судьбе калмыцких священнослужителей была продолжена. 21 июля 1805 г. Д. В. Тенишеву поступило письмо из 2-й экспедиции МВД, подписанное министром внутренних дел В. П. Кочубеем. В письме губернатору предписывалось выдать паспорт для поездки в Санкт-Петербург гелюнг Табка Таскирову, который обратился с просьбой об аудиенции и получил разрешение от Александра I⁵. 7 августа 1805 г. Д. В. Тенишев направил ордер приставу Павловскому о необходимости розыска гелюнга Табки Таскирова, находящегося при владельце Санджи-Убаши, для направления ламы к губернатору и получения паспорта для поездки в столицу⁶. Гелюнг был уведомлен о необходимости получения документов уже 9 августа 1805 г.⁷

³ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3036. Л. 1 об.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 3.

⁶ Там же. Л. 4.

⁷ Там же. Л. 5.

21 августа 1805 г. управляющий императорским кабинетом, сенатор Д. А. Гурьев сообщил Д. В. Тенишеву об отправке в Астрахань необходимых денежных средств для компенсации расходов гелюнггов Табка Таскирова и Габунг Бунтурова⁸.

23 августа 1805 г. астраханские чиновники организовали передачу денежных средств калмыцким священнослужителям. Гелюнг Табка Таскиров принял причитающуюся ему сумму, о чем оставил расписку: «...истраченные мною в рассуждении снаряда на поклонение к Далай-ламе деньги всего тысяча сто пятьдесят рублей от астраханского гражданского губернатора господина действительного статского советника и кавалера князя Дмитрия Васильевича Тенишева получил...»⁹.

Габунг Бунтуров от предложенной компенсации отказался, объяснив причины письменно. В деле сохранился оригинал письма гелюнга и его синхронный (синхронический) перевод, выполненный М. Андреевым. Приведем перевод письма полностью:

1805 года августа 23 дня калмыцкий зайсанг Габунг гелюнг Бунтуров при возвращении ему присланных вследствие Именного Его Императорского Величества повеления от господина тайного советника товарища министра финансов и кавалера Дмитрия Александровича Гурьева взамен убытков произошедших по случаю снаряда в Тибет на поклонение к Далай-ламе тысячи сот пятидесяти рублей господину действительному статскому советнику астраханскому гражданскому губернатору и кавалеру князю Тенишеву отказался, что по калмыцкому закону издержек из собственного своего иждивения употребленных при богоугодном намерении возвращать накрепко возбраняется, и потому он о сем никого не просил, а когда требовано было министром от него сведения о тех издержках, то об них показано им для одной видимости, в прочем означенных денег тысячу триста пятьдесят рублей принять он не желал, просит на свободный проезд в Санкт-Петербург для личного объяснения снабдить его подорожною с будущими при нем Самтан гецулем, Зодбо гецулем и Шарап манджкою, да определить одного из россиян, знающего калмыцкий разговор.

В рукоприкладстве зайсанг Габунг гелюнг Бунтуров руку и печать приложил. Переводил ученик калмыцкого диалекта Михаил Андреев¹⁰.

В деле сохранился оригинал письма на «тодо бичиг» («ясном письме»), который дополняет историческую картину (рис. 1).

Ниже приведены транслитерация и современный (диахронический) перевод текста письма. В транслитерации в круглых скобках приводится нумерация строк; косая черта (/) указывает на место переноса части слова, через дефис (-) пишутся аффиксы, написанные отдельно от слов; в квадратных скобках приводятся пропущенные графемы; имена собственные и географические названия пишутся с прописной буквы; двоеточие соответствует знаку «давхар цэг», который ставится в конце предложений.

Транслитерация

(1a:1) Modün ükür jiliyin noxoi sarayin arban nigen-dü: (2) xalimagiyin zayisang Buntariyin yabang gelüng: dalai blamadu (3) mürgöül örgüküyin tölō yabuxu bolji yasaji bayiād (4) yaryaqsan yaruügiyini tölji dēdü tede yeke ezen (5) imperatoriyin zasāyār yospodin tayini sovedidniq minis/tariyin nököd pinisob kavelēr Mitir Aliqsai-andarači (7) Guryebāsa ende yospodin Ayidarxani yarıdanskaki kubirnatōr (8) diyistibelnoi estečiki soviedniq kavaler kinas Tenišibtü bum¹¹ (9) yürban tümen¹² taban mingyan ireqsen mönggüyigi ögüqsün-du: xariü (10) keleqsen ügü ni: yerü xalimagiyin yoson-du burxani zokistai üyiledēn (11) eberēni adlāsa yaryaqsan yaruügi: tegēd toyed küün xariülji (12) abadagiyigi čingyār bōqson: nigen-du küünēse ereqsen čigi ügei: (13) züyigēr yaruüyān medeqdültun geji minister suraqsan-du: züqiler/kēleji bulnai: nerēdeqsen 'bum yürban tümen taban mingyan mönggüyigi (15) abaxā küsüji bayiqu biši: xarin nöürēr uçir medülküyin tölō

⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3036. Л. 7.

⁹ Там же. Л. 10 об.

¹⁰ Там же. Л. 10.

¹¹ bum – тиб. 'bum «сто тысяч».

¹² tümen – «десять тысяч».

- (16) Samtan gecül: Šarab manji üyirpüčüüdtai. xalimaq kelei (17) mededeq nige oros küü bolōd xālyan biçiq čigi Petertü (18) kürkü öküyigi erenei:
 (19) zayisang Buntariyin yabang gelüng yar talbiba:
 (20) tiyizān čigi daraba [сургучная печать]

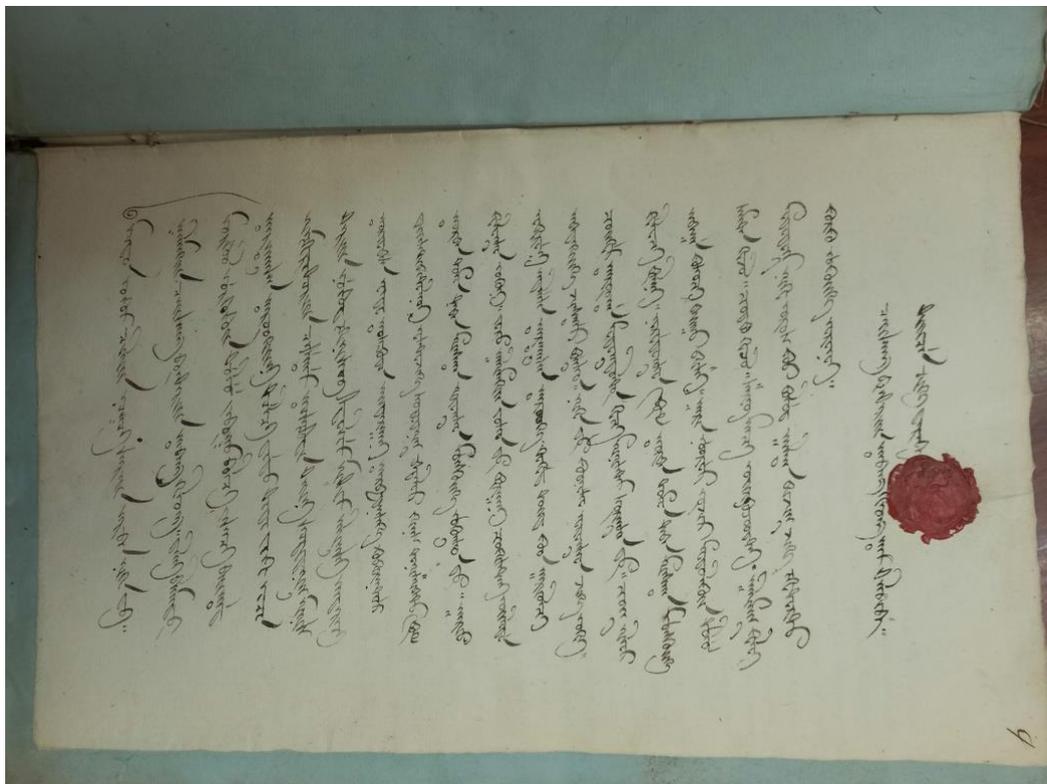

Рис. 1. Письмо Г. Бунтурова Д. В. Тенишеву
 Fig. 1. G. Bunturov's letter to D. V. Tenishev

Перевод

«В 21-й день месяца собаки¹³ года коровы – дерева¹⁴.

Калмыцкий зайсанг гаванг¹⁵ гелюнг¹⁶ Бунтаров ради того, чтобы совершить поклонение Далай-ламе, вознамерившись отправиться, из-за того, что исправил (т. е. изменил планы), подсчитал понесенные траты, когда по высочайшему указу Его Императорского Величества господином тайным советником, помощником министра финансов, кавалером Дмитрием Александровичем Гурьевым здесь господину Астраханскому гражданскому губернатору, действительному статскому советнику, кавалеру, князю Тенишеву были переданы выделенные денежные [суммы в размере] ста тридцати пяти тысяч, произнесенными в ответ словами были: «Вообще, согласно калмыцкому закону, в своих деяниях, которые были бы достойны бурхана (т. е. Будды), было строго пресечено¹⁷, чтобы тойны (т. е. духовные особы) поне-

¹³ По калмыцкому календарю месяц собаки соответствует августу по григорианскому.

¹⁴ Согласно старому монгольскому календарю «год коровы (быка) – дерева» в сопоставлении с годами по европейскому летосчислению применительно к XIX в., когда описываются данные события, приходится на 1805-й.

¹⁵ Возможно, соответствует тибетскому *bka'-dbang* «советник» [Рерих, 1983, с. 116].

¹⁶ Калмыцкое произношение тибетского *dge-slong* «буддийский монах, принявший 253 монашеских обета».

¹⁷ В тексте письма использован глагол *bōxi*, который имеет несколько значений: «связывать, сдерживать, обя-зывать» [Кругер, 1984, рт. 2, р. 348].

сенные из собственного имущества¹⁸ траты возвращали. Прежде всего, не стал просить у [других] людей. Когда министр попросил, сообщите о своих тратах, могу прояснить, что предназначенные [мне] сто тридцать пять тысяч денег не имею желаний принимать. Однако для того, чтобы лично заверить, прошу предоставить подорожную, чтобы достичь Петербурга вместе с гецулом¹⁹ Самтаном²⁰, манджи²¹ Шарабом²², одним русским человеком, знающим калмыцкий язык».

Гаванг гелюнг зайсанг Бунтаров приложил руку, а также и печать поставил»²³.

Дело содержит информацию об успешной поездке гелюнга Бунтурова в Санкт-Петербург. 1 февраля 1806 г. лама направил губернатору Д. В. Тенишеву письмо, в котором выражал признательность за организацию его поездки²⁴. Гелюнг сообщал о том, что он был принят министром коммерции Н. П. Румянцевым, который дал разрешение на строительство хурула:

Сиятельнейший князь,
Милостивый Государь!

В сильном движении признательнейшего сердца я не нахожу слов коими бы в полной мере мог изъяснить ту всеомерсенную вечную благодарность, кою Ваше Сиятельство обязали меня и народ, и которая требует незабвенная в памяти нашей и потомков наших.

Предстательство Вашего Сиятельства снискало нам здесь все то уважение, которого мы надеялись от высокого посредства Вашего, господин министр коммерции Граф Николай Петрович принял нас очень милостиво, докладывая Государю Императору о известном желании нашем, Его Величество отложил по обстоятельствам путешествие наше для поклонения Далай-ламе до некоторого времени, соизволил указать сделать нам подарки, и сверх того по особенной моей просьбе и докладу Его Сиятельства благоволил и на удовлетворение важнейшего моего желания, чтобы в месте моего пребывания построить храм для жертвоприношения по нашему обыкновению и всемилостивейше пожаловал на то 2 000 р.

Ваше Сиятельство читая строки сии может быть судиею собственного своего дела, и будучи первоначальною и гласною причиною благоволения и милости монарха нам оказанных не отречетесь принять от сердец наших той справедливой вам жертвы которая нами и в роде нашем совершаться будет прославлением имени Вашего.

В конце остается мне надеяться от благорасположения вашего Сиятельства еще одной особенной милости, чтобы высочайшее соизволение на построение храма засвидетельствование ваше согласило с возможностью, без удовлетворения в коей от вас яко местного начальника кажется мне нельзя будет приступить к решительному выполнению оною. С сею последней просьбою предоставляю себя высокому покровительству вашему, в сем и вечно пребуду с глубочайшим почтением и преданностью

Сиятельнейший Князь
Милостивый государь
Вашего Сиятельства
Милостивого государя
Нижайший слуга
Зайсанг Габунг гелюнг Бунтуров
Февраля 1 дня 1806 г.
Санкт-Петербург²⁵.

¹⁸ В письме приводится слово *adal*, которое в словарях встречается чаще всего в сочетании *adalmal* (тиб. *norphyugs-sa*) или *adaldmal* в значении «скот, стадо» [Krueger, 1978, pt. 1, p. 20], «скотоводное стадо, стадо» [Ковалевский, 1844, с. 66]; тибетские словари дают значение соответствующего эквивалента как «количество или поголовье крупного рогатого скота» [Jaeschke, 1881, p. 307], что отражает реалии мира номадов; в целом можно заключить, что под указанным словосочетанием имеется в виду «имущество (как собственность)» [БАМРС, 2001, с. 50].

¹⁹ Гецул от тиб. *dge-tshul* «буддийский послушник» [Рерих, 1984, с. 153].

²⁰ Самтан – калмыкизированное произношение тибетского *bsam-gtan* «дхьяна, начальная стадия медитации» [Рерих, 1987, с. 172–173].

²¹ Манджи – начинающий монах, первая монашеская степень [Krueger, 1984, pt. 3, p. 588], соответствует монгольскому «банди».

²² Шараб – калмыкизированное от тибетского *shes-rab* «ум, мудрость» [Рерих, 1987, с. 266–267].

²³ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3036. Л. 10.

²⁴ Там же. Л. 20.

²⁵ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3036. Л. 20 – 20 об. Здесь и далее особенности орфографии и пунктуации источника сохранены.

Развитие темы строительства хурула по ходатайству гелюнга Бунтурова мы находим в деле 3371 «По предписанию министра внутренних дел графа Кочубея о дозволении сведений можно ли калмыцкому гелюнгу на месте его пребывания позволить в постройку молитвенного храма» фонда 1 ГААО. 6 февраля 1806 г. министр внутренних дел В. П. Кочубей направил астраханскому гражданскому губернатору Д. В. Тенишеву запрос о возможности строительства буддийского храма в 35 верстах от Астрахани на месте жительства гелюнга Бунтурова²⁶. 22 марта 1806 г. Д. В. Тенишевым был подготовлен ответ на запрос министра, в котором губернатор сообщал, что «... в построении предполагаемого калмыцким гелюнгом Бунтуровым молитвенного храма на месте его жительства, в 35-ти верстах от Астрахани отстоящим, никакого препятствия быть не может поелику там российских селений нет и земли по общему назначению принадлежат калмыкам на коих они и ныне кочевье свое имеют»²⁷. После того как астраханский губернатор заверил, что для строительства буддийского храма гелюнгом Бунтуровым не будет препятствий, межведомственная переписка была продолжена. 11 мая 1806 г. министр коммерции Н. П. Румянцев направил новое письмо астраханскому губернатору в котором просил передать гелюнгу Бунтурову выделенную Александром I сумму в 2 000 руб²⁸. Примечательно, что к сумме, не принятой гелюнгом в качестве компенсации расходов на несостоявшееся паломничество (1 350 руб.), императором было выделено из собственных средств 650 руб., на что особое распоряжение получил управляющий императорским кабинетом Д. А. Гурьев²⁹.

1 июня 1806 г. 2 000 руб., направленные на строительство буддийского храма в Калмыцкой степи Александром I, были вручены гелюнгу Бунтурову, о чем он оставил расписку, перевод которой сохранился в деле:

1806 года 1 июня дня

Я нижеподписавшийся всемилостивейше пожалованные мне Государем императором в знак участия своего в сооружении храма молитвенного по закону калмыцким народом исповедуяемому две тысячи рублей, деньги принял от Астраханского гражданского губернатора князя Дмитрия Васильевича Тенишева, в чем подписываюсь и прикладываю именную свою печать.

Зайсанг Габунг гелюнг Бунтуров. Переводил губернский секретарь Кондратьев³⁰.

Вопрос о строительстве буддийского храма был вновь поднят гелюнгом Бунтуровым уже в августе 1806 г. В деле сохранилось письмо ламы и перевод учителя калмыцкого языка М. Конова:

№ 618 По переводе значит,

Его сиятельству господину астраханскому гражданскому губернатору и кавалеру князю Дмитрию Васильевичу Тенишеву

От Его Императорского Величества государя для построения калмыцкого молитвенного дома было от меня испрошено соизволение, на который мой доклад на прежде бывшем моем месте и позволено построить дом, на что и пожаловал в помощь две тысячи рублей на которые по повелению выстаиваю оный, о чем и Ваше сиятельство имеет повеление, так же и я имею документ, поблизости одного места кочуют владения владельца Мукукена бедные калмыки сто пятьдесят кибиток, которые по бедности своей в степь выкочевывать не могут, кочевывают всегда близ молитвенного сего дома и по возможности своей приносят приношение, которые только для государевой службы часть лошадей и для своего бедного пропитания несколько рогатого скота и баранов, где так же и у меня построен дом деревянный, теперь же поселенные хохлы и мужики сказывая нам, что якобы она земля отведена им и вы де должны нам платить за это деньги, за что уже от нас они и получают, то незачем почему мы за свою землю деньги платим, в рассуждение же земли напредь сего калмыцкому правлению доносили, чтоб нас от таковых притеснений защитили, на что и от губернского правления есть повеление чтоб нив принадлежащие им земли не вступятся, теперь же видя открытую Его Императорского Величества к нам милость против прежнего духовенства. Собираются на учение ко мне очень довольное число людей, мы же в том месте для пропитания земных плодоносных не имеем, oprичь только своего скота от коего имеем себе и питание, со вре-

²⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3371. Л. 1.

²⁷ Там же. Л. 2.

²⁸ Там же. Л. 3.

²⁹ Там же. Л. 3 об.

³⁰ Там же. Л. 10.

менем же в оном месте завести и хлебопашество если будет можно, а теперь по таковому притеснению и малоположению места что скотоводство для пропитания себя держать негде. В таком случае прошу Вашего Сиятельств так как оные места сыздавнo состоят нашими от притеснений оказать мне милость и защиту, чтоб таковые притеснения впредь небыли и через кого следует приказать сделать подтверждение.

Во окончании письма написано тако,

Вашего Сиятельства наивсегда доброжелательствующий зайсанг Габунг гелюнг Бунтуров писано месяца августа 18 дня 1806 года ³¹.

Наличие в этом деле оригинала письма на «тодо бичиг» также позволяет уточнить ситуацию и позицию гелюнга. Транслитерация и современный перевод письма приведены далее (рис. 2). В переводе в круглых скобках даются эквиваленты перевода и пояснения к отдельным словам и словосочетаниям, в квадратных скобках приводятся дополнительные поясняющие слова.

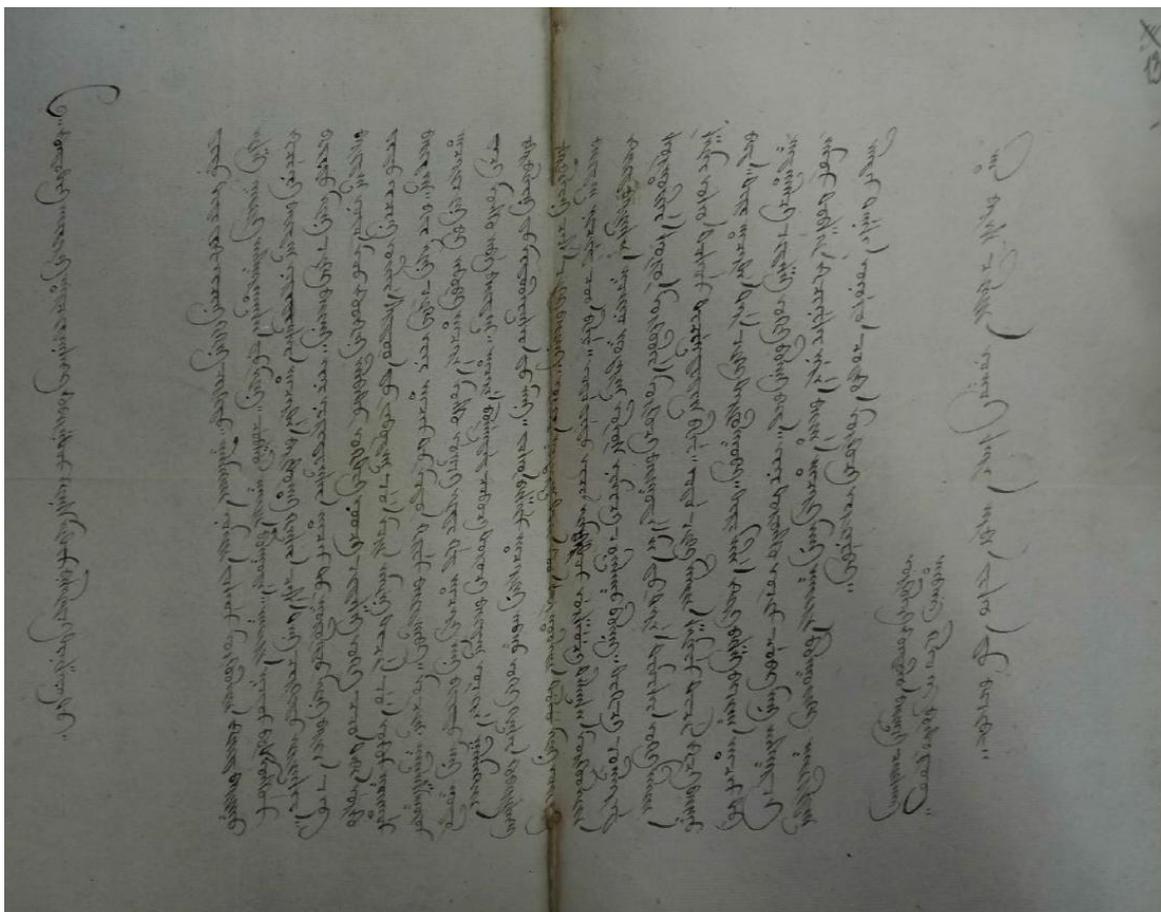

Рис. 2. Письмо Г. Бунтурова Д. В. Тенишеву
Fig. 2. G. Bunturov's letter to D. V. Tenishev

Транслитерация

- (1a:1) күндетеи айдар[x]ни җарҗиданаски гүбирнәтор кинас Митер Басиличи Тенишеб-тү:
 (2) *dēdū* tede yeke ezeni gegeni zergedū: xalimagiyin nomiyn yosōr mürgüüliyin kiyid barixū
 (3) işi xayiri angxar̄yaqsan-du mini: zōbšōl xayirin bolxūdān: xayirin xoyor bum münggōr (4)

³¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3371. Л. 12 – 12 об.

kezēnei bayidaq neredeqsen ʧazartān barituyai giqsen zakān tani zergedü iriqsen: (5) beyedü mini čigi bayinai: ene neredeqsen ʧazar-tu xüruldju mini barica cab (6) baridaq noyon moükükeni albatu ügetei nüüji čidaši ügei zoün tabin örkü (7) dedü ezeni üyilēn k[a]rduün-du yabudaq cōn mori namini tejīn cōn ükür xoyiyör (8) bayidaq: beye mini čigi ene ʧazar-tu modun gerēr bayidaq bi: mujiq. xaqlaš xoyor (9) ʧazari čini bi abubi ʧazarān münggü öqči ide gēd ʧazari mani beyedü mani xüdul/daji münggü abā bayidaq: ʧazarān bulāqdād zoboji türüji bayidaq učirān xalimgiyin (11) parbileni-dü medüüleqsen-dü mani: yosun bišir ʧazarini abxü ügei geqsen gübiri[n]ski (12) parbileni zakā čigi bayinai: urida xuvaraʧ teyin müün suryüüliyin tölō mini oyiri (13) bayidaq niḡd züün bilē: odō dedü ezen imperator örsōji tālaqsan mürgüüliyin (14) kiyid bariqsan xoyino xuvaraʧ ulus nemeji cuqlaxü bolnai: tegeji cuqlarād (15) suryüyilēn surun mürgüülēn mürgüji bayixüdān man-du tarān temesen ügei maliyin (16) šime üsün tosōr tejēqdedeq belē: odō čigi maliyin šimēr tejēl keji bayixü (17) bida: tere ʧazartān tarā čigi tariülxü bi: tere malān kiri biši bičixan ʧazar-tu (18) xadaʧalji čidaši ügei bolnai bida: ene türünggü učir zōbi mani angxarji (19) amur tübšin kezenēse nārān bayiyā ʧazari mani xayirin bolxüyigi xayirildaʧ (20) aldar tānasa ünürün züdkün mürgüji erinēbi:

(21) ürgüljikündülünbayiqčizayisang (22) ʧabanggalongBunturüb:

(23) ʧalbarasjiliyinnoxoisarinarbanyesün-dübičibe:

Перевод

«Уважаемому Астраханскому гражданскому губернатору Дмитрию Васильевичу Тенишеву.

Его сиятельству великому господину. Когда, согласно калмыцкому религиозному закону, мной было выказано внимание к соизволению построить хийд (буддийский храм) и разрешение было получено, указ о том, чтобы [он] на пожалованные двести тысяч серебром (денег) был построен на своей собственной (букв. именной), имеющейся с давних пор земле поступил Вашему сиятельству. Имеется [этот указ] также и у меня. На этой именной земле собравшиеся подвластные нойона Мукукена, делающие мне подношения и угощения, бедны, не могут кочевать, 150 семей (кибиток) поддерживают существование небольшим [количеством] лошадей для дежний великого господина, небольшим [количеством] коров и овец. Я и сам проживаю на этой земле в деревянном доме. Мужик(и) и хаглаш(и)³², говоря, что землю твою мы забрали (эд. букв. «я забрал»), питайся, отдавая деньги на сторону, – так, нашу землю нам же продавая, продолжают брать деньги. Когда мы дали знать калмыцкому управлению о причине того, что нашу землю отняли и мы страдаем и бедствуем, теперь же есть закон губернского правления, гласящий о том, что без основания нельзя забрать. Прежде хуvaraки (монахи) ради именно такого обучения находились рядом со мной численностью до одной сотни. Теперь, после того как с высочайшего соизволения Его Императорского Величества был возведен молитвенный храм, число монахов прибавится. Когда так собирались, получая учение, совершая молебны, у нас не было посевов (хлеба) и овощей (плодов), поддерживали существование продуктами скотоводства, молоком и маслом. И даже теперь продолжаем питаться продуктами скотоводства (букв. питательностью скота). На той земле будем также и поля засеивать. Тот скот мы не сможем сохранять на несоразмерно малом [пространстве] земли. Приняв во внимание верность этой нашей первопричины, всем сообществ-

³² Данное слово, скорее всего, производное от *xaɣalaxu* (совр. калм. *xahlx*), которое имеет ряд значений «разделять, раскалывать, прокалывать; пахать, бороздить; решать дело, разрешать; расследовать» [КРС, 1977, с. 565; Kueger, 1984, pt. 2, p. 234–235]. В монгольских словарях приводятся также значения «проводить разделительную черту; разделять волосы» и др. [Lessing, 1977, p. 906]. Существительное *xaqlaš* образованное с помощью аффикса -š, обозначает объект действия, т. е. «то, что получилось, когда разделили (например, волосы)»; возможно, таким эквивалентом передано прозвище «хохол», ставшее самоназванием украинских переселенцев. Поскольку в тексте обозначено различие «мужиков» и «хаглашей» (*mujiq. xaqlaš xoyor* – букв. ‘мужик(и) и хаглаш(и)’), то, вероятно, в данном случае под «мужиками» подразумеваются русские крестьяне, в отличие от украинских земледельцев.

вом (*букв.* семьями), усердно кланяясь, просим (*зд.* прошу) Ваше Высочество, благоволящего к нашей земле, с незапамятных времен пребывающей в мире и спокойствии, проявить милость.

Неизменно выказывающий свое почтение зайсанг
гаванг гелонг Бунтуров.

Года тигра – огня (1806), месяца собаки 19-й день»³³.

Параллельно переписке о постройке храма с участником несостоявшегося паломничества гелюнгом Бунтуровым астраханский губернатор вел переписку о стремлении организовать новое паломничество в Тибет гелюнгом Таскировым. Соответствующая переписка губернатора содержится в деле 3468 фонда 1 ГААО «По отношению министра коммерции графа Румянцева о объявлении калмыцким гелюнгам, что поездка их в Тибет отложена до времени». 24 апреля 1806 г. министр коммерции Н. П. Румянцев сообщал в письме астраханскому губернатору о том, что еще в 1805 г. калмыцкое духовенство было проинформировано о невозможности паломничества в Тибет в ближайшее время, однако гелюнг Таскиров писал министру о своей подготовке к поездке и просил покровительства правительства³⁴. Н. П. Румянцев просил астраханского губернатора «сделать приличное внушение» гелюнгу о том, что без санкции правительства паломничество невозможно³⁵.

11 июня 1806 г. главный пристав П. П. Крупинский сообщил Д. В. Тенишеву о том что гелюнги Таскиров и Бунтуров предупреждены: «...неможно им готовиться к отправлению до того времени пока не дастся на то позволение»³⁶.

Комплекс документов, выявленных в государственном архиве Астраханской области, документ из Российского государственного исторического архива, анализ историографии, посвященной российско-китайским дипломатическим контактам начала XIX в., позволяют сделать вывод о том, что деятельность делегации калмыцких священнослужителей во главе с гелюнгами Табка Таскировым и Габунг Бунтуровым, готовившими поездку в Тибет и остановленными властями в Астрахани в 1805 г., можно рассматривать в контексте внешнеполитических планов правительства по активизации дипломатических контактов с Китаем и Тибетом в рамках посольства Ю. А. Головкина (1805–1806 гг.). Одной из задач посольства было получение разрешения на сопровождение российскими чиновниками калмыцких паломников в Тибет. Уверенное в успехе посольства правительство могло задержать калмыцких паломников до получения такого разрешения и организации официальной поездки. Этим можно объяснить оперативную компенсацию расходов калмыцкой делегации правительством, высокий уровень участников межведомственной переписки по этому вопросу (астраханский губернатор Д. В. Тенишев, министр коммерции Н. П. Румянцев, министр внутренних дел В. П. Кочубей, управляющий императорским кабинетом Д. А. Гурьев, секретарь Кабинета его императорского величества М. Н. Муравьев), разрешение на поездку лам в Санкт-Петербург, разрешение на строительство хурула по просьбе гелюнга Бунтурова.

Список литературы

- Андреев А. И.** Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Нартанг, 2006. 464 с.
- Бакаева Э. П.** Этническая идентичность калмыков и конфессиональные связи с Тибетом (к прочтению малоизвестных источников) // *Oriental Studies*. 2019. № 5. С. 891–925.
- Бакаева Э. П.** Путь в Тибет: религиозные песни калмыков и реалии путешествий // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2021. № 3. С. 91–104.

³³ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3371. Л. 12 – 12 об.

³⁴ Там же. Д. 3468. Л. 1.

³⁵ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3468. Л. 1.

³⁶ Там же.

- БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 1: А–Г. 520 с.
- Беспрозванных Е. Л.** Буддизм и политика: лидеры Тибета в XVII–XVIII вв. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1998. 204 с.
- Беспрозванных Е. Л.** Лидеры Тибета и их роль в тибетско-китайских отношениях XVII–XVIII вв. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001. 356 с.
- Беспрозванных Е. Л.** Калмыцко-китайские отношения в XVIII веке. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. 370 с.
- КРС – Калмыцко-русский словарь / Ред. Б. Д. Муниев. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- Ковалевский О.** Монгольско-русско-французский словарь. Казань: Тип. Казан. ун-та, 1844. Т. 1. 594 с.
- Курапов А. А.** Российское государство и буддийская церковь на юге России: этапы эволюции социально-политического взаимодействия в XVII – начале XX в. Элиста: КалмНЦ РАН, 2021. 416 с.
- Мясников В. С.** Первый период становления дипломатических связей Китая с Россией // Клио. 2011. № 3. С. 105–108.
- Очирова Б. В.** Традиции калмыцких паломничеств в Тибет // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 2. С. 149–152.
- Пальмов Н. Н.** Этюды по истории приволжских калмыков. Астрахань: Изд-во Калмобл-исполкома, 1926. Ч. 1. 260 с.; 1927. Ч. 2. 231 с.
- Рерих Ю. Н.** Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями. М.: Наука, ГРВЛ, 1983. Вып. 1. 378 с.; 1984. Вып. 2. 407 с.; 1987. Вып. 9. 296 с.; Вып. 10. 343 с.
- Сказание о хождении в тибетскую страну Мало-дорботского База-бакши / Калмыц. текст с пер. и примеч., сост. А. Поздневым. СПб.: Фак. вост. яз. Петерб. ун-та, 1897. 260 с.
- Тепкеев В. Т.** Организация калмыцкого посольства в Тибет 1737 г. // Magna Adsurgit: Historia Studiorum. 2019. № 2. С. 120–126.
- Тепкеев В. Т., Санчилов В. П.** Калмыцко-тибетские отношения на рубеже XVII–XVIII вв. // Oriental Studies. 2016. № 4. С. 12–20.
- Убушуева Е. Е., Мацакова Н. П.** История развития калмыцко-тибетских отношений в XIX – начале XX века // Сетевое востоковедение: взаимодействие монгольских и тюркских этносов во времени и в пространстве: Материалы III Междунар. науч. форума. Элиста, 2019. С. 363–366.
- Хождение в Тибет калмыцкого бакши Пурдаш Джунгруева. Пер. А. Д. Руднева. Ред. перевода, предисловие и примечания А. Г. Сазыкина. Ч. 1. Путь в Тибет // Филологические исследования старописьменных памятников. Элиста, 1987. С. 125–144.
- Хождение в Тибет калмыцкого бакши Пурдаш Джунгруева. Пер. А. Д. Руднева. Редакция перевода, предисловие и примечания А. Г. Сазыкина. Ч. 2. У святынь Тибета // Проблемы монгольской филологии. Элиста, 1988. С. 134–153.
- Цюрюмов А. В., Курапов А. А.** Из истории калмыцко-тибетских контактов XVII–XVIII вв. // Oriental Studies. 2019. № 12. С. 1050–1061.
- Jaeschke H. A.** A Tibetan-English Dictionary: with Special Reference to the Prevailing Dialects; to which is Added an English-Tibetan Vocabulary. London: Secretary of State for India in Council, 1881. 671 p.
- Krueger J. R.** Materials for an Oirat-Mongolian to English Citation Dictionary. In 3 pts. Bloomington: Indiana Uni. Press, 1978–1984. 816 p.
- Lessing F. D.** Mongolian-English Dictionary / Comp. by M. Haltod, J. G. Hangin, S. Kassatkin and F. D. Lessing. Berkeley, Los Angeles: Uni. of California Press, 1960. 1197 p.

Список источников

Из бумаг графа Ю. А. Головкина // Старина и новизна. СПб., 1904. Кн. 7. С. 17–97.

References

- Andreev A. I.** Tibet v politike tsarskoi, sovetsoi i postsovetsoi Rossii [Tibet in the Politics of Tsarist, Soviet and Post-Soviet Russia]. St. Petersburg, Nartang, 2006, 464 p. (in Russ.)
- Bakaeva E. P.** Put' v Tibet: religioznye pesni kalmykov i realii puteshestvii [The Way to Tibet: Kalmyk Religious Songs and the Realities of Travel]. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy* [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research], 2021, no. 3, pp. 91–104. (in Russ.)
- Bakaeva E. P.** Etnicheskaya identichnost' kalmykov i konfessional'nye svyazi s Tibetom (k prochteniyu maloizvestnykh istochnikov) [Ethnic Identity of the Kalmyks and Confessional Relations with Tibet (Reading Little-Known Sources)]. *Oriental Studies*, 2019, no. 5, pp. 891–925. (in Russ.)
- Besprozvannykh E. L.** Buddizm i politika: lidery Tibeta v XVII–XVIII vv. [Buddhism and Politics: Leaders of Tibet in the 17th – 18th Centuries]. Volgograd, Volgograd State Uni. Press, 1998, 204 p. (in Russ.)
- Besprozvannykh E. L.** Kalmytsko-kitaiskie otnosheniya v XVIII veke [Kalmyk-Chinese Relations in the 18th Century]. Volgograd, Volgograd State Uni. Press, 2008, 370 p. (in Russ.)
- Besprozvannykh E. L.** Lidery Tibeta i ikh rol' v tibetsko-kitaiskikh otnosheniyakh XVII–XVIII vv. [Leaders of Tibet and their Role in Tibetan-Chinese Relations in the 17th – 18th Centuries]. Volgograd, Volgograd State Uni. Press, 2001, 356 p. (in Russ.)
- Jaeschke H. A.** A Tibetan-English Dictionary: With Special Reference to the Prevailing Dialects; to which is Added an English-Tibetan Vocabulary. London, Secretary of State for India in Council, 1881, 671 p.
- Khozhdeniye v Tibet kalmytskogo bakshi Purdash Dzhungruyeva [Journey to Tibet of the Kalmyk Bakshi Purdash Dzhungruev]. Trans. by A. D. Rudnev. Ed. of the transl., foreword and notes by A. G. Sazykin. In: *Filologicheskiye issledovaniya staropis'mennykh pamyatnikov* [Philological Studies of Ancient Written Monuments]. Pt. 1. Put' Tibeta [The Path of Tibet]. Elista, 1987, p. 125–144. (in Russ.)
- Khozhdeniye v Tibet kalmytskogo bakshi Purdash Dzhungruyeva [Journey to Tibet of the Kalmyk Bakshi Purdash Dzhungruev]. Trans. by A. D. Rudnev. Ed. of the transl., foreword and notes by A. G. Sazykin. In: *Problemy mongol'skoi filologii* [Problems of Mongolian Philology]. Pt. 2. U svyatyn' Tibeta [At the Shrines of Tibet]. Elista, 1988, p. 134–153. (in Russ.)
- Kovalevsky O.** Mongol'sko-russko-frantsuzskii slovar' [Mongolian-Russian-French Dictionary]. Kazan, Tipografiya Kazanskogo universiteta, 1844, vol. 1, 594 p. (in Russ.)
- Krueger J. R.** Materials for an Oirat-Mongolian to English Citation Dictionary. In 3 pts. Bloomington, Indiana Uni. Press, 1978–1984, 816 p.
- Kurapov A. A.** Rossiiskoe gosudarstvo i buddiiskaya tserkov' na yuge Rossii: etapy evolyutsii sotsial'no-politicheskogo vzaimodeystviya v XVII – nachala XX v. [The Russian Government and the Buddhist Church in the South of Russia: Stages of the Evolution of Socio-Political Interaction in the 17th – Early 20th Centuries]. Elista, KSC RAS Publ., 2021, 416 p. (in Russ.)
- Lessing F. D.** Mongolian-English Dictionary. Comp. by M. Haltod, J. G. Hangin, S. Kassatkin and F. D. Lessing. Berkeley, Los Angeles, Uni. of California Press, 1960, 1197 p.
- Munieva B. D.** (ed.). Kalmytsko-russkii slovar' [Kalmyk-Russian Dictionary]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1977, 768 p. (in Russ., in Kalmyk)
- Myasnikov V. S.** Pervyi period stanovleniya diplomaticheskikh svyazei Kitaya s Rossiei [The First Period of Establishment of China's Diplomatic Relations with Russia]. *Klio* [Clio], 2011, no. 3, pp. 105–108. (in Russ.)
- Ochirova B. V.** Traditsii kalmytskikh palomnichestv v Tibet [Traditions of Kalmyk Pilgrimages to Tibet]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy* [Scientific Problems of Humanities], 2010, no. 2, pp. 149–152. (in Russ.)

- Palmov N. N.** Etyudy po istorii privolzhskikh kalmykov [Etudes on the History of the Volga Kalmyks]. Astrakhan, Izdatel'stvo Kalmoblispolkoma, 1926, pt. 1, 260 p.; pt. 2, 231 p. (in Russ.)
- Pyurbeev G. Ts.** (ed.). Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' [Large Academic Mongolian-Russian Dictionary]. Moscow, Academia, 2001, vol. 1: A–G, 520 p. (in Russ.)
- Roerich Yu. N.** Tibetsko-russko-angliiskii slovar' s sanskritskimi parallelyami [Tibetan-Russian-English Dictionary with Sanskrit Parallels]. Moscow, Nauka, 1983, iss. 1, 378 p.; 1984, iss. 2, 407 p.; 1987, iss. 9, 296 p.; iss. 10, 343 p. (in Russ., in Tibetan)
- Skazanie o khozhdenii v tibetskuyu stranu Malo-dorbotskogo Baza-bakshi [The Legend about the Journey to the Tibetan Country of Malo-Dorbotsky Baza-bakshi]. Kalmyk. text, trans. and notes, comp. by A. Pozdneev. St. Petersburg, Fakul'tet vostochnykh yazykov Peterburgskogo universiteta, 1897, 260 p. (in Russ.)
- Теркеев В. Т., Sanchirov V. P.** Kalmytsko-tibetskie otnosheniya na rubezhe XVII–XVIII vv. [Kalmyk-Tibetan Relations at the Turn of the 17th – 18th Centuries]. *Oriental Studies*, 2016, no. 4, pp. 12–20. (in Russ.)
- Теркеев В. Т.** Organizatsiya kalmytskogo posol'stva v Tibet 1737 g. [Organization of the Kalmyk Embassy to Tibet in 1737]. *Magna Adurgit: Historia Studiorum*, 2019, no. 2, pp. 120–126. (in Russ.)
- Tsyuryumov A. V., Kurapov A. A.** Iz istorii kalmytsko-tibetskikh kontaktov XVII–XVIII vv. [From the History of Kalmyk-Tibetan Contacts in the 17th – 18th Centuries]. *Oriental Studies*, 2019, no. 12, pp. 1050–1061. (in Russ.)
- Ubushueva E. E., Matsakova N. P.** Istoriya razvitiya kalmytsko-tibetskikh otnoshenii v XIX – nachale XX veka [The History of the Development of Kalmyk-Tibetan Relations in the 19th – Early 20th Centuries]. In: Setevoe vostoovedenie: vzaimodeistvie mongol'skikh i tyurkskikh etnosov vo vremeni i v prostranstve: Materialy III Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma [Network for Oriental Studies: The Interaction of Mongolian and Turkic Ethnic Groups in Time and Space: Materials of the III International Scientific Forum]. Elista, 2019, pp. 363–366. (in Russ.)

List of Sources

- Iz bumag grafa Yu. A. Golovkina [From the Papers of Count Yu. A. Golovkin]. In: Starina i novizna [Antiquity and Novelty]. St. Petersburg, 1904, book 7, p. 17–97. (in Russ.)

Информация об авторах

- Андрей Алексеевич Курапов**, доктор исторических наук
Scopus Author ID 57217182187
- Деляш Николаевна Музраева**, доктор исторических наук
Scopus Author ID 57209716107
WoS Researcher ID J-7394-2016

Information about the Authors

- Andrey A. Kurapov**, Doctor of Sciences (History)
Scopus Author ID 57217182187
- Delyash N. Muzraeva**, Doctor of Sciences (History)
Scopus Author ID 57209716107
WoS Researcher ID J-7394-2016

Статья поступила в редакцию 26.08.2022;
одобрена после рецензирования 15.10.2022; принята к публикации 01.11.2022
The article was submitted on 26.08.2022;
approved after reviewing on 15.10.2022; accepted for publication on 01.11.2022

Научная статья

УДК 94(47).072

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-58-69

Устав Союза благоденствия в отражении следственных показаний и воспоминаний С. П. Трубецкого

Павел Владимирович Ильин

Санкт-Петербургский институт истории

Российской академии наук

Санкт-Петербург, Россия

pavilyn1970@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6058-2186>

Аннотация

До наших дней сохранился устав самой многочисленной из декабристских организаций Союза благоденствия – «Законоположение» («Зеленая книга»). Один из авторов устава, С. П. Трубецкой, в своих следственных показаниях и мемуарах оставил несколько вариантов изложения его важнейших пунктов, что открывает уникальную возможность для сопоставления этих описаний с текстом устава, с целью анализа особенностей памяти мемуариста, проверки точности и достоверности его показаний и воспоминаний. В историографии до настоящего времени не ставилась задача сравнительного анализа описаний устава Союза благоденствия, принадлежащих одному из руководителей декабристского движения.

Ключевые слова

декабристы, Союз благоденствия, уставы тайных обществ, следственные показания, мемуары, сравнительный анализ

Для цитирования

Ильин П. В. Устав Союза благоденствия в отражении следственных показаний и воспоминаний С. П. Трубецкого // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 8: История. С. 58–69. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-58-69

The Charter of the Union of Welfare in the Reflection of Investigative Testimony and Memoirs of S. P. Trubetskoy

Pavel V. Ilyin

St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences

St. Petersburg, Russian Federation

pavilyn1970@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6058-2186>

Abstract

The charter of the Union of Welfare, the largest Decembrist organization, the “Statute of Laws”, also known as the “Green Book” has survived to this day. A significant amount of the document’s provisions focused on the internal structure, as well as the main activities of the secret society. One of the authors of the statute, S. P. Trubetskoy, in his investigative testimony and memoirs, presented several versions of the most important points of the “Statute of Laws”. This opens up an opportunity for the researcher to compare these descriptions with the original text of the charter to

© Ильин П. В., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 8: История. С. 58–69

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 8: History, pp. 58–69

analyze the features of Trubetskoy's memory and verify the accuracy and reliability of his testimony and memories. A comparative analysis of retrospective descriptions with the text of the charter document also makes it possible to identify the ideas, plans, and intentions of the organizers of the Union of Welfare, which were not reflected in the original statute of the Decembrist society and were preserved only in the memory of S. P. Trubetskoy. Until now, the historiography has not set the task of comparative analysis of the descriptions of the charter of the Union of Welfare belonging to one of the leaders of the Decembrist movement.

Keywords

Decembrists, Union of Welfare, charters of secret societies, investigative testimony, memoirs, comparative analysis

For citation

Ilyin P. V. The Charter of the Union of Welfare in the Reflection of Investigative Testimony and Memoirs of S. P. Trubetskoy. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 8: History, pp. 58–69. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-58-69

Сергей Петрович Трубецкой – видный деятель декабристского движения, автор уставных и программных документов тайных обществ, включая устав Союза благоденствия – самого многочисленного декабристского общества, существовавшего в 1818–1821 гг. Практически единственный из числа теоретиков и руководителей движения, он оставил несколько подробных ретроспективных изложений содержания уставного документа.

Устав Союза благоденствия (имеющий оригинальный заголовок «Законоположение» и получивший в исторической традиции известность под названием «Зеленая книга») – единственный программный документ декабристского движения, который дошел до нас в оригинальном виде: ни от Союза спасения, ни от Северного и Южного обществ, ни от других декабристских союзов и кружков уставные документы не сохранились, по крайней мере в необходимой полноте. Тем большее значение имеют исследовательские и источниковедческие разработки, связанные с изучением этого документа декабристского движения. С учетом сохранившихся ретроспективных «припоминаний» перед исследователем открывается уникальная возможность: сопоставить текст первоисточника с позднейшим изложением его содержания, принадлежащим одному из его создателей.

Сопоставление ретроспективных источников с оригинальными документами эпохи – плодотворный прием аналитического и источниковедческого изучения, направленный, во-первых, на реконструкцию утраченных частей оригинальных документов, во-вторых, на изучение особенностей памяти мемуаристов. Так, сравнение воспоминаний декабристов о следственном процессе и письменных показаний, сохранившихся в фонде следствия и суда, было осуществлено О. В. Эдельман [1995; 2010, с. 320–349]. В результате получен интересный материал для наблюдений над приемами ведения следствия, с одной стороны, и над позднейшим восприятием декабристами реалий процесса – с другой. Исследователи-декабристоведы проводят подобное сопоставление едва ли не в каждой своей работе, сравнивая сведения из следственных показаний и мемуарных текстов¹. Сравнительный анализ документов, синхронных эпохе, и поздних (в первую очередь мемуарных) материалов дает возможность выявить ошибки памяти мемуариста, искажения в его ретроспективном взгляде, уяснить мотивы поведения автора воспоминаний в условиях следствия, приблизиться к более глубокому пониманию событий.

В нашем случае речь идет не о реконструкции содержания устава Союза благоденствия, поскольку до нас дошел полный текст «Зеленой книги». Обоснованность и значимость обращения к сопоставлению описаний устава Союза благоденствия, принадлежавших одному из его авторов², и оригинального текста состоят в возможности выявления тех программных

¹ См. наш опыт изучения записок В. П. Зубкова и сопоставления их со следственными показаниями: [Ильин, 2004, с. 288–300].

² Утверждая, что Трубецкой являлся одним из авторов «Зеленой книги» (1-й части устава Союза благоденствия), мы исходим из имеющихся документальных указаний. Согласно следственным показаниям, авторами устава были М. Н. Муравьев, Трубецкой и Н. М. Муравьев (написанная им часть была заменена текстом Петра Колошина), а также А. Н. Муравьев (показания Н. М. Муравьева (Восстание декабристов, 1925, с. 307), где прямо говорится об участии Трубецкого в переделке устава Тугендбунда, т. е. о составлении «Законоположения»), показания

и организационных установок, которые имелись в виду основателями Союза, но остались не зафиксированными в уставе. Кроме того, значение такого исследования заключается в изучении особенностей памяти Трубецкого, оценке точности воспроизведения содержания устава в поздних описаниях.

Подробный анализ содержания устава Союза благоденствия дан в тщательном исследовании С. Н. Чернова [1960]. М. В. Нечкина также уделила большое внимание уставу [1955, с. 188–208]. Она провела сопоставление отдельных его пунктов с некоторыми показаниями, воспоминаниями и публицистическими сочинениями декабристов с целью установления политического характера целей и задач Союза [Там же, с. 189–192]. Обосновывая политический характер тайного общества, историк привела следственное показание Трубецкого об «обязанностях» членов Союза, которые должны были говорить о преимуществах «представительного правления», «изъяснить необходимость освобождения крестьян от крепостного состояния» [Там же, с. 189]. В обобщающем труде В. А. Федорова наряду с анализом положений «Зеленой книги» цитируется мемуарное свидетельство Трубецкого, излагающее содержание устава: оно касается рекомендаций учредителям Союза заводить «вспомогательные управы», целью которых было «приготовление» новых членов [Федоров, 1992, с. 61]. Данное свидетельство Трубецкого рассматривалось В. А. Федоровым как указание, дополняющее содержание «Зеленой книги». Сравнение ряда положений устава с мемуарными указаниями Трубецкого проведено В. П. Павловой в комментариях к публикации его «Записок» [Павлова, 1983, с. 364–365]. Обращение историков к следственным показаниям и мемуарам Трубецкого показывают их значение при анализе устава Союза благоденствия, их важную роль для формирования полного представления о деятельности декабристского общества. Однако до сих пор никто из исследователей не задавался целью полного и систематического сопоставления оригинального устава Союза благоденствия с показаниями и мемуарными свидетельствами одного из его создателей, С. П. Трубецкого.

Оставленные Трубецким следственные показания и мемуары открывают возможность для сравнения устава Союза благоденствия и трех изложений его содержания. Прежде всего, декабрист дал подробный пересказ положений «Зеленой книги» в показаниях от 24–26 декабря 1825 г. (Восстание декабристов, 1925, с. 24–25). Позднее, в конце 1840-х гг. [Ильин, 2011, с. 31], им был написан очерк мемуарного характера, в котором несколько абзацев отведено уставу Союза благоденствия (Трубецкой, 2011, с. 56–58). Наконец, развернутый рассказ о содержании устава был дан Трубецким в его известных «Записках», законченных позднее указанного очерка (Трубецкой, 1983, с. 224–226).

Основная задача сравнительного анализа – проверка указаний мемуариста, выявление ошибок памяти; с другой стороны, становится возможной реконструкция представлений о целях, задачах, внутреннем устройстве, реальной деятельности Союза благоденствия, которые спустя годы сформировались у одного из его руководителей. Это позволяет приблизиться к пониманию реальных мотивов круга лиц, которые стояли у истоков, а затем у руководства декабристского общества. Попытаемся сопоставить текст устава с основными «смысловыми блоками» его описания в принадлежащих Трубецкому показаниях и мемуарах.

В следственных показаниях Трубецкой обозначил цель Союза благоденствия, указанную в «Законоположении»: «Цель, изображенная в уставе Союза, была: “Способствование правительству к приведению в исполнение всех мер, принимаемых для блага Государства”» (Восстание декабристов, 1925, с. 25). Это соответствует смыслу формулировки, содержащейся в уставе: «...Союз благоденствия в святую себе вменяет обязанность распространением между соотечественниками истинных правил нравственности и просвещения споспешествовать

А. Н. Муравьева (Восстание декабристов, 1927, с. 18)). Свидетельства источников не дают надежных оснований для вывода о том, что приехавший осенью 1817 г. в Москву Трубецкой не имел отношения к работе над «Зеленой книгой». Как член комиссии по составлению устава, он, надо полагать, участвовал в написании как 1-й, так и 2-й (несохранившейся) части.

правительству к возведению России на степень величия и благоденствия, к коей она самим творцом предназначена»; кроме того, в уставе имеется краткая формула цели Союза – «благо отечества» (Законоположение, 1951, с. 241–242). В мемуарных описаниях Трубецкого элемент «поддержки правительства» исключен, речь идет о более абстрактном целеполагании – утверждении «отечественного благоденствия», что соответствует второй, краткой формулировке цели в уставе. Вместе с тем мемуарист добавляет фразу: «По новому уставу общество оставалось верным первоначальному своему назначению», отсылая к политическим целям первого декабристского общества – Союза спасения (Трубецкой, 2011, с. 57).

В показаниях на следствии Трубецкой счел необходимым выделить политические намерения членов Союза благоденствия (по крайней мере, его учредителей), не замедлив провести связь между этими намерениями и реформаторскими шагами и планами Александра I: «Главная мысль составлявших общество членов была, что блаженной памяти государю императору угодно было дать России конституцию, подобно как его величество дать изволил в Царстве Польском, и что первую мерою к сему должно служить освобождение крестьян от крепостности помещикам...». По убеждению подследственного, «мнение сие основывалось на речи, государем императором произнесенной при первом открытии польского сейма, и потом на мерах, принятых касательно крестьян немецких губерний» (Восстание декабристов, 1925, с. 25). В «Законоположении» говорится о поддержке лишь тех мер и решений правительства, которые способствуют «общему благу», при этом особо оговаривается ограничение политической деятельности членов общества: «Союз... отнюдь не обнаруживает тех ран, к исцелению которых немедленно приступить не может» (Законоположение, 1951, с. 241–242). В этих словах читается отказ от политических изменений, которые могли быть осуществлены сравнительно быстро, радикальными реформами или революционными действиями. Но уже следующий пункт устава отражал намерение подготовить общественное мнение к принятию новых законов, т. е. к изменению государственного строя, со ссылкой на текст «Наказа» Екатерины II Уложенной комиссии (Там же, с. 242). Таким образом, в уставе Союза, по крайней мере в виде декларации, демонстрировалась удаленность тайного общества от радикальных преобразований, но при этом заявлялось о подготовке общественного мнения к преобразованию государственного устройства. В противоположность этому Трубецкой в изложении устава, составленном на следствии, недвусмысленно раскрыл политические стремления основателей Союза, нацеленные на достижение конституционного строя и преобразование крепостного права, связав их с правительственными планами реформ.

Говоря об обязанностях участников Союза, Трубецкой сообщал в показаниях: «Члены общества должны были истолковывать незнающим, что такое конституционное правление, и изяснять необходимость освобождения крестьян от крепостного состояния». Представляет интерес оговорка, сделанная в этих показаниях: «Чтоб быть членом, не требовалось, однако ж, убеждения в сей мысли³, если только он мог быть полезен по другим частям и имел хорошую нравственность» (Восстание декабристов, 1925, с. 25). Тем самым Трубецкой утверждал, что от члена Союза не требовалась обязательная приверженность замыслам социальных преобразований (в первую очередь отмены крепостного права); главное, что ожидали от участника, – его полезность для выполнения задач Союза и высокие нравственные качества. В целом это находит подтверждение в тексте «Зеленой книги», где говорится, что Союз приглашает в свои ряды всех, «кои честно своею жизнью удостоились в обществе доброго имени», кто готов содействовать цели Союза; особенно приветствовались «люди, всем известные по истинно хорошим качествам и неоспоримому влиянию» (Законоположение, 1951, с. 246, 249, 250). В новонайденных мемуарах Трубецкой дал развернутое изложение обязательств, которые налагались на участников Союза, сформулировав целую программу деятельности: «Члены обязывались: 1-е. Поддерживать все те меры правительства, от которых возможно ожидать хороших для благосостояния государства последствий. 2-е. Противодей-

³ Имеется в виду убеждение в необходимости отмены крепостного права, поскольку именно эта «мысль» была указана ранее в данном показании.

ствовать словом всем тем, которые признаны будут несоответствующими этой цели или вредными. 3-е. Разглашать все благородные поступки и полезные действия лиц должностных и частных. 4-е. Преследовать всех чиновников, от самых высших до самых низших, в злоупотреблении по их должностям. 5-е. Исправлять по силе своей и возможности всякую несправедливость, оказанную какому-либо лицу, и защищать обиженных и невинных. 6-е. Распространять убеждение в необходимости освобождения крестьян. 7-е. Освобождать своих крестьян, когда поступят к ним во владение. 8-е. Распространять чувства любви к Отечеству и ненависти к несправедливости и угнетению. 9-е. Приобретать и распространять познания по части государственного устройства, законодательства, судопроизводства и прочих политических наук» (Трубецкой, 2011, с. 57). В ранее известных записках Трубецкой дополнительно сообщал: «Члены разделялись по предметам своих занятий или службы. Каждый по своей части обязан был приобретать познания, могущие сделать его полезнейшим гражданином, и сведения, потребные для действия общества» (Трубецкой, 1983, с. 224). В самом уставе программа деятельности членов в столь подробном и целостном виде не была представлена; требования к участникам и направления их «работ» рассредоточены по многим разделам и пунктам. Однако в разделе «Обязанности членов» можно найти следующие формулировки: «Члены Союза не только не должны уклоняться от общественных обязанностей, но как истинные сыны отечества с удовольствием их принимать, с рачением исполнять и как непорочным поведением, так правосудием и благородством возвышать во мнении других занимаемое ими место... Во всяком звании, во всяком месте член Союза обязан помогать ближнему; оказывать уважение людям добродетельным и достойным, стараться вступить с ними в связь, извещая о том Союз; злым же и порочным противиться всеми средствами... Члены Союза должны и в общественной жизни вспомоществовать друг другу... Каждый член обязан... деятельно споспешествовать достижению... цели [Союза], он должен личным примером и словом поощрять всякого к добродетели, распространять сообразные с целью Союза понятия, говорить правду и безбоязненно подвизаться за онаю... Всякий член имеет право учреждать или быть членом всякого рода правительством одобренных обществ... и нечувствительным образом склонять их к цели Союза...» (Законоположение, 1951, с. 247–249). Как видим, в поздних изложениях Трубецкого одни пункты устава приводятся весьма точно (разглашение полезных действий чиновников, противодействие их злоупотреблениям, защита несправедливо преследуемых), другие – не упоминаются (взаимная поддержка членов, склонение к цели Союза одобренных правительством общественных организаций); наконец, мемуарист формулирует «требования», которые в уставе отсутствовали вовсе, – как правило, политически заостренные, отражающие «потаянные цели» основателей: противодействие вредным шагам правительства, распространение антикрепостнических идей, освобождение собственных крестьян, приобретение и распространение знаний в области политических наук и государственного управления. Уставные пункты «Зеленой книги» рисуют тайное общество скорее просветительской организацией, члены которой занимаются благотворительностью, преследованием злоупотреблений чиновников, взаимной помощью, распространением реформаторских идей. Под пером Трубецкого Союз приобретает более различимую и насыщенную политическую окраску, превращаясь в оппозиционную силу, поддерживающую полезные правительственные шаги и критикующую злоупотребления и недостатки правления. Возможно, на ретроспективное описание «правил» Союза и требований к его участникам существенное влияние оказала реальная деятельность декабристской организации.

Как известно, в «Зеленой книге» деятельность Союза заключалась в рамки четырех направлений, которые носили название «отрасль». Эти направления обозначали основные сферы занятий членов. Согласно уставу, «отрасли» назывались «человеколюбие», «образование», «правосудие», «общественное хозяйство». Первая из них концентрировала усилия членов на поддержке, контроле и наблюдении за «человеколюбивыми заведениями» и другими подобными институтами, была направлена на разнообразную деятельность в области благотворительности. Вторая охватывала сферу образования и просвещения, имела в виду

распространение правил «истинной нравственности», поддержку, контроль и наблюдение за просветительскими обществами, учебными заведениями и т. д. Третья подразумевала не только наблюдение и контроль за судопроизводством во всех его видах, но и влияние на сферу государственного управления («все дела по разным частям управления в отечестве состоят под надзором членов сей отрасли»). Четвертая касалась поддержки промышленных заведений, общественно полезных производств, сельского хозяйства и торговли. Для одной из «отраслей» («образование») были предположены дополнительные направления деятельности («отделы»), которым должны были посвятить свои силы участники, избравшие для занятий эту «отрасль» (Законоположение, 1951, с. 243–245, 264–271). Трубецкой в своих поздних описаниях не обошел вниманием вопрос об «отраслях». В показаниях он утверждал: «Отрасли, по которым члены записывались, разделялись на следующие: правосудие, просвещение, воспитание и государственное хозяйство. Кто по которой отрасли записывался, должен был стараться приобретать по оной познания, а по возможности своей и лично к пре[у]спению оной содействовать» (Восстание декабристов, 1925, с. 25). Любопытна абберрация памяти Трубецкого в отношении названий «отраслей», а значит, основных направлений деятельности Союза. Автор показаний не упоминает «отрасль» «человеколюбие», заменив ее, как можно полагать, на «воспитание», что выглядит явной и существенной ошибкой. Отметим, что деятельность в сфере «воспитания юношества» в оригинальном уставе Союза фигурирует как одно из упомянутых дополнительных направлений («отделов») в рамках занятий по «отрасли» «образование»; к этой же «отрасли» авторы устава отнесли «отдел» «распространение правил нравственности» (Законоположение, 1951, с. 243–244, 264–269). В своей совокупности оба этих «отдела» могли оставить определенный след в памяти Трубецкого, создав впечатление о существовании в уставе особой «отрасли», члены которой должны были иметь отношение к «воспитанию» молодого поколения и совершенствованию общественных нравов. Другие ошибки Трубецкого в обозначении «отраслей» – «просвещение» вместо «образование» и «государственное хозяйство» вместо «общественное хозяйство» – не столь существенны и могут быть объяснены простой неточностью при воспроизведении правильного названия. В мемуарных описаниях Трубецкой еще более неточен в обозначении направлений деятельности Союза, отраженных в уставе: «Общее действие общества обнимало все отрасли государственного управления и все сословия государства. Для этого все члены его разделялись на четыре разряда, названные отраслями: благочиния, правосудия, законодательства и государственного хозяйства. Каждый член записывался в одну из этих отраслей и предпочтительно занимался теми предметами, какие она имела в виду» (Трубецкой, 2011, с. 57). Как видим, спустя 30 с лишним лет после составления устава, в более свободных условиях, на исходе пребывания в Сибири Трубецкой вновь не привел никаких данных об «отрасли» «человеколюбие». Но теперь не указана еще и другая обозначенная в уставе «отрасль» – «образование». Возможно, направления деятельности членов Союза по необозначенным «отраслям» были отнесены к указанному им понятию «благочиние». Полагаем, что ближе всего к этому термину находятся занятия, отнесенные в «Зеленой книге» к «отрасли» «образование» («отделы» «воспитание» и «распространение правил нравственности») ⁴. Удалив из мемуарного описания такие направления деятельности, заявленные в уставе, как «образование» (просветительская деятельность) и «человеколюбие» (благотворительность), Трубецкой заменил их на «законодательство». В результате Союз благоденствия становится значительно более ориентированным на политические задачи, а его деятельность – направленной на преобразование государственного строя. Просветительский характер Союза, который преимущественно отражен в «Зеленой книге», Трубецкой, как видно на этом примере, старался изменить, представив декабристское общество в большей степени в виде политической оппозиции, готовой изменить общественные на-

⁴ Согласно наиболее распространенным значениям, отраженным в «Словаре русского языка», понятие «благочиние» означает «благопристойность», «приличие». URL: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/02/ma109_624.htm?cmd=0&istext=1 (дата обращения 26.10.2022).

строения и законодательную основу государственного управления. По всей видимости, мемуарист корректировал представления о Союзе согласно тем идеям и намерениям, которыми воодушевлялась группа его учредителей или которые стали преобладать в его практической деятельности.

Большое внимание в описаниях устава Трубецкой уделено внутреннему устройству Союза. В известных воспоминаниях Трубецкого имеется любопытное указание, касающееся внутреннего устройства общества: «Каждая отрасль состояла из управ, которых все члены действовали по предмету своей отрасли» (Трубецкой, 1983, с. 225); об этом говорит и указание в новонайденном мемуаре: «Каждый член Коренного союза обязан был завести управу по одной из четырех отраслей...» (Трубецкой, 2011, с. 57). Данные свидетельства не находят подтверждения в тексте «Зеленой книги», где ничего не говорится о возможности поступления членом одной управы в полном составе в определенную «отрасль». Напротив, текст устава создает устойчивое впечатление, что причисление к «отрасли» зависело от индивидуального выбора каждого участника, о чем гласил один из пунктов: «Каждый член... записывается в ту отрасль, которая более с образом его занятий, способностями и проходным им родом службы сообразна» (Законоположение, 1951, с. 258). Об индивидуальном выборе «отрасли» членами Союза говорит одно из положений раздела «Распределение занятий»: «О избрании членами отраслей или отделов... совет управы без отлагательства доставляет подробные сведения Коренному совету» (Там же, с. 261). Если бы все члены управы избирали сферой своих занятий только одну «отрасль», этот пункт устава был бы сформулирован иначе. В показаниях Трубецкой утверждал, что члены одной управы могли принадлежать разным «отраслям»: «В каждой [управе] был председатель, который... должен был назначать дело каждому члену по отрасли, по которой он занимался...» (Восстание декабристов, 1925, с. 24). То же следует из мемуарных свидетельств декабриста: «Каждый член записывался в одну из... отраслей и предпочтительно занимался теми предметами, какие она имела в виду» (Трубецкой, 2011, с. 57). Таким образом, приведенное указание противоречит как содержанию устава, так и другим ретроспективным свидетельствам декабриста. Возможно, одна или несколько управ, которые находились в поле зрения Трубецкого как блюстителя Коренного союза, приняли решение избрать в качестве направления своей деятельности одну «отрасль», и это обстоятельство закрепилось в памяти мемуариста.

Касаясь вопроса о руководящих органах Союза в следственных показаниях, Трубецкой был лаконичен: «...главная [управа] называлась Думою, в которую все прочие относились... Верховным советом называлась та часть членов Главной думы, которой поручалось текущее управление Союза. Пребывание сих управляющих членов назначено было в Петербурге...» (Восстание декабристов, 1925, с. 24). Следует оговорить, что в этих показаниях даются неверные названия руководящих учреждений Союза. Возможно, здесь сказались условия следствия, когда нужно было срочно готовить ответы на «вопросные пункты». Скорее всего, Трубецкой в спешке и волнении перенес название руководящего органа Северного общества («Верховная дума») на реалии более раннего времени. Действительно, устав Союза не знает ни «Главной думы», ни «Верховного совета». Сопоставление с текстом «Законоположения» подводит к выводу, что под «Главной думой» Трубецкой подразумевал Коренную управу, где были объединены основатели общества, составлявшие вместе руководящий Коренный союз (Законоположение, 1951, с. 251). Что касается «Верховного совета», то здесь, несомненно, имеется в виду фигурирующий в документах следствия управляющий орган Союза – Коренный совет (традиционное название, утвердившееся в исторической литературе) или «Совет Коренного союза», если в точности следовать букве устава (Там же)⁵. В новонайденных воспоминаниях, в отличие от показаний, Трубецкой кратко, но при этом точно, воспроизвел положение устава, приведя правильное название руководящего органа: «Управление общества сосредоточивалось в Коренном союзе, состоявшем из всех членов-основателей»

⁵ Понятие «Коренный совет» присутствует и в тексте устава – по-видимому, как сокращенный вариант названия «Совет Коренного союза» (Законоположение, 1951, с. 252, 260, § 67).

(Трубецкой, 2011, с. 57). В ранее известных записках Трубецкой дополнил эти сведения указанием на количество членов-основателей (24), вошедших в состав Коренного союза, и сообщил о процедуре пополнения его состава: «В члены Коренного совета принимались уже из испытанных членов и не иначе, как единогласным согласием всех членов Коренного совета, налицо в столице находящихся» (Трубецкой, 1983, с. 225–226). Правда, в этом мемуарном тексте декабрист ошибочно называет Коренной союз, состоявший из членов-основателей (не менее 24 чел.) – «Коренным советом», представлявшим собой, согласно уставным положениям, управляющий орган из 6 человек, избранных из числа членов Коренного союза. Вероятно, в памяти мемуариста контаминировались представления о Коренном союзе и его управляющем совете.

Трубецкой в своих описаниях подробно затронул вопрос о правах и обязанностях избираемых и регулярно сменяемых главных лиц в управлении Союза – председателя и блюстителя Коренного союза. Согласно следственным показаниям, «...председатели управ относились председателю Верховного (следует: Коренного. – П. И.) совета, а блюстители управ – к блюстителю оного ж» (Восстание декабристов, 1925, с. 24). Кроме этих сведений, декабрист в показаниях ничего не сообщил о полномочиях председателя и блюстителя. В вновь найденных мемуарах вопрос освещен подробно: «В Коренном союзе... избирались председатель и блюститель. Обязанность первого была: иметь непрерывное сообщение со всеми председателями управ; получаемые от них сведения сообщать членам Коренного союза; собирать членов его, когда надобность к тому окажется, распределять действия между управами и наблюдать за исполнением. Он ежедневно должен был видеться с блюстителем Коренного союза, которого обязанность была: иметь бдительный надзор за действием всего общества и не позволять ни в чем отступать от духа, цели и порядка действия, определенного по уставу Союза благоденствия. Блюстители всех управ были в непрерывных сношениях с блюстителем Коренного союза. Он посредством их следил за действием и поступками каждого члена Союза. Ему предоставлено было напоминать каждому члену об обязанностях его как члена Союза, как гражданина и как частного человека. Без его ведома никакой новый член не мог быть принят в Союз; он должен был собрать о нем надлежащие сведения, стараться познакомиться с ним лично, когда возможно, узнать и испытать его, и тогда уже давал разрешение на принятие, когда находил его полезным для Союза. Он сверял и скреплял своею подписью все списки устава Союза благоденствия» (Трубецкой, 2011, с. 58). Как видим, в этом ретроспективном изложении Трубецкой наделял блюстителя Коренного союза значительными полномочиями. Так, мемуарист указал на то, что никакой новый член не мог быть принят без ведома блюстителя, который должен был собрать надлежащие сведения о кандидате, стараться познакомиться с ним лично, «узнать и испытать его», после чего давал разрешение на прием. Однако в ранее известных воспоминаниях Трубецкой излагал обязанности блюстителя Коренного союза иначе, придавая больше значения во внутренней жизни тайного общества блюстителям управ: за «общим действием» и деятельностью отдельных членов, их «общественным и частным» поведением наблюдал блюститель соответствующей управы, он же «собирал сведения о лицах, которые предлагались к принятию в Союз», должен был лично знакомиться с кандидатами, испытать и оценить их взгляды, поступки, и «только по его представлению мог быть принят новый член» (Трубецкой, 1983, с. 225).

В чем причина противоречия в свидетельствах Трубецкого, касающихся прав и обязанностей блюстителя Коренного союза и блюстителей управ? Обращаясь к уставу, мы не находим в нем практически никаких сведений о правах и обязанностях председателя и блюстителя Коренного союза, в то время как полномочия руководителей управ (председателя и блюстителя, образующих Совет управы) освещены в нем подробно. Практически все перечисленные в мемуарах Трубецкого функции блюстителя Коренного союза в «Законоположении» входят в круг полномочий блюстителя управы, за исключением участия в принятии новых членов (об этом в уставе не говорится: (Законоположение, 1951, с. 254–256, 258)). Следует заключить, что расхождения в освещении Трубецким вопроса о правах блюстителя Коренного

союза объясняются, вероятно, тем, что в уставе эти полномочия не были изложены в развернутом виде, поэтому декабрист в своих «припоминаниях» опирался на собственные впечатления о реальной практике, сложившейся во время существования декабристского общества. Нужно отметить, что эти различия ослабляются тем, что согласно мемуарному изложению Трубецкого блюститель Коренного союза осуществлял свои полномочия «посредством» усилий блюстителей управ, которые таким образом приобретали отчасти те же функции. Тем не менее, поздний вариант воспоминаний Трубецкого оказался ближе к правильной передаче содержания устава.

Показания Трубецкого содержат сведения об организационных единицах Союза благоденствия (управах) и обязанностях их руководителей: «В каждой [управе] был председатель, который собирал управы, должен был назначать дело каждому члену по отрасли, по которой он занимался; и в каждой же был блюститель, который должен был наблюдать за нравственностью членов и за тем, чтоб действие производилось в должном порядке. Оба сии лица выбирались членами управ...» (Восстание декабристов, 1925, с. 24). В целом это соответствует содержанию «Зеленой книги» (Законоположение, 1951, с. 258). Изложение пунктов устава в новонайденных воспоминаниях Трубецкого при освещении данного вопроса несколько отличается: «Каждый член Коренного союза обязан был завести управу по одной из четырех отраслей и оставался ее председателем до тех пор, когда число членов достигало двенадцати, тогда председатель управы избирался большинством голосов членов управы. Коренный союз, сверх того, назначал в управу блюстителя, который по возможности определяем был из членов Коренного союза» (Трубецкой, 2011, с. 57–58). Это изложение не вполне отвечает содержанию устава. Так, число членов управы, необходимое для учреждения самостоятельного управления, указано неверно: для этого было достаточно десяти человек (в уставе нигде не фигурируют «двенадцать членов» как число участников, необходимое для открытия новой управы или ее самостоятельного управления). Вопрос о назначении блюстителя управы Коренным союзом передан мемуаристом тоже неточно. Основателем управы (по крайней мере, в начале существования общества) должен был выступить член Коренного союза. Он, согласно уставу, «в первые три месяца» выполнял обязанности председателя и блюстителя управы, после чего десять поступивших в нее членов избирали себе новых руководителей (Законоположение, 1951, с. 254–255).

В новонайденных воспоминаниях Трубецкого фигурирует понятие «вспомогательной управы» Союза благоденствия: «Каждый член управы мог с согласия председателя и блюстителя своей управы завести вспомогательную управу для занятий в политических науках и для приготовления членов для Союза. Председатель и блюститель управы были всегда членами и вспомогательной управы» (Трубецкой, 2011, с. 58). В ранее известных записках мемуарист дополнял эти сведения: «Цель вспомогательных управ была готовить членов для Союза; действие их – учебные занятия и содействие Союзу... вспомогательные управы не имели блюстителей особых, но блюститель той управы, которой член завел управу, имел над ней надзор» (Трубецкой, 1983, с. 225–226). В следственных показаниях декабриста не содержится упоминаний о «вспомогательных управах». Обращение к уставу Союза благоденствия не обнаруживает существования в нем понятия «вспомогательная управа». Очевидно, Трубецкой имел в виду другое понятие, которое было отражено в уставе и не сохранилось в его памяти. Казалось бы, с понятием «вспомогательная управа», приведенным в мемуарах Трубецкого, можно ассоциировать термин «побочная управа», имеющийся в «Зеленой книге». Однако есть существенные отличия между описаниями Трубецкого и текстом устава, не позволяющие провести такую идентификацию. Согласно уставу, «побочная управа» состояла из действительных членов Союза благоденствия и являлась дочерней структурой по отношению к «главным» или «деловым» управам (участники которых основывали «побочные управы»). Следовательно, «побочная управа» не имела задачи подготовки новых членов, поскольку в ней состояли лица, уже поступившие в состав общества. Исходя из этого, следует признать, что «вспомогательным управам» более всего соответствует имеющееся в уставе

понятие «вольное общество». Именно «вольные общества», образованные по инициативе или контролируемые участниками декабристского союза, не входили в его структуру, были нацелены на поиск единомышленников с последующим принятием их в ряды членов, а в число занятий включали обучение политическим наукам и получение необходимых знаний⁶. Что касается обязательного участия председателя и блюстителя «материнской» управы в работах «вспомогательной», то это уставное требование имело отношение как к «вольным обществам», так и к «побочным управам». Согласно «Законоположению», избираемые председатель и блюститель «материнской» управы занимались «правлением дел подведомственных ей побочных управ и вольных обществ» (Законоположение, 1951, с. 255). Таким образом, в памяти Трубецкого, вероятно, оказались совмещенными положения устава о «побочных управах» и «вольных обществах».

Подводя итог сопоставлению ретроспекций содержания устава Союза благоденствия, принадлежащих Трубецкому, следует отметить, что один из авторов «Зеленой книги» в своих «припоминаниях» уделил внимание ряду основополагающих положений документа. Декабрист осветил такие вопросы, как цель и практические задачи Союза, обязанности его членов, основные направления деятельности («отрасли» и «отделы»), внутреннее устройство и органы управления тайным союзом, полномочия руководящих лиц, деятельность управ Союза и их управление. В целом Трубецкой был достаточно корректен в своих описаниях «Зеленой книги», что позволяет сделать вывод о высоком уровне достоверности его мемуарных свидетельств и относительной точности в этом вопросе его следственных показаний.

Вместе с тем Трубецкой допустил ряд неточностей и искажений. Можно выделить главные расхождения между текстом устава и ретроспективными описаниями декабриста. Это названия двух «отраслей», определявших основные направления деятельности Союза благоденствия (Трубецкой ни разу не указал отрасль «человеколюбие» и дважды не указал отрасль «образование»). В следственных показаниях он привел неверные названия руководящих органов Союза, что могло быть вызвано сложной обстановкой допросов. В мемуарных текстах декабрист по-разному трактовал обязанности блюстителя Коренного союза и блюстителей управ, допустил неточности в отнесении членов управ Союза целиком к определенному направлению занятий («отрасли»), а также в количестве участников, необходимых для создания новой управы. В свои воспоминания Трубецкой ошибочно ввел понятие «вспомогательная управа», имея в виду обозначенные в «Законоположении» «вольные общества» и добавив к ним некоторые черты фигурирующих в уставе «побочных управ».

Трубецкой в ряде случаев вышел за пределы содержания уставного документа. По всей видимости, в показаниях и воспоминаниях он раскрыл политические замыслы и намерения руководителей Союза благоденствия, указав на цели политического характера, которые имелись в виду инициаторами, но не были отражены в «Законоположении» (ограничение самодержавия, отмена крепостного права), упомянул практические действия, которые требовались от участников (противодействие «злоупотреблениям» правительства, распространение преобразовательных идей и политических знаний, освобождение собственных крестьян). На следствии и в мемуарах он не скрыл политический характер Союза, ссылаясь при этом на реформаторские планы Александра I. Сообщив в своих воспоминаниях о таком направлении деятельности Союза, как «законодательство», Трубецкой придавал декабристскому обществу гораздо большее политическое звучание. Таким образом, проведенный сравнительный анализ позволяет в значительной степени выявить то целеполагание, которым руководствовался Трубецкой, создавая впоследствии свои «пересказы» уставных пунктов «Зеленой книги».

⁶ См.: «Вольными обществами называются в Союзе благоденствия все общества, к цели его стремящиеся, но вне оного находящиеся... В оных должны быть порожаемы и укрепляемы: согласие и единодушие, охота к взаимному сообщению полезных мыслей, познание гражданских обязанностей и любовь к отечеству» (Законоположение, 1951, с. 257).

Список литературы

- Ильин П. В.** Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб.: Нестор-История; СПбИИ РАН, 2004. 664 с.
- Ильин П. В.** Неизвестные записки С. П. Трубецкого // Трубецкой С. П. Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1823 гг. СПб., 2011. С. 9–50.
- Нечкина М. В.** Движение декабристов. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1. 484 с.
- Павлова В. П.** [Комментарии] // Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. 1. С. 324–396.
- Федоров В. А.** Декабристы и их время. М.: Изд-во МГУ, 1992. 272 с.
- Чернов С. Н.** Из работ над «Зеленой книгой» // Чернов С. Н. У истоков освободительного движения в России. Саратов, 1960. С. 261–328.
- Эдельман О. В.** Воспоминания декабристов о следствии как исторический источник // Отечественная история. 1995. № 6. С. 34–44.
- Эдельман О. В.** Следствие по делу декабристов. М.: Модест Колеров, 2010. 356 с.

Список источников

- Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т. 1. 540 с.; 1927. Т. 3. 448 с.
- Законоположение Союза благоденствия // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1. С. 239–276.
- Трубецкой С. П.** Записки // Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. 1. С. 217–285.
- Трубецкой С. П.** Записки // Трубецкой С. П. Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1823 гг. СПб., 2011. С. 51–93.
- Трубецкой С. П.** Показание от 24–26 декабря 1825 г. // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л., 1925. Т. 1. С. 22–39.

References

- Chernov S. N.** Iz rabot nad “Zelenoi knigoi” [From the Work on the “Green book”]. In: Chernov S. N. U istokov osvoboditel’nogo dvizheniya v Rossii [At the Origins of the Liberation Movement in Russia]. Saratov, 1960, pp. 261–328. (in Russ.)
- Edelman O. V.** Vospominaniya dekabristov o sledstvii kak istoricheskii istochnik [Memoirs of the Decembrists about the Investigation as a Historical Source]. *Otechestvennaya istoriya* [Russian History], 1995, no. 6, pp. 34–44. (in Russ.)
- Edelman O. V.** Sledstvie po delu dekabristov [Investigation into the Case of the Decembrists]. Moscow, Modest Kolerov, 2010, 356 p. (in Russ.)
- Fedorov V. A.** Dekabristy i ikh vremena [The Decembrists and Their Time]. Moscow, MSU Press, 1992, 272 p. (in Russ.)
- Ilyin P. V.** Novoe o dekabristakh. Proshchennye, opravdannye i neobnaruzhennye sledstviem uchastniki tainykh obshchestv i voennykh vystuplenii 1825–1826 gg. [New about Decembrists. Forgiven, Acquitted and Undetected Members of the Secret Societies and Revolt of 1825–1826]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, SPbIH RAS, 2004, 664 p. (in Russ.)
- Ilyin P. V.** Neizvestnye zapiski S. P. Trubetskogo [Unknown Memoirs of S. P. Trubetskoy]. In: Trubetskoy S. P. Zapiski. Pis'ma I. N. Tolstomu 1818–1823 gg. [Memoirs. Letters to I. N. Tolstoy, 1818–1823]. St. Petersburg, 2011, pp. 9–50. (in Russ.)
- Nechkina M. V.** Dvizhenie dekabristov [The Decembrist Movement]. Moscow, AS USSR Publ., 1955, vol. 1, 484 p. (in Russ.)

Pavlova V. P. [Comments]. In: Trubetskoi S. P. Materialy o zhizni i revolyutsionnoi deyatel'nosti [Materials about Life and Revolutionary Activity]. Irkutsk, Est-Siberian Book Publ., 1983, vol. 1, p. 324–396. (in Russ.)

List of Sources

Trubetskoy S. P. Zapiski [Memoirs]. In: Trubetskoy S. P. Materialy o zhizni i revolyutsionnoi deyatel'nosti [Materials about Life and Revolutionary Activities]. Irkutsk, 1983, vol. 1, pp. 217–285. (in Russ.)

Trubetskoy S. P. Zapiski [Memoirs]. In: Trubetskoy S. P. Zapiski. Pis'ma I. N. Tolstomu 1818–1823 gg. [Memoirs. Letters to I. N. Tolstoy, 1818–1823]. St. Petersburg, 2011, pp. 51–93. (in Russ.)

Trubetskoy S. P. Pokazanie ot 24–26 dekabrya 1825 g. [Investigative Testimony Dated December 24–26, 1825]. In: Vosstanie dekabristov. Materialy [The Decembrist Revolt. Materials]. Moscow, Leningrad, 1925, vol. 1, pp. 22–39. (in Russ.)

Vosstanie dekabristov. Materialy [The Decembrist Revolt. Materials]. Moscow, Leningrad, Gosizdat, 1925, vol. 1, 540 p.; 1927, vol. 3, 448 p. (in Russ.)

Zakonopolozhenie Soyuza blagodenstviya [Charter of the Union of Welfare]. In: Izbrannye sotsial'no-politicheskie i filosofskie proizvedeniya dekabristov [Selected Socio-Political and Philosophical Works of the Decembrists]. Moscow, 1951, vol. 1, pp. 239–276. (in Russ.)

Информация об авторе

Павел Владимирович Ильин, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 57222087809

Information about the Author

Pavel V. Ilyin, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 57222087809

*Статья поступила в редакцию 16.11.2022;
одобрена после рецензирования 17.01.2023; принята к публикации 18.03.2023
The article was submitted on 16.11.2022;
approved after reviewing on 17.01.2023; accepted for publication on 18.03.2023*

Научная статья

УДК 94 (477) + 719:72

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-70-80

**«Сделать известным»:
историческая память, историческая политика
и памятники истории Российской империи**

Александр Ильич Филюшкин

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

a.filushkin@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2456-7514>

Аннотация

Историческая память является необходимым элементом процесса нациестроительства. В статье рассматривается одна из форм воплощения исторической памяти в объектах на местности – официально зафиксированных памятниках истории. Рассматривается эволюция этой политики с 1826 г. (первый в России указ императора Николая I о создании перечня памятников истории, этим занималось Министерство внутренних дел) до 1917 г. Целью империи было представить русскую историю как апофеоз династии Романовых, особенно ее последних представителей (Александра II, Александра III, Николая II). Поэтому большую часть памятников истории, по их описанию 1901–1903 гг., составили современные памятники последним императорам и членам императорской фамилии. Они не были памятниками истории в настоящем смысле этого понятия. Перед нами идеологическая, пропагандистская кампания.

Ключевые слова

историческая память, памятник истории, историческое наследие, историческая политика, династия Романовых

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-48-04402

Для цитирования

Филюшкин А. И. «Сделать известным»: историческая память, историческая политика и памятники истории Российской империи // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 8: История. С. 70–80. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-70-80

**“Make Known”:
Historical Memory, Politics of Memory
and Historical Monuments of the Russian Empire**

Alexander I. Filyushkin

St. Petersburg State University

St. Petersburg, Russian Federation

a.filushkin@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2456-7514>

Abstract

Historical memory is a necessary element of the nation-building process. It has various forms of realization, including visual ones. The article discusses one of the forms of visualization of historical memory through specific historical places – officially confirmed historical monuments. The author proves the thesis that the list of national his-

© Филюшкин А. И., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 8: История. С. 70–80

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 8: History, pp. 70–80

torical monuments depended on the history politics implemented by the authorities and considers the evolution of this politics from 1826 (the first decree of Emperor Nicholas I on compiling in Russia a list of historical monuments, this was done by the Ministry of the Interior) until 1917. Initially, the authorities sought to recreate the picture of the historical past by fixing the surviving monuments. However historical politics was changing in the late 19th – early 20th centuries. The purpose of the empire was to present Russian history as the apotheosis of the Romanov dynasty, especially its last representatives (Alexander II, Alexander III, Nicholas II). Therefore, according to their description of 1901–1903, most historical monuments were modern monuments to the last emperors and members of the imperial family. They were not historical monuments in the true sense of the term. It was an ideological, a propaganda campaign. The author draws attention to its inefficiency; these monuments could not improve the image of the Romanovs in the eyes of society. The author draws attention to the similarity of the principles of visualization of history through historical monuments in the Russian Empire and the USSR. In both cases, an ideological basis shaped the history politics, which was less about preserving historical memory and more about ideology and channeling specific ideas through selected monuments. Moreover, in both cases, it was a cause of inefficiency of history politics.

Keywords

historical memory, historical monument, historical heritage, history politics, Romanov dynasty

Acknowledgements

The research was carried out with financial support of Russian Science Foundation within the framework of a scientific project no. 21-48-04402

For citation

Filyushkin A. I. "Make Known": Historical Memory, Politics of Memory and Historical Monuments of the Russian Empire. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 8: History, pp. 70–80. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-70-80

Необходимым компонентом нацистроительства является память о прошлом народа, о его происхождении (миф об *origo gentes*), о первых страницах истории, правителях и культурных героях. Эта память конструируется двумя путями. Первый – на основе воспоминаний, которые передаются из поколения в поколение и отражают реальные страницы истории (или представления о них, которые считаются реальными, восходящими к событиям прошлого). Эти воспоминания отражаются в нарративных исторических источниках, и на их основе в новое время пишутся национальные истории. Тем самым формируются знания о прошлом, на которые опираются национальные мифы, гражданское самосознание, локальный местный патриотизм. На основе этих знаний реализуется историческая политика, исторические образы вплетаются в политическую пропаганду (см., например: [Eidson, 2000; Kuzio, 2002; Van Sledright, 2008; Memory..., 2011; Allen, 2010; Wawrzyniak, Pakier, 2013; Feindt et al., 2014; Memories..., 2015]).

Но эти знания не могут быть воплощенными только в нарративе, устном рассказе, коммеморациях или пропагандистских акциях. Они нуждаются в символической визуализации [Metzger, 2018, S. 329–347]. Здесь и возникает второй путь – когда на основе исторических знаний, добытых учеными, происходит «узнавание прошлого» на местности. Происходит «открытие» мест битв, древних городов и т. д. При этом данные «открытия» могут быть связаны с традицией, историческим преданием, памятью. А могут являться конструктом, «открытием заново» своего прошлого.

Строение или местность объявляются древним памятником, его маркируют памятным знаком или закрепляют за ним определенную историю или легенду. Тем самым им присваивается историческое значение, они становятся памятниками истории [Harvey, 2001]. Они могут быть подлинным древним объектом, а могут иметь чисто символическое значение, присвоенное в новое время. И. А. Кирьянов предложил называть первый тип «памятниками-подлинниками», а второй – «памятниками символами» [1979, с. 7]. Е. В. Михайловский уточнил эту классификацию: есть памятники «преднамеренные» («сигналы для памяти») и «непреднамеренные» («кладовая памяти») [1981, с. 24].

Благодаря этим объектам возникают своего рода проекции прошлого в образы современных городов и местностей. Прошлое оживает, становится наглядным, доступным человеческому взору, воображению. Возникает «место памяти», место преклонения и воспоминания, пригодное для актов коммемораций. Комплекс таких памятников формирует в памяти поко-

ления образ прошедшей эпохи. При этом памятники истории вовсе не обязательно по хронологии своего происхождения соответствуют эпохе, на которую они указывают. Например, средневековые архитектурные памятники практически никогда не доходят в первоизданном виде, а почти всегда искажены поздними перестройками. Нередко значение «места памяти» присваивается позднее, когда данное событие прошлого становится значимым для потомков. Тогда оно маркируется памятниками, символическими актами (праздниками, крестными ходами и т. д.).

Понятие «памятники истории» является одним из элементов формирования исторической памяти нации [Dianina, 2010; Gervits, 2011] (обзор взглядов российских исследователей на понятие «памятник истории» см.: [Кулемзин, 2001, с. 3–66]). Процесс формирования списка памятников истории имеет три стратегии: 1) выявление памятников древности, которым потом присваивается историческое значение; 2) моделирование памятников истории с помощью разных манипуляций; 3) уничтожение этих памятников в ходе реализации политики забвения, стирания неугодного прошлого. Изучение формирования представлений о памятниках истории – это прежде всего изучение запросов национальной исторической памяти. Когда и как происходит формирование официального и «неофициального» списка памятников истории? Какие сюжеты прошлого являются важными и актуализируются в процессе этого отбора? Какой образ национального прошлого возникает на основе этих объектов? Как он соотносится с другими стратегиями формирования исторической памяти, исторической культурой эпохи?

Данная проблема применительно к истории Российской империи и СССР ставилась в основном в аспекте изучения формирования понятия «исторический памятник» (см. [Формозов, 1976; 1986; Кирьянов, 1979; Михайловский, 1981] и др.) и генезиса системы охраны памятников [Разгон, 1957; 1971; Кулемзин, 1999; Работкевич, 1999]. Данные исследования строились в основном на законодательной источниковой базе, которая опубликована (Охрана памятников, 1978). Привлекались также материалы Академии художеств. В гораздо меньшей степени исследователи обращались к архивным материалам переписей памятников истории, проводившихся МВД в 1826–1903 гг. Это связано прежде всего с их плохой сохранностью – полностью сохранились материалы только переписи 1901–1903 гг., а все предыдущие были утрачены еще в конце XIX в.¹ Их следы сохранились только фрагментарно, в виде единичных дел. При этом полностью сохранившаяся перепись 1901–1903 гг. (в фонде 1284 РГИА) практически не привлекалась историками. Данные архивные материалы дают много информации по исторической политике Российской империи начала XX в., формированию образов исторической памяти в центре и регионах, исторических идеалов и символов. В этом аспекте указанный исторический источник почти не изучался исследователями. Настоящей статьёй предполагается сделать шаг к заполнению этого историографического пробела. Представляется полезным в перспективе издать материалы переписи 1901–1903 гг. в виде отдельной книги.

Осознание необходимости визуализации истории в памятниках истории в России пришло в конце XVIII – первой половине XIX в. Памятники предполагалось противопоставить в качестве аргумента скептикам, которые отрицали существование у России интересной истории и культурно богатого прошлого. Известный публицист Н. И. Новиков рассматривал памятники как фактор, необходимый для становления личности русского гражданина и патриота [1784, с. 28]. Позже литературный критик В. Г. Белинский сказал, что по одним только памятникам можно познать историю России [1955, с. 611]. Однако звучали и противоположные высказывания, вот, например, слова К. Н. Батюшкова: «Я за все русские древности не дам гроша. То ли дело Греция? То ли дело Италия?» (цит. по: [Формозов, 1986, с. 141–142]). Дипломат Д. Н. Свербеев писал, что он «...напрасно в Пскове искал... глазами каких-нибудь следов его достопамятного по летописям прошедшего – в нём решительно не на чем было

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 186, 1900 г. (дела по археологии). Д. 30. Л. 1–33.

остановить внимание проезжего» (цит. по: [Формозов, 1986, с. 141–142]). Известный русский демократ А. И. Герцен отличился высказыванием о Новгороде: город «невыносимо скучен... в нем не осталось ничего старинного русского... здания, пережившие смысл свой, наводят ужас» (цит. по: [Формозов, 1986, с. 141–142]).

Подобные высказывания были во многом порождены невежеством, отсутствием знания о памятниках истории. Их просто не воспринимали как уцелевшие свидетельства былого, не определяли как визуализацию прошлого. Чтобы оно воплотилось в визуальных исторических памятниках, их надо было выявить и зафиксировать. Никаких списков достойных охраны и сбережения объектов прошлого в России вплоть до второй четверти XIX в. не существовало (о становлении системы охраны памятников истории в имперской России см.: [Разгон, 1957, с. 73–128; 1971]). Работа над их составлением на государственном уровне была начата 31 декабря 1826 г., когда вышел высочайший императорский рескрипт: «Касательно доставления сведений об остатках древних зданий в городах и о возпрещении разрушать оные». Он рассылался по гражданским губернаторам. В нем говорилось, что МВД поручено собрать сведения: «В каких городах есть остатки древних замков и крепостей, или других зданий древности, и в каком они положении ныне находятся... Воля Его Величества в то же время есть, что бы строжайше было запрещено таковые здания разрушать, что и должно оставаться на ответственности начальников городов и местных полиций». По зданиям предполагалось представить архивную справку о времени постройки, разрушениях и перестройках, строительных особенностях и т. д. (ПСЗ-2, 1830, т. 1, № 794; Охрана памятников, 1978, с. 39)².

Рескрипт вызвал явные затруднения на местах. До развития сколько-нибудь масштабного краеведческого движения (а о нем можно говорить не ранее середины – второй половины XIX в.) местные знания о локальных визуализациях прошлого в сохранившихся памятниках истории были на уровне сказок и легенд. К тому же местные чиновники явно опасались каких-то неприятных последствий в случае обнаружения в их губерниях памятников истории. Поэтому они на всякий случай предпочитали отчитываться в стиле, что «ничего нету» или «что-то есть, но что такое и насколько ценное – мы не знаем». Например, из ратуши Александровского посада писали: древностей не имеется «и таковых в оном никогда не существовало»; «в городе Опочке никаких древних зданий не имеется»³. Приводится описание Порховской крепости (1370-е гг.) – «крепость в Порхове есть, по какому же случаю и для какого намерения сия крепость выстроена, по всем разысканиям и выправкам открыть невозможно»⁴. Тобольский губернатор описывал сохранившиеся от XVII в. «три великие шестиугольные башни на манер строящихся при деревянных церквях колоколен», но что это за башни и для чего предназначены – уже никто не знает⁵.

Поэтому первые перечни, присланные в 1827–1830 гг. к императорскому двору, содержали в основном кремли и другие крепости, о которых местная администрация обладала хоть каким-то точным знанием (до их вывода за штат они функционировали как военные крепости)⁶. Также туда вошли знаменитые церкви и гражданские здания (дворцы и т. д.). Древняя Россия, таким образом, представляла в своем историческом образе страной крепостей, церквей и построек, символизирующих власть. Получалась почти уваровская триада «православие – самодержавие – народность», где народность визуализировалась в памятниках защиты Отечества.

3 июня 1837 г. губернаторам вменили в обязанность охрану памятников старины. В 1838 г. было издано печатное описание древнерусских крепостей и некоторых монастырей [Глаголев, 1838], на которое МВД ориентировалось как на официальный документ. В том же 1838 г. император дал особое поручение Министерству финансов провести изыскания древ-

² РГИА. Ф. 472. Оп. 12. Д. 185. 1827 г. Л. 2 – 2 об.

³ ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. № 819. Л. 18–20.

⁴ Там же. № 862. Л. 48.

⁵ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. 1827 г. Д. 4882. Л. 5 – 14 об.

⁶ Там же. Л. 1 – 4 об.

них памятников, в том числе найти замок Рюрика. Поиск объектов поручали губернским казначеям⁷. Данные меры были связаны с тем, что в исполнении МВД поиск памятников русской истории явно буксовал, а Министерство финансов в силу специфики деятельности располагало более подробными и точными сведениями о недвижимости в империи. Это и предполагалось использовать.

Поиски казначеев отличались от практики чиновников МВД. Последние слабо представляли себе картину русской истории, а исходили из очевидности отнесения некоторых объектов к памятникам истории (кремли, древние храмы, дома Петра Великого и т. д.) и доступности сведений о них. Минфин предложил иной подход: нужны визуальные воплощения знаковых, символических событий русской истории, которые должны как бы узнаваться в красивых, романтических руинах. Поэтому были «найжены» и «замок Рюрика» (им объявили руины крепости XV–XVI вв. в Старой Ладогe), и «столица Золотой Орды» (Ахтубинское городище в Саратовской губернии). Найденная там мраморная плита с крестом считалась следом православной церкви, где молились православные князья, когда ездили в Орду⁸. Благодаря таким находкам и присвоению им смысла письменная история обретала визуальное воплощение в виде исторических памятников. Разочаровал только Киев: там интенсивно искали могилы первых Рюриковичей и не нашли. Пришли в выводу, что все они были утрачены во время монголо-татарского нашествия (кроме захоронения князя Владимира Крестителя, найденного еще в XVII в. киевским митрополитом Петром Могилой).

Рост знаний о памятниках позволял поставить вопрос об их государственной охране и сохранении. 31 декабря 1842 г. вышел указ о запрещении перестраивать древние церкви (ПСЗ-2, 1846, т. 17, отд. II, № 16401). 14 февраля 1848 г. Сенат запретил разрушать памятники древности (ПСЗ-2, 1852, т. 23, отд. I, № 21992). В 1857 г. вышел Строительный устав, который запрещал снос и перестройку зданий, возведенных до XVIII в. Первый Археологический съезд 1869 г. предложил разработать закон об охране памятников древности. Была создана Комиссия по сохранению древних памятников (Охрана памятников, 1978, с. 100). В 1877 г. Комиссия А. Б. Лобанова-Ростовского подготовила «Проект правил о сохранении исторических памятников». А. А. Формозов считал, что к началу XX в. в России сложилась целая наука об историко-культурном наследии [1976, с. 209].

Подготовка закона тормозилась отсутствием полного официально признанного перечня памятников истории. Документы МВД полностью не отличались, а подход Минфина был более концептуальным и ярким, но его охват был еще меньше. В 1901 г. вышел новый циркуляр МВД об охране и выявлении памятников. Эта кампания оказалась наиболее успешной, мало того, это единственная перепись памятников истории в Российской империи, материалы которой сохранились в полном объеме. В них значатся 2 456 памятников архитектуры и 1 652 памятников истории, итого 4 108⁹.

Принципы описания были обновленные, и получившиеся результаты зависели как от этих принципов, так и от ответов с мест. МВД интересовало прежде всего создание механизма защиты памятников, поэтому предлагался специальный формуляр, в котором указывалось бы, какое ведомство отвечает за памятник, в каком он состоянии, если требуется реставрация, то сколько нужно денег. К этому прилагались краткие исторические справки. Новой здесь была классификация памятников по разным ведомствам, ответственным за их учет и сохранение.

Губернаторов на местах интересовали две цели. Первая – хорошо отчитаться перед начальством, и вторая, к достижению которой стремились только отдельные губернии, – представить свою территорию в выгодном свете. Для достижения первой большинство губернаторов делали акцент на современных памятниках. В 1880–1900-е гг. в Российской империи развернулась масштабная монументальная кампания. Произошла массовая установка памят-

⁷ РГИА. Ф. 561. Оп. 1. Д. 187. Л. 1–272.

⁸ Там же. Л. 20.

⁹ Там же. Ф. 747. Оп. 1. Д. 148. Л. 108–110.

ников последним Романовым – Александру II (с ним также связывались памятники 1911 г. к 50-летию юбилею отмены крепостного права), Александру III и даже Николаю II (он явился первым русским правителем, который ставил памятники сам себе). Эти памятники оказались в отчетах губернаторов в фокусе внимания, хотя они не являлись на самом деле значимыми историческими памятниками. Перед нами памятники монументальной пропаганды, не связанные с локальными местами памяти и историческими событиями. К ним губернаторы добавляли разные местные объекты: триумфальные арки, возведенные в честь приезда высочайших особ или членов императорской семьи, здания и учреждения, которые они посещали во время визита, или временные монументы (тоже в основном в честь визита Романовых).

Картина по империи выходила верноподданническая, но мало соответствовавшая действительности. Получалось, что главное событие во многих губерниях – визит членов императорской фамилии или просто установка памятника в честь императора. Очень показательна, что такой картины не было в описаниях памятников ни в Москве¹⁰, ни в Петербурге¹¹ – там перечислялись действительно важные исторические объекты. Пропагандистский официоз оказался уделом провинции, российской глубинки. Страна изображалась как территория, на которой живут подданные, в первую очередь чтящие своего царя. Насколько эта установка оказалась иллюзорной, вскоре продемонстрируют события Февральской революции 1917 г. Вся монументальная пропаганда Романовых последних десятилетий правления оказалась неэффективной.

Что же касается попыток яркой презентации своих губерний, то они оказались успешными там, где у властей были тесные контакты с местными краеведами и где губернаторы обратились к интеллигенции для подготовки материалов. Например, описание памятников истории Нижегородской губернии, было подготовлено Нижегородской ученой архивной комиссией (НУАК)¹².

Вторая сфера, где, судя по описаниям памятников, активно моделировалась визуализация, – это имперские окраины. Здесь создание визуального исторического ландшафта отвечало задачам имперского строительства. В первую очередь маркировались памятники, символизировавшие русское присутствие в регионе: сооружения в честь последних Романовых, памятники офицерам и солдатам, погибшим при присоединении этих земель, мемориалы, связанные с политиками («землянка Ермолова» и т. д.). Интересно, что в целом ряде пунктов имперских окраин были установлены памятники в честь 900-летия Крещения Руси, хотя в 988 г. эти территории не имели к Киевской Руси никакого отношения (например, в Семипалатинской области)¹³.

Во вторую очередь надо было решить, что делать с местными, национальными памятниками имперских окраин. У них было свое прошлое, воплощенное в символических объектах. По отношению к ним была разная политика. Где-то они просто замалчивались, не замечались – например, в описании Самаркандской области отсутствует крепость Бухары, обсерватория Улугбека и т. д.¹⁴ В случае когда памятники древности не замалчивались, они изображались как нечто чуждое, непонятное, по всей вероятности – варварское (ср. описание в Баку объектов, связанных с огнепоклонниками).

Однако так можно было писать об азиатских и кавказских владениях империи, но эта модель не работала в отношении Западных окраин и Прибалтики. Замки рыцарей и польские костелы нельзя было объявить непонятными и варварскими, и не учитывать их также было бы слишком нарочито. Поэтому здесь применялся другой подход: описывались памятники средневековой истории (замки, крепости, древние церкви и т. д.), преимущественно связан-

¹⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 188, 1902 г. Д. 63.

¹¹ Там же. Д. 98.

¹² Там же. Д. 109.

¹³ Там же. Д. 93.

¹⁴ Там же. Д. 236.

ные с эпохой Немецкого ордена (память о нем считалась неопасной для русской истории). Затем следовала лакуна, в которой оказывались объекты XVI–XVIII вв., эпохи основных конфликтов между Россией, Ливонией, Речью Посполитой (вплоть до разделов Польши и наполеоновских войн). А вот затем на страницах описи опять начинают фигурировать памятники истории уже XIX в., связанные большей частью с российским владычеством (памятники императорам и т. д.). История Ноябрьского (1830–1831) и Январского (1863) польских восстаний воплощалась в памятниках российским воинам, погибшим при подавлении мятежа¹⁵. Тем самым за этими землями признавалось право на древнюю и средневековую историю, визуализированную в замках и других символах средневековья, и на историю в составе Российской империи. Однако в памятники истории старались не вносить объекты, которые напоминали бы о недавнем суверенном прошлом Польши, Литвы, Лифляндии и Курляндии (анализ стратегий отбора и описания памятников истории по губерниям Российской империи по переписи 1901–1903 гг. с перечнями памятников см.: [Мобилизованное Средневековье, 2022, с. 213–230]).

Перепись памятников истории 1901–1903 гг. отразила новые тенденции в исторической политике Российской империи. Первоначальным мотивом обращения к выявлению памятников истории в 1826 г. было стремление к реконструкции величественного прошлого России через фиксацию сохранившихся с древности материальных объектов. Им присваивалось мемориальное значение, они становились визуальными символами русской истории. Но в основе в любом случае лежало выявление, каталогизация действительных средневековых построек и памятных мест. Перепись 1901–1903 гг. демонстрирует нам другой подход: произошло расширение понятия «памятники истории» на объекты XIX–XX вв., помимо учета древних памятников и подготовки в 1911–1912 гг. законодательства по их охране (анализ разработки законодательства и работы Комиссии см.: [Работкевич, 1999, с. 150–181])¹⁶, причем с участием исторических обществ и других общественных организаций [Pravilova, 2014]. Закон не успели принять из-за начавшейся в 1914 г. Первой мировой войны. Происходило оформление современного правления династии Романовых как значимого исторического события [Леонтьева, 2016]. Апофеозом здесь скоро станет празднование 300-летия династии в 1913 г. Перед нами понимание исторических памятников как инструмента пропаганды, посредством которой можно смоделировать воображаемый исторический ландшафт, задать определенные идеологические смыслы. Правда, необходимо констатировать провал этой пропаганды: как известно, историческая политика последних Романовых не спасла их от трагических событий 1917–1918 гг. А на постаментах сброшенных памятников царям новая власть ставила монументы новым вождям и героям Гражданской войны.

В заключение необходимо обратить внимание, что СССР во многом унаследовал и начиная с 1960-х гг. реанимировал подход Российской империи к использованию памятников истории как способу визуализации исторической политики. Тема учета и охраны памятников истории и культуры в СССР очень обширна и требует отдельного исследования, поэтому ограничимся некоторыми общими наблюдениями, важными для сравнения с аналогичными процессами в дореволюционной России. В СССР составлялся «Свод памятников истории и культуры» по областям и республикам. В нем мы видим узнаваемые черты: избирательность в отборе памятников, выход на первый план идеологических символов режима. Основную массу учтенных памятников составляли братские могилы героев Гражданской войны и Великой Отечественной войны, памятники героям первых пятилеток и социалистического строительства, могилы и места жительства Героев Советского Союза, Героев Социалистического Труда и кавалеров Ордена Славы трех степеней, места, связанные с руководителями партии и правительства, и т. д. Как и в случае с описанием 1901–1902 гг., без проблем учитывались средневековые памятники (древность была безопасной), но включение в Свод памятников XIX – начала XX в., таких, как церкви, помещичьи усадьбы и т. д. требовало дока-

¹⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 188, 1902 г. Д. 74, 102, 107, 110, 111, 102, 395, 396; Оп. 186. Д. 3.

¹⁶ Там же. Ф. 747. Оп. 1. Д. 148. Л. 1–110.

зательства их исторической или архитектурной ценности. Правда, в Свод попадали многие местные объекты, связанные с социальной историей: административные здания, земские школы, дореволюционные здания заводов и т. д. В этом плане круг учитываемых объектов был расширен по сравнению с описанием 1901–1903 гг.

Еще одно сходство исторической политики императорской России и СССР, визуализированной в описании / Своде памятников истории, было в проявившейся неэффективности этого инструмента в идеологической сфере. Роль монументов Советской власти оказалась, как и памятников Романовым в императорской России, очень краткосрочной и не работающей на длительную мемориальную и пропагандистскую перспективу. Судьба памятников Ленину и другим партийным деятелям оказалась аналогичной судьбе памятникам последним Романовым.

Список литературы

- Белинский В. Г.** Сочинения Державина // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 6. С. 582–658.
- Глаголев А. Г.** Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников, составляемое при Министерстве внутренних дел А. Глаголевым. СПб.: Тип. МВД, 1838. Ч. 1. Тетр. 1: О русских крепостях. 52 с.
- Кирьянов И. А.** Классификация, принципы отбора и выявления памятников трудовой славы советского народа // Памятники трудовой славы советского народа. Горький, 1979. С. 5–7.
- Кулемзин А. М.** Охрана памятников в России. Томск: Изд. МУ «Томск исторический», 1999. 159 с.
- Леонтьева О. Б.** Как реформа стала Великой: отмена крепостного права как «место памяти» в исторической культуре императорской России // Диалог со временем. 2016. Вып. 56. С. 229–245.
- Михайловский Е. В.** Реставрация памятников архитектуры // Восстановление памятников культуры: проблемы реставрации. М., 1981. С. 20–37.
- Мобилизованное Средневековье: В 2 т. / Под ред. А. И. Филюшкина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. Т. 2: Средневековая история на службе национальной и государственной идеологии в России. 523 с.
- Новиков Н. И.** Общие замечания о путешествиях // Покойщийся трудолюбец. СПб., 1784. Ч. 2. С. 125–134.
- Работкевич А. В.** Государственная политика в области охраны памятников истории и культуры в России в XVIII – начале XX века: Дис. ... канд. культурологии. М., 1999. 295 с.
- Разгон А. М.** Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861–1917) // Труды НИИ музееведения. 1957. Вып. 1: История музейного дела в СССР. С. 73–128.
- Разгон А. М.** Охрана исторических памятников в дореволюционной России (XVIII в. – первая половина XIX в.) // Тр. НИИ культуры. 1971. Вып. 7: Очерки по истории музейного дела в России. С. 292–365.
- Формозов А. А.** Когда и как складывались современные представления о памятниках русской истории // Вопросы истории. 1976. № 10. С. 203–209.
- Формозов А. А.** Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986. 240 с.
- Allen D.** New Directions in the Study of Nation-Building: Views through the Lens of Path Dependence // International Studies Review. 2010. Vol. 12, no. 3. P. 413–429.
- Dianina K.** The Return of History: Museum, Heritage, and National Identity in Imperial Russia // Journal of Eurasian Studies. 2010. Vol. 1, no. 2. P. 111–118.
- Eidson J.** Which Past for Whom? Local Memory in a German Community during the Era of Nation Building // Ethos. 2000. Vol. 28, no. 4. P. 575–607.
- Feindt G., Krawatzek F., Mehler D.** Entangled Memory: Toward a Third Wave in Memory Studies // History and Theory. 2014. Vol. 53, no. 1. P. 24–44.

- Gervits M.** Historicism, Nationalism and Museum Architecture in Russia from the 19th to the Turn of the 20th Century // *Visual Resources*. 2011. Vol. 27, no. 1. P. 32–47.
- Harvey D.** Heritage Pasts and Heritage Presents: Temporality, Meaning and the Scope of Heritage Studies // *International Journal of Heritage Studies*. 2001. Vol. 7, no. 4. P. 319–338.
- Kuzio T.** History, Memory and Nation Building in the Post-Soviet Colonial Space // *Nationalities Papers*. 2002. Vol. 30, iss. 2. P. 241–264.
- Memories of Post-imperial Nations: The Aftermath of Decolonization, 1945–2013 / Ed. by D. Rothermund. Heidelberg: Universität Heidelberg, 2015. 212 p.
- Memory: Histories, Theories, Debates / Ed. by S. Radstone, B. Schwarz. New York: New York Fordham Univ. Press, 2011. 561 p.
- Metzger F.** Devotion and Memory – Discourses and Practices // *Kirchliche Zeitgeschichte*. 2018. Bd. 31. H. 2. S. 329–347.
- Pravilova E.** A Public Empire: Property and the Quest for the Common Good in Imperial Russia. Princeton: Princeton Uni. Press, 2014. 435 p.
- Van Sledright B.** Narratives of Nation-State, Historical Knowledge, and School History Education // *Review of Research in Education*. 2008. Vol. 32. P. 109–146.
- Wawrzyniak J., Pakier M.** Memory Studies in Eastern Europe: Key Issues and Future Perspectives // *Polish Sociological Review*. 2013. No. 183. P. 257–279.

Список источников

- Охрана памятников истории и культуры в России: XVIII – начало XX в.: Сб. док. / Отв. ред. Л. Г. Бескровный. М.: Б. и., 1978. 356 с.
- ПСЗ-2 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. II Отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1830. Т. 1. 1523 с.; 1846. Т. 17. Отд. 2. 639 с.; 1852. Т. 23. Отд. 1. 665 с.

References

- Allen D.** New Directions in the Study of Nation-Building: Views through the Lens of Path Dependence. *International Studies Review*, 2010, vol. 12, no. 3, p. 413–429.
- Belinsky V. G.** Sochineniya Derzhavina [Derzhavin's Writings]. In: Belinsky V. G. Polnoe sobranie sochinenii [The Complete Works]. In 13 vols. Moscow, 1955, vol. 6, pp. 582–658. (in Russ.)
- Dianina K.** The Return of History: Museum, Heritage, and National Identity in Imperial Russia. *Journal of Eurasian Studies*, 2010, vol. 1, no. 2, p. 111–118.
- Eidson J.** Which Past for Whom? Local Memory in a German Community during the Era of Nation Building. *Ethos*, 2000, vol. 28, no. 4, p. 575–607.
- Feindt G., Krawatzek F., Mehler D.** Entangled Memory: Toward a Third Wave in Memory Studies. *History and Theory*, 2014, vol. 53, no. 1, p. 24–44.
- Filyushkin A.** (ed.) Mobilizovannoe Srednevekov'e: v 2 t. T. II: Srednevekovaya istoriya na sluzhbe natsional'noi i gosudarstvennoi ideologii v Rossii [Mobilized Middle Ages: in 2 vols. Vol. II: Medieval History in the Service of National and State Ideology in Russia]. St. Petersburg, St. Petersburg State University, 2022, 523 p. (in Russ.)
- Formozov A. A.** Kogda i kak skladyvalis' sovremennye predstavleniya o pamyatnikakh russkoi istorii [When and How Did Modern Ideas about the Monuments of Russian History Take Shape?]. *Voprosy istorii [Questions of History]*, 1976, no. 10, p. 203–209. (in Russ.)
- Formozov A. A.** Stranitsy istorii russkoi arkheologii [Pages of the History of Russian Archaeology]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 240 p. (in Russ.)
- Gervits M.** Historicism, Nationalism and Museum Architecture in Russia from the 19th to the Turn of the 20th Century. *Visual Resources*, 2011, vol. 27, no. 1, p. 32–47.

- Glagolev A. G.** *Kratkoe obozrenie drevnikh russkikh zdaniy i drugikh otechestvennykh pamyatnikov, sostavlyaemoe pri Ministerstve vnutrennikh del A. Glagolevym* [A Brief Overview of Ancient Russian Buildings and Other Domestic Monuments, Compiled by A. Glagolev at the Ministry of Internal Affairs]. St. Petersburg, Tipografiya MVD, 1838, pt. 1, copybook 1: O russkikh krepostyakh [About Russian Fortresses], 52 p. (in Russ.)
- Harvey D.** Heritage Pasts and Heritage Presents: Temporality, Meaning and the Scope of Heritage Studies. *International Journal of Heritage Studies*, 2001, vol. 7, no. 4, p. 319–338.
- Kiryanov I. A.** Klassifikatsiya, printsipy otbora i vyyavleniya pamyatnikov trudovoi slavy sovetskogo naroda [Classification, Principles of Selection and Identification of Monuments of Labor Glory of the Soviet People]. In: *Pamyatniki trudovoi slavy sovetskogo naroda* [Monuments of Labor Glory of the Soviet People]. Gorky, 1979, p. 5–7. (in Russ.)
- Kulemzin A. M.** Okhrana pamyatnikov v Rossii [Monuments Protection in Russia]. Tomsk, Izdanie MU “Tomsk istoricheskii”, 1999, 159 p. (in Russ.)
- Kuzio T.** History, Memory and Nation Building in the Post-Soviet Colonial Space. *Nationalities Papers*, 2002, vol. 30, no. 2, p. 241–264.
- Leontyeva O. B.** Kak reforma stala Velikoi: otmena krepostnogo prava kak “mesto pamyati” v istoricheskoi kul’ture imperatorskoi Rossii [How the Reform Became Great: The Abolition of Serfdom as a “Place of Memory” in the Historical Culture of Imperial Russia]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 2016, vol. 56, p. 229–245. (in Russ.)
- Metzger F.** Devotion and Memory – Discourses and Practices. *Kirchliche Zeitgeschichte*, 2018, bd. 31, h. 2, p. 329–347.
- Mikhailovsky E. V.** Restavratsiya pamyatnikov arkhitektury [Restoration of Architectural Monuments]. In: *Vosstanovlenie pamyatnikov kul’tury: problemy restavratsii* [Restoration of Cultural Monuments: Problems of Restoration]. Moscow, 1981, p. 20–37. (in Russ.)
- Novikov N. I.** Obshchie zamechaniya o puteshestviyakh [General Remarks about Travels]. In: *Pokoyashchiisya trudolyubets* [Resting Hard Worker]. St. Petersburg, 1784, pt. 2, pp. 125–134. (in Russ.)
- Pravilova E.** *A Public Empire: Property and the Quest for the Common Good in Imperial Russia*. Princeton, Princeton University Press, 2014, 435 p.
- Rabotkevich A. V.** Gosudarstvennaya politika v oblasti okhrany pamyatnikov istorii i kul’tury v Rossii v XVIII – nachale XX veka [Government Policy on Protection of Historical and Cultural Monuments in Russia in the 18th – Early 20th Century]. Thesis. Cand. Cult. Moscow, 1999, 295 p. (in Russ.)
- Radstone S., Schwarz B.** (eds.). *Memory: Histories, Theories, Debates*. New York, New York Fordham Univ. Press, 2011, 561 p.
- Razgon A. M.** Okhrana istoricheskikh pamyatnikov v dorevolyutsionnoi Rossii (1861–1917) [Protection of Historical Monuments in Pre-Revolutionary Russia (1861–1917)]. In: *Trudy NII muzevedeniya* [Proceedings of the Institute of Museology], 1957, vol. 1. *Istoriya muzeinogo dela v SSSR* [History of Museology in USSR], p. 73–128. (in Russ.)
- Razgon A. M.** Okhrana istoricheskikh pamyatnikov v dorevolyutsionnoi Rossii (XVIII v. – pervaya polovina XIX v.) [Protection of Historical Monuments in Pre-Revolutionary Russia (18th Century – 1st Half of the 20th Century)]. *Trudy NII Kul’tury* [Proceedings of the Institute of Culture], 1971, vol. 7. *Ocherki po istorii muzeinogo dela v Rossii* [Essays on the History of Museology in Russia], p. 292–365. (in Russ.)
- Rothermund D.** (ed.). *Memories of Post-Imperial Nations: The Aftermath of Decolonization, 1945–2013*. Heidelberg, Universität Heidelberg, 2015, 212 p.
- Van Sledright B.** Narratives of Nation-State, Historical Knowledge, and School History Education. *Review of Research in Education*, 2008, vol. 32, p. 109–146.
- Wawrzyniak J., Pakier M.** Memory Studies in Eastern Europe: Key Issues and Future Perspectives. *Polish Sociological Review*, 2013, no. 183, p. 257–279.

List of Sources

- Beskrovny L. G.** (ed.). Okhrana pamyatnikov istorii i kul'tury v Rossii: XVIII – nachalo XX v. [Protection of Historical and Cultural Monuments in Russia: 18th – Early 20th Centuries]. Collection of Documents. Moscow, 1978, 356 p. (in Russ.)
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya sobstvennoi ego imperatorskogo velichestva kantselyarii, 1830, vol. 1, 1523 p.; 1846, vol. 17, pt. 2, 639 p.; 1852, vol. 23, pt. 1, 665 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Александр Ильич Филюшкин, доктор исторических наук, доцент
Scopus Author ID 55336577600
WoS Researcher ID F-9139-2013

Information about the Author

Alexander I. Filyushkin, Doctor of Sciences (History), Associate Professor
Scopus Author ID 55336577600
WoS Researcher ID F-9139-2013

*Статья поступила в редакцию 05.07.2022;
одобрена после рецензирования 19.09.2022; принята к публикации 05.12.2022
The article was submitted on 05.07.2022;
approved after reviewing on 19.09.2022; accepted for publication on 05.12.2022*

Научная статья

УДК 94(47).081+929

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-81-91

Кавказ второй половины XIX века глазами русского купца: из путевых заметок Михаила Константиновича Сидорова

Евгения Владиславовна Комлева

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

Российская национальная библиотека
Санкт-Петербург, Россия

feodal@history.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6975-3516>

Аннотация

Статья посвящена характеристике путевых заметок купца, золотопромышленника Михаила Константиновича Сидорова, сделанных им во время путешествия по Северному Кавказу и Закавказью в августе – сентябре 1878 г. Цель поездки заключалась в оценке потенциала месторождений залегающих в регионе полезных ископаемых, знакомстве с местной добывающей и обрабатывающей промышленностью. Помимо информации об экономическом потенциале региона, в записях нашли отражение впечатления автора от посещения таких городов, как Батум, Сухум, Грозный, Гори, ряда селений, осмотра природных и исторических достопримечательностей, общения с местными жителями разной этнической принадлежности. Сохранившийся источник свидетельствует об интересе формирующейся русской буржуазии к изучению и хозяйственному освоению Кавказа, мировоззрению, кругозору, методах работы одного из выдающихся представителей русского купечества.

Ключевые слова

русское купечество, мемуаристика, путевые заметки, Михаил Константинович Сидоров, Кавказ, полезные ископаемые, промышленность, население

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке РНФ в рамках проекта «Возникновение и развитие автобиографической традиции в русской письменной культуре конца XVI – начала XX в. в контексте изучения изменений в сознании человека эпохи Нового времени», проект № 22-78-10135, <https://rscf.ru/project/22-78-10135/>

Для цитирования

Комлева Е. В. Кавказ второй половины XIX века глазами русского купца: из путевых заметок Михаила Константиновича Сидорова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 8: История. С. 81–91. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-81-91

The Caucasus of the Second Half of the 19th Century through the Eyes of a Russian Merchant: From the Travel Notes of Mikhail Konstantinovich Sidorov

Evgeniya V. Komleva

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

Russian National Library
St. Petersburg, Russian Federation

feodal@history.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6975-3516>

Abstract

The article studies a historical source that previously was not in the focus of research - travel notes of the outstanding Russian merchant of the 19th century, gold miner, and discoverer of the Northern Sea Route Mikhail Konstantinovich Sidorov, which he wrote during a trip to the North Caucasus and Transcaucasia in August – September 1878. It aims to analyze the notes, characterize their content, and reveal the information potential for further study of the processes that took place among the forming Russian bourgeoisie in the post-reform period and testifying to the interest of Russian capital in the study and economic development of the outskirts of the empire. The research relies on the intellectual history approach, which involves the study of the mentality, the emergence and subsequent transformation of various ideas and cultural orientations inherent in a particular social stratum, in this case, the Russian merchant class. The travelogue provides valuable information characterizing the methods of work of its author, who already had extensive experience in the exploration and development of ore and oil fields in Siberia and the lower reaches of the Pechora, in collecting and recording primary information about minerals located in the region, local mining and manufacturing enterprises, his range of interests and, to some extent, ideological attitudes (in particular, adherence to the ideals of the Russian Orthodox Church). The surviving notes are, first of all, a brief fixation of what was seen, necessary for subsequent comprehension and generalization in the form of articles and reports, as well as formulations of practical recommendations on the prospects for further economic development of the territories that recently became part of the Russian Empire. In addition to information about the economic capacities of the region, M. K. Sidorov's notes reflect the author's impressions of visiting several local towns and villages, exploring natural and historical attractions, communicating with residents of different ethnicities. As a whole, the source under consideration expands the anthology of diaries and memoirs known to date that have arisen among the Russian peasantry, contains information about the economic and socio-cultural state of the Caucasus in the second half of the 19th century, emphasizes the interest and active participation of Russian business circles in the study and economic development of the region.

Keywords

Russian merchants, memoirs, travelogue, Mikhail Konstantinovich Sidorov, the Caucasus, minerals, industry, population.

Acknowledgements

The research was supported by the RSF within the framework of scientific research “The emergence and development of the autobiographical tradition in the Russian written culture of the late 16th – early 20th century in the context of studying changes in the consciousness of a person of the New Age”, project no. 22-78-10135, <https://rscf.ru/project/22-78-10135/>

For citation

Komleva E. V. The Caucasus of the Second Half of the 19th Century through the Eyes of a Russian Merchant: From the Travel Notes of Mikhail Konstantinovich Sidorov. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 8: History, pp. 81–91. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-81-91

Бурное развитие промышленности в России во второй половине XIX в. потребовало поиска новых сырьевых ресурсов, рынков сбыта, дешевой рабочей силы, стимулировало создание транспортных коммуникаций. Многие предприниматели из разных слоев общества обратили внимание на сравнительно недавно вошедшие в состав империи территории, еще плохо изученные и освоенные в экономическом отношении. Одним из них был Кавказ, отличавшийся полиэтничным составом населения и политической нестабильностью. Окончание Кавказской войны способствовало проникновению сюда как российского, так и европейского капитала. В регионе к тому времени были обнаружены залежи каменного угля, серы, медной и железной руд, соляные источники, нефтеносные месторождения. Академик Г. В. Абих, пионер геологического изучения Кавказа, в 1840–1850-х гг. исследовавший Дагестан, Кавказские

Минеральные Воды, Грузию, прочил этим территориям большое будущее: «...страна эта заключает в себе гораздо более естественных средств, нежели сколько общее мнение, при неимении достаточных розысканий, предполагает в нем обыкновенно» [Абих, 1862, с. 105]. Об экономике Кавказа в пореформенный период писали В. Масальский [1900], А. В. Фадеев [1959], Т. Х. Кумыков [1962], Н. П. Гриценко [1963], Л. В. Куприянова [1981], Г. Д. Шкарлупина [1999], Ю. Ю. Гранкин [2001], М. Ч. Чшиева [2008], В. Л. Степанов [2019] и многие другие авторы, отмечая, в том числе, возрастающий интерес к нему зарубежного и отечественного бизнеса. В Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук отложился интересный источник, позволяющий понять, что именно находилось в центре внимания деловых кругов, взглянуть на реалии Северного Кавказа и Закавказья глазами русского купца. Это путевые заметки одного из ярчайших представителей российского купечества – уроженца Архангельска, красноярского, затем петербургского купца, золотопромышленника, исследователя Севера Михаила Константиновича Сидорова (1823–1887).

М. К. Сидоров известен целым рядом крупных проектов по развитию северных областей: это и Печорская компания, и поиск Северного морского пути, и проведение каналов между сибирскими реками. Человек эрудированный, постоянно обращающийся к новейшей технической литературе, обладавший широкими связями, включая высокопоставленных чиновников, М. К. Сидоров многое посмотрел и на практике. Он неоднократно бывал за границей с целью знакомства с передовыми достижениями в паростроении, добывающей и обрабатывающей промышленности. Во время этих поездок он имел обыкновение вести путевые заметки, которые впоследствии служили ему и в реализации практических замыслов, и для подготовки многочисленных докладов, статей и книг (полный перечень устных выступлений, записок и публикаций М. К. Сидорова приведен в книгах А. А. Жилинского [1918, с. 132–150] и В. Н. Королева [1987, с. 89–109]). На сегодняшний день выявлены дневники, которые он вел во время путешествий по Швеции и Кавказу, нередко сопровождая записи зарисовками природных явлений, различных технических сооружений и приспособлений¹. К анализу этих текстов до сих пор никто не обращался, между тем они расширяют корпус выявленных в настоящее время мемуарных источников, возникших в купеческой среде, подчеркивают присущее купцам стремление сочетать осмотр достопримечательностей с изучением экономики и технических достижений посещаемой местности (см., например: [Ушакова, 2006, с. 93]). Кроме того, заметки, сделанные во время поездки по Кавказу, представляют несомненный интерес для современного читателя, учитывая неослабевающее в последние десятилетия внимание к общественно-политической ситуации в регионе и к изучению его исторических связей с Россией.

На Кавказ М. К. Сидоров отправился в конце 1870-х гг. как доверенное лицо одной из высокопоставленных особ, поручившей ему осмотреть местность в системе р. Самур и р. Алазань на предмет обнаружения полезных ископаемых (прежде всего, конечно, золота), и «если окажутся благонадежные знаки», тогда подавать «объявление об отправке партий» для дальнейшей детальной разведки². Выехав из Москвы, Михаил Константинович посетил Севастополь, Ростов, Астрахань, добрался до Владикавказа, откуда 21 августа отправился в Грозный, Хасав-Юрт, Чир-Юрт, Темир-Хан-Шуру, Петровск, Сигнах; 29 августа он уже в Батуме, 4 сентября – в Сухуме, и далее по следующему маршруту: Ольгинское, Георгиевское, Цабал, Лата, снова Сухум, через Гори в Тифлис, Кедабек, Баку. У впервые оказавшегося на Кавказе человека, привыкшего совсем к другому окружению, вызывали большой интерес местные реалии. Вместе со своими спутниками он осматривал встречавшиеся на пути развалины древних селений и крепостей, слушал рассказы местных жителей о прошлом, присматривался к особенностям их бытового уклада и культурных традиций. Поражала своим богатством и южная растительность, так непохожая на привычную скудную флору Русского Севера

¹ СПбФ АРАН. Ф. 270. Оп. 3. Д. 13, 14.

² Там же. Л. 4 об.

и Сибири. Все это нашло отражение в оставленных М. К. Сидоровым заметках, основное внимание в которых, исходя из цели поездки, уделялось фиксации сведений о минеральном сырье и промышленности региона.

К сожалению, до наших дней дошли лишь фрагментарные записи – частично написанные на небольших обрывках бумаги мелким, трудно разборчивым почерком, иногда карандашом, – которых, вероятно, изначально могло быть и больше. Листы в деле перепутаны по хронологии, текст местами утрачен, размыт, словно от попадания воды. Несмотря на то что в рукописи указаны только числа и месяцы, из сообщаемых деталей понятно, что речь идет об августе – сентябре 1878 г., когда прошло совсем немного времени после окончания Русско-турецкой войны и Кавказ был заполнен передвижавшимися русскими войсками. Сохранившиеся заметки раскрывают манеру работы автора: сначала он кратко фиксировал происшедшее за день или несколько дней, а впоследствии аккуратно переписывал эти сведения на листы большего формата, снабжая дополнительными комментариями и «разворачивая» исходные скупые пометки до объемного повествования. По результатам наблюдений, сделанных в ходе поездки, в 1879 г. на одном из заседаний Общества для содействия русской промышленности и торговле был представлен устный доклад «О путешествиях М. К. Сидорова по Кавказу и о его богатствах» [Жилинский, 1918, с. 139; Королев, 1987, с. 98]. Текст этого выступления обнаружить не удалось, но естественно предположить, что в него не вошли многие мелкие подробности путешествия, непосредственно отражающие первые впечатления от увиденного. На что обращал внимание известный предприниматель, авторитетный купец с большим практическим опытом, что видел, слышал, какие трудности испытывал в дороге, с кем встречался и о чем разговаривал – все это и станет предметом рассмотрения в данной статье. Надо сказать, что «кавказская» страница жизни М. К. Сидорова не нашла освещения в литературе, между тем и само путешествие, и сделанные в ходе него дневниковые записи, отражающие мировоззрение и приемы работы автора, имеют во многом уникальный характер и, вне всякого сомнения, представляют большой интерес для изучения вклада российского купечества в хозяйственное освоение Северного Кавказа и Закавказья, отражают многие детали социально-экономического развития и повседневной жизни населения региона во второй половине XIX в. Сохранившийся источник – не этнографические зарисовки или серьезное исследование местного хозяйства, не мнение профессионального ученого или военного, благодаря которым в середине XIX в. кавказоведение вышло на новый уровень [Дарендорф, 2017], – это в первую очередь взгляд купца с присущим ему практическим подходом к делу. Именно это обстоятельство и придает ценность рассматриваемой рукописи.

Одно из первых, что обращает на себя внимание при знакомстве с заметками Михаила Константиновича, – описание дорог и дорожных условий – чрезвычайно важный для развития экономики Кавказа вопрос, начавший активно решаться с начала 1860-х гг. по инициативе как центральных властей, так и местных сельских общин [Григорян, 2022, с. 92]. Фиксация обстоятельств, связанных с транспортной сетью, была важной и с точки зрения удобства передвижения частного путешественника, и для возможного последующего выстраивания логистической цепи в хозяйственных нуждах, поскольку, несмотря на интенсивное строительство железных дорог, гужевого транспорт не спешил сдавать свои позиции. Некоторые заметки состоят исключительно из перечисления населенных пунктов и указания расстояния между ними: «...от Сухума до Ольгинска 25, из Ольгинской до Георгиева 14 и из Георгиево до Латы 16 верст. Всего 55 верст»³. Столкнулся М. К. Сидоров и с пароходным сообщением, которое только начинало развиваться. Пароходов было еще немного, и рейса из Батума в Сухум пришлось ждать три дня⁴.

³ СПбФ АРАН. Ф. 270. Оп. 3. Д. 13. Л. 1 об.

⁴ Там же. Л. 1.

Естественно, что перевозчиков и проводников предпочитали нанимать из тех, кто мог изъясняться на русском языке, и трудностей с поиском нужных людей не возникало – М. К. Сидоров отметил, что в извозном промысле были заняты по преимуществу приезжие из разных регионов России: так, в получившем статус города в 1869 г. Грозном, который Михаил Константинович, очевидно, вслед за местными жителями, продолжал именовать крепостью Грозной, «ямщики везде говорили по-рус[с]ки: то казанские татары, то рязанцы, тамбовцы, нижегороды, саратовцы, новочеркасцы и другие»⁵, на самой станции «должность исправлял перс. Очень хорошо говорит по-рус[с]ки»⁶. Последний фрагмент свидетельствует об успешных адаптационных практиках персидских мигрантов на Кавказе, вынужденных менять подданство из-за тяжелой экономической ситуации в Иране, власти которого поощряли переезд соотечественников на заработки для снижения социальной напряженности внутри страны [Канукова и др., 2022].

Дорога проходила по пересеченной местности, приходилось преодолевать и горы, и речные потоки: «Проезжая Георгиев, поднимались на высокую гору [...] перевалив ее, спустились в р. Кодор»⁷. Передвижение осложнялось и непривычными для жителя Севера погодными условиями: то сильнейшей жарой («...Руки в часа три покраснели, спалило. Если бы тракт не утерлся сильными ветрами, то было бы ехать невозможно уже от зноя. Пыль можно смыть, а зной – плохо. Удушливо...»⁸), то влажностью и проливными дождями («...Разлитие рек с горы волнами, едва можно спастись»⁹). Поджидали и опасности иного рода: грабежи и разбойные нападения. По этому поводу в одной из заметок М. К. Сидоров писал: «...от Грозной ехать опасно – грабят. Нападали на курьера, почту, проезжих и проч. Везде бекеты (сторожевые посты. – Е. К.) из казаков [...] Кизляр, говорят, в течение месяца на почту нападали четыре раза, хотя она имеет 8 чел. вооруженных команды [...] Выезжая из Хасав-Юрт со станции в 2 часа дня [...] мы увидели лежащего человека, всего в крови. Подойдя к нему, нашли спину, проткнутую кинжалом глубокой раной. В это время подъехал конвойный чеченец. Умиравший сказал, что его убили товарищи. Затем конвойный поскакал на бекеты дать об этом знать, чтоб задержали проезжих, и к становому. Из рассказов ямщика узнали, что тут зачастую делаются нападки»¹⁰.

М. К. Сидоров также указывал, где можно перекусить и в каких условиях провести ночь: в Батуме «остановились в гостинице Лондон (подчеркнуто в рукописи. – Е. К.), сод[ержавшейся] евреем. Грязная комната [за] 3 руб. в сутки»¹¹, в Сухуме – «в гостинице у Федора Ст[епановича] Иноземцова. Хорошая гостиница»¹². Наиболее подробно освещено прибытие в Гори – скорее всего, именно это древнее грузинское поселение на берегу Куры между хребтами Большого и Малого Кавказа, имевшее статус города с 1801 г., стоит за названием «Дзегор» у М. К. Сидорова: «16 сент[ября]. Прибыли в 2 часа на станцию Дзегор, в степи, между Бол[ьшим] и Мал[ым] Кавказом, плоховат[ая] ком[ната], мальчик, самовар, ветра, слоем грязь, внутри вода грязная, копоть, чай не имеет вкуса или скорее метал[л]. Нашего экипажа нет, хотя должен был прибыть за сутки [...] Лягушка под полом квакала»¹³.

Исходя из цели поездки и собственных интересов, куда бы ни приезжал Михаил Константинович, он непременно осматривал находившиеся поблизости залежи минерального сырья, знакомился с постановкой дела на наиболее крупных промышленных предприятиях, которых было немного, большинство же остальных представляло собой небольшие заведения кустарного или полукустарного типа, постепенно трансформировавшихся в заводское производство

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 270. Оп. 3. Д. 13. Л. 14.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 1 об.

⁸ Там же. Л. 15.

⁹ Там же. Л. 10 об.

¹⁰ Там же. Л. 14.

¹¹ Там же. Л. 1.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 13 – 13 об.

[Масальский, 1900, с. 92; Григорян, 2022, с. 91]. Под Грозным М. К. Сидоров посетил кирпичные заводы с рабочими из персов, «которые считаются трудолюбивыми»¹⁴, в районе Кедабека – Дашкесанский кобальтовый рудник («14 сент[ября] в 3 часа утра уехали на кобал[ьтовый] завод, осмотрели шахту [...] (кобальт для голуб[ых] красок от 25–30 до 45 руб. пуд)», «...он свинцового цвета. Добывают до 1 500 пуд. Единственный в Европ[ейском] конт[иненте]»), квасцовый завод («...руды квасцовой добывают 12 000 пуд. кв. аренда 8 р[уб.], продажа [...] по 2 руб. Руду дробят, обжигают в печах 6 раз в день, кладки обож[ж]ен[н]ые в лари, полива[ю]тся водой, квасятся, разрыхляются. Потом варятся в чанах и выливаются, и выста[ива]ются...»), медеплавильный завод братьев Сименс («2 000 рабочих [...] держат каторжан») ¹⁵.

Из этих записей, в частности, видно, что М. К. Сидоров старался вникнуть в техническую составляющую неизвестных ему прежде производств. Особое внимание обращал он на финансовую сторону дела, отмечая не только стоимость продукции, но и затраты на ее изготовление, включая оплату труда высококвалифицированных специалистов. В частности, он зафиксировал, что управляющий одного из осмотренных предприятий «армянин Николай Давыдович получает 500 руб. в год»¹⁶. К наблюдениям о занятых в обрабатывающей промышленности рабочих можно добавить приведенные в другом месте дневника сведения, что северокавказский рынок свободной рабочей силы формировался по преимуществу из множества пришедших людей, в том числе из бывших русских солдат, нанимавшихся «в поденщики для постройки телеграфов и других работ от 50 до 70 копеек и даже до 1 рубля в сутки на их содержании»¹⁷. На Северном Кавказе удельный вес этих иногородних мигрантов, кормившихся за счет работы по найму, в составе всего населения достигал в то время «в зависимости от местности [...] от 10 до 30 процентов» [Судаев, 2016, с. 42].

В записках М. К. Сидорова подчеркнута национальная многообразие населения Кавказа: он упоминает чеченцев, абхазов, грузин, армян, осетин, черкесов, дагестанцев, лезгин, греков, персов, осевших в регионе русских солдат и их потомков, приехавших на заработки татар и жителей регионов европейской части России. Некоторых он видел лишь издали, с другими общался более тесно, останавливаясь на ночлег в разных селениях или нанимая местных жителей в качестве ямщиков и проводников. В его дневнике встречаются следующие записи: «...проехали мимо Георгиевского греческого селения», в Ольгинском «ночевали у грека Старнушева», в Лате – «у сына русского солдата Александра в абха[з]ской сакле. Он угощал медом и козьим молоком»¹⁸, по дороге на Кедабек – «в деревне у армянина Сваценко»¹⁹, «в деревне Ведины (Ведено. – Е. К.) лезгины в горах живут»²⁰. От местных жителей М. К. Сидоров слышал разные истории: «Рас[с]каз, как готовили имение Великому Князю Михаилу и как его обманули местные начальники и разделили между собой землю»²¹, «о гаймаке [...] красивом дураке»²², «о барсах, нападающих на человека»²³, «о горячих ключах»²⁴. Не остался он равнодушным и к древностям Кавказа: «По дороге видели Цебельдавской крепости (т. е. крепости Цибилиум у села Цабал (Цебельда). – Е. К.) развалины»²⁵.

Фрагменты с указанием начальственных лиц, представлявших царскую администрацию на Кавказе в конце 1870-х гг., косвенно свидетельствуют об эффективности работы местного

¹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 270. Оп. 3. Д. 13. Л. 14.

¹⁵ Там же. Л. 10, 12.

¹⁶ Там же. Л. 12 об.

¹⁷ Там же. Л. 4 об. – 5.

¹⁸ Там же. Л. 1 – 1 об.

¹⁹ Там же. Л. 10.

²⁰ Там же. Л. 9.

²¹ Там же. Л. 1 об.

²² Там же. Л. 2.

²³ Там же. Л. 2 об.

²⁴ Там же. Л. 14.

²⁵ Там же. Л. 1 об.

управленческого аппарата: к кому именно предпочтительнее было обратиться не только в силу занимаемого поста, но и, вероятно, исходя из личностных качеств, способности быстро решать дела, знакомят со стилем работы некоторых администраторов (например, член Сухумской сословно-поземельной комиссии полковник А. Н. Введенский принял М. К. Сидорова на даче²⁶). Деловые контакты у Михаила Константиновича установились с князем Александром Евстафьевичем Эристовым – членом знатного грузинского рода, «которой работает серные копи на Черкате» и у которого следовало просить «местным начальникам рекомендательные письма»²⁷. Кругозор, интересы и круг общения автора дневника подчеркивает его встреча с натуралистом Владимиром Ивановичем Чернявским²⁸, проживавшим в Сухуме с 1870 г. и внесшим большой вклад в развитие местного краеведения.

Еще одна тема, нашедшая отражение в дневниковых записях М. К. Сидорова, – впечатления от увиденных населенных пунктов, ограничивающиеся по преимуществу краткой характеристикой гостиниц и общественных увеселений, перечислением занятий и встреч. Так, в Батуме путешественники «утром были в церкви. Вечером был фейерверг и музыка на площади»²⁹; в Сухуме «были у обедни, в ботаническом саду. Восходили на гору осмотреть Сухум, ходили по берегу моря. Вечером на берегу моря музыка»³⁰, «... в Грозную приехали [...] ночь была светлая, луна в полном блеске [...] осмотрели город, сад общ[ественный], где играла отлично музыка музыкантами Аргунского полка, публики достаточно»³¹. А вот что осталось в памяти от основанной в 1864 г. станицы Саратовской: «Мальчики и ешаки»³². В Сухуме Михаил Константинович стал свидетелем следующей сцены: «9 сент[ября] в 9 часов причалил пароход “Россия” из Одес[с]ы, привезли останки именитого купца сухумского. Его встреча, похороны с хоругвями и музыкою. Плачь родных, крик...»³³.

Характерно, что, где бы ни проезжал М. К. Сидоров, он обязательно старался посетить встречавшиеся православные храмы и принять участие в церковной службе. Остановившись в Ольгинском, «ходили к новой греческой церкви. В окно виден был во весь рост образ Николая Чудотворца. Помолвились ему»³⁴. Там же «в церкви предел Дмитрия Солунского [...] служил священник и мальчик босой прислуживал. Дьякон причащал чужих, равно и другие причащались. К удивлению, местных образов, покровов, равно и образа Николая Чудотв[орца] во весь рост не было»³⁵. Внимание к церковной жизни было обусловлено заложенным в детские годы и сохранившимся в дальнейшем православным мировоззрением. Во многих других сохранившихся текстах М. К. Сидорова подчеркнут религиозный настрой автора, известно также, что он переписывался с духовными лицами, а его мать была игуменьей Шенкурского монастыря в Архангельской губернии [Броднева, 2012, с. 292]. И хотя на это нет никаких прямых указаний, учитывая знакомство Михаила Константиновича с рядом церковных иерархов, можно предположить, что он присматривался к церковному устройству, в том числе, чтобы получить представление о результатах деятельности Общества восстановления православного христианства на Кавказе, направленную на укрепление в регионе позиций России [Гергедава, 2019, с. 209].

Конечно, М. К. Сидоров обращал внимание и на местную флору и фауну. Будучи в Сухуме, он отмечал, что здесь встречаются «пальма и сосна, калина, рябина, яблоко, каштаны, орех грецкий, груши, немного чинар громадных размеров», «кабанов, барсов, коз много,

²⁶ СПбФ АРАН. Ф. 270. Оп. 3. Д. 13. Л. 1.

²⁷ Там же. Л. 4 об.

²⁸ Там же. Л. 2.

²⁹ Там же. Л. 1.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Л. 14.

³² Там же. Л. 9 об.

³³ Там же. Л. 2.

³⁴ Там же. Л. 1.

³⁵ Там же. Л. 1 об.

но не видали воробья»³⁶. У Латы «ходят волки, барсы, серны и медведи»³⁷. По дороге от Сухума до Латы «видели много пещер. Роскошь природы»³⁸. При этом «сырость воздуха» и болотистая местность вокруг Сухума вынудили к отъезду из города раньше намеченного срока «по случаю лихорадки» (не ускользнуло от внимательного путешественника и то, что «табак от этой сырости теряет [...] и уступается дешевле») ³⁹.

По окончании поездки М. К. Сидоров обобщил собранные сведения, проштудировал нужную научную литературу (в частности, работы геолога Г. В. Аби́ха, горного инженера К. В. Гилева, артиллерийского полковника и владельца первого в России частного порохового завода Б. В. Винера) и, как это было ему свойственно, выдвинул ряд практических соображений по развитию добывающей промышленности на Кавказе. Обосновывая свои соображения, он писал: «Природные богатства Кавказа до того велики и разнообразны, что, по всей вероятности, в скором будущем благодаря улучшенным путям сообщения этот край будет источником обогащения многих смелых предпринимателей»⁴⁰. Наиболее перспективным направлением он считал разработку месторождений серы, которая в то время использовалась для изготовления пороха и серной кислоты и поставлялась в Россию из Сицилии в количестве 700 тыс. пудов в год. М. К. Сидоров полагал, что кавказская сера из уже открытых месторождений «в Черкатских или Кхиртских холмах в 65 верстах от Порты Петровска» и которая уже частично разрабатывалась кн. А. Е. Эристовым, могла бы успешно конкурировать с сицилийскими поставками⁴¹. Это мнение разделяли и другие современники М. К. Сидорова, в частности Д. И. Менделеев, который в одной из работ отмечал: «Князь Эристов, в 1880 году, назначал цену 80 копеек за пуд чистой серы в Астрахани, т. е. тогда уже предлагал этот важный продукт химических заводов по ценности гораздо меньшей, чем та, в которую обходится ввозимая к нам сицилианская сера» [Менделеев, 1882, с. 30].

Таким образом, путевые заметки М. К. Сидорова – необычный, никогда прежде не привлекавшийся исследователями источник, интересный и с точки зрения отражения в нем мировоззрения видного представителя пореформенного русского купечества, и как свидетельство о социально-экономическом развитии Северного Кавказа и Закавказья во второй половине XIX в., процессе их инкорпорации в Российскую империю, состоянии инфраструктуры региона, повседневной жизни местного населения. Сохранившиеся тексты подчеркивают внимание отечественных деловых кругов к освоению природных богатств Кавказа, позволяют получить представление о том, как осуществлялись сбор необходимой информации и ее дальнейшая обработка, выливаясь в конкретные практические рекомендации и оценку возможных перспектив.

Список литературы

- Аби́х [Г. В.]** О строении и геологии Дагестана // Горный журнал. 1862. Кн. 4 (апрель). С. 86–136.
- Броднева А. В.** Указатель личных имен и фамилий // Касьянов Василий Дмитриевич, протоиерей. Из дневников 1870–1897 гг.: В 2 кн. / Авт.-сост. А. В. Броднева. Красноярск, 2012. Кн. 2. С. 34–362.
- Гергедава Р. Б.** Роль Общества восстановления православия на Кавказе в процессе просвещения Абхазии во второй половине XIX века // Вестник Тюм. гос. ин-та культуры. 2019. № 1 (11). С. 209–214.

³⁶ СПбФ АРАН. Ф. 270. Оп. 3. Д. 13. Л. 2 – 2 об.

³⁷ Там же. Л. 1 об.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. Л. 2 об.

⁴⁰ Там же. Л. 15.

⁴¹ Там же. Л. 18 об.

- Гранкин Ю. Ю.** Наместничество и реализация стратегии экономического развития Северного Кавказа в 1844–1881 гг. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2001. 403 с.
- Григорян М. Р.** Промышленный потенциал Северного Кавказа во второй половине XIX века // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2022. № 3. С. 88–95.
- Гриценко Н. П.** Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861–1900 гг.). Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1963. 199 с.
- Дарендорф М. В.** Из истории изучения Северного Кавказа в середине XIX века // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения: Сб. материалов LVI Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2017. С. 276–280.
- Жилинский А. А.** Россия на Севере (К описанию жизни и деятельности М. К. Сидорова) / Ком. по увековечению памяти М. К. Сидорова. Архангельск: Тип. Торгово-промышленного тов-ва печатного, переплетного и издательского дела, 1918. 155 с.
- Канукова З. В., Туаева Б. В., Плиева З. Т., Калирад А.** Адаптационные практики персидских мигрантов на Северном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX века) // Вестник Сев.-Осет. гос. ун-та имени К. Л. Хетагурова. 2022. № 4. С. 52–62.
- Королев В. Н.** России беспокойный гражданин. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. 112 с.
- Кумыков Т. Х.** Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX в. (По материалам Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии). Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1962. 200 с.
- Куприянова Л. В.** Города Северного Кавказа во второй половине XIX века: К проблеме развития капитализма вширь. М.: Наука, 1981. 232 с.
- Масальский В.** Кавказ и его промышленность // Кавказский вестник. 1900. Кн. 7. С. 44–103.
- Менделеев Д. И.** Об условиях развития заводского дела в России. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1882. 59 с.
- Степанов В. Л.** Нефтяная промышленность Северного Кавказа в правительственной политике конца XIX – начала XX в. // Российская история. 2019. Вып. 6. С. 147–167.
- Судацков И. Д.** Миграционные процессы на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX века // Великие евразийские миграции: Материалы Междунар. науч. конф. Элиста, 2016. С. 40–47.
- Ушакова О. В.** Михаил Дмитриевич Бутин. Предприниматель и меценат Забайкалья (60-е гг. XIX – начало XX в.). Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2006. 300 с.
- Фадеев А. В.** Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России. К проблеме развития капитализма вширь // История СССР. 1959. № 6. С. 40–62.
- Чшиева М. Ч.** История нефтяного соперничества иностранного капитала на Кавказе в конце XIX – начале XX века. Владикавказ: Изд-во Сев.-Осет. гос. пед. ин-та, 2008. 253 с.
- Шкарлупина Г. Д.** Капиталистическая модернизация на Северном Кавказе в пореформенный период (1861–1917): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 1999. 25 с.

References

- Abikh [G. V.]** O stroenii i geologii Dagestana [On the Structure and Geology of Dagestan]. *Gornyi zhurnal [Mining Journal]*, 1862, book 4 (April), pp. 86–136. (in Russ.)
- Brodneva A. V.** Ukazatel' lichnykh imen i familii [Index of Personal Names and Surnames]. In: Kas'yanov Vasilii Dmitrievich, protoierei. Iz dnevnikov 1870–1897 gg. [Kasyanov Vasilii Dmitrievich, Archpriest. From the Diaries of 1870–1897]. In 2 books. Krasnoyarsk, 2012, book 2, pp. 34–362. (in Russ.)
- Chshieva M. Ch.** Istoriya neftyanogo sopernichestva inostrannogo kapitala na Kavkaze v kontse XIX – nachale XX veka [The History of Oil Rivalry of Foreign Capital in the Caucasus in the Late 19th – Early 20th Century]. Vladikavkaz, NOSPI Press, 2008, 253 p. (in Russ.)

- Darendorf M. V.** Iz istorii izucheniya Severnogo Kavkaza v seredine XIX veka [From the History of Studying the North Caucasus in the Middle of the 19th Century]. In: *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya* [Psychology and Pedagogy: Methodology and Problems of Practical Application]. Collection of Materials of the LVI International Scientific and Practical Conference. Novosibirsk, 2017, pp. 276–280. (in Russ.)
- Fadeev A. V.** Vovlechenie Severnogo Kavkaza v ekonomicheskuyu sistemu poreformennoi Rossii. K probleme razvitiya kapitalizma vshir' [Involvement of the North Caucasus in the Economic System of Post-Reform Russia. To the Problem of the Development of Capitalism in Breadth]. *Istoriya SSSR [History of the USSR]*, 1959, no. 6, pp. 40–62. (in Russ.)
- Gergedava R. B.** Rol' Obshchestva vosstanovleniya pravoslaviya na Kavkaze v protsesse prosveshcheniya Abkhazii vo vtoroi polovine XIX veka [The Role of the Society for the Restoration of Orthodoxy in the Caucasus in the Process of Enlightenment of Abkhazia in the Second Half of the 19th Century]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury [Bulletin of the Tyumen State Institute of Culture]*, 2019, no. 1 (11), pp. 209–214. (in Russ.)
- Grankin Yu. Yu.** Namestnichestvo i realizatsiya strategii ekonomicheskogo razvitiya Severnogo Kavkaza v 1844–1881 gg. [Viceroyalty and Implementation of the Strategy of Economic Development of the North Caucasus in 1844–1881]. Pyatigorsk, PSLU Press, 2001, 403 p. (in Russ.)
- Grigoryan M. R.** Promyshlennyy potentsial Severnogo Kavkaza vo vtoroi polovine XIX veka [The Industrial Potential of the North Caucasus in the Second Half of the 19th Century]. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Armavir State Pedagogical University]*, 2022, no. 3, pp. 88–95. (in Russ.)
- Gritsenko N. P.** Ekonomicheskoe razvitie Checheno-Ingushetii v poreformennyi period (1861–1900 gg.) [Economic Development of Chechen-Ingushetia in the Post-Reform Period (1861–1900)]. Grozny, Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963, 199 p. (in Russ.)
- Kanukova Z. V., Tuaeveva B. V., Plieva Z. T., Kalirad A.** Adaptatsionnye praktiki persidskikh migrantov na Severnom Kavkaze (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [Adaptation Practices of Persian Migrants in the North Caucasus (Second Half of the 19th – Early 20th Century)]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K. L. Khetagurova [Bulletin of the North Ossetian State University Named after K. L. Khetagurov]*, 2022, no. 4, pp. 52–62. (in Russ.)
- Korolev V. N.** Rossii bespokoinyi grazhdanin [A Restless Citizen of Russia]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1987, 112 p. (in Russ.)
- Kumykov T. Kh.** Vovlechenie Severnogo Kavkaza vo vserossiiskii rynek v XIX v. (Po materialam Kabardino-Balkarii, Severnoi Osetii i Checheno-Ingushetii) [Involvement of the North Caucasus in the All-Russian Market in the 19th Century (Based on Kabardino-Balkaria, North Ossetia and Chechen-Ingushetia Materials)]. Nalchik, Kabardino-Balkarskoye knizhnoe izdatel'stvo, 1962, 200 p. (in Russ.)
- Kupriyanova L. V.** Goroda Severnogo Kavkaza vo vtoroi polovine XIX veka: K probleme razvitiya kapitalizma vshir' [Cities of the North Caucasus in the Second Half of the 19th Century: On the Problem of the Development of Capitalism in Breadth]. Moscow, Nauka, 1981, 232 p. (in Russ.)
- Masalsky V.** Kavkaz i ego promyshlennost' [The Caucasus and Its Industry]. *Kavkazskii vestnik [Caucasian Bulletin]*, 1900, book 7, pp. 44–103. (in Russ.)
- Mendelev D. I.** Ob usloviyakh razvitiya zavodskogo dela v Rossii [On the Conditions of the Development of Factory Business in Russia]. St. Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina, 1882, 59 p. (in Russ.)
- Shkarlupina G. D.** Kapitalisticheskaya modernizatsiya na Severnom Kavkaze v poreformennyi period (1861–1917) [Capitalist Modernization in the North Caucasus in the Post-Reform Period (1861–1917)]. Abstract Thesis Cand. Hist. Sci. Stavropol, 1999, 25 p. (in Russ.)

- Stepanov V. L.** Neftyanaya promyshlennost' Severnogo Kavkaza v pravitel'stvennoi politike kontsa XIX – nachala XX v. [The Oil Industry of the North Caucasus in Government Policy of the Late 19th – Early 20th Century]. *Rossiiskaya istoriya [Russian History]*, 2019, no. 6, pp. 147–167. (in Russ.)
- Sudavtsov I. D.** Migratsionnye protsessy na Severnom Kavkaze vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Migration Processes in the North Caucasus in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. In: *Velikie evraziiskie migratsii [Great Eurasian Migrations]. Proceedings of the International Scientific Conference*. Elista, 2016, pp. 40–47. (in Russ.)
- Ushakova O. V.** Mikhail Dmitrievich Butin. Predprinimatel' i metsenat Zabaikal'ya (60-e gg. XIX – nachalo XX v.) [Mikhail Dmitrievich Butin. Entrepreneur and Philanthropist of Transbaikalia (1860s – Early 20th Century)]. Novosibirsk, Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2006, 300 p. (in Russ.)
- Zhilinsky A. A.** Rossiya na Severe (K opisaniyu zhizni i deyatelnosti M. K. Sidorova) [Russia in the North (To the Description of the Life and Work of M. K. Sidorov)]. Arkhangelsk, Tipografiya Torgovo-promyshlennogo tovarishchestva pechatnogo, perepletnogo i izdatel'skogo dela, 1918, 155 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Евгения Владиславовна Комлева, доктор исторических наук
Scopus Author ID 57219130220
WoS Researcher ID AAI-7517-2021

Information about the Author

Evgeniya V. Komleva, Doctor of Sciences (History)
Scopus Author ID 57219130220
WoS Researcher ID AAI-7517-2021

*Статья поступила в редакцию 08.04.2023;
одобрена после рецензирования 02.06.2023; принята к публикации 05.08.2023
The article was submitted on 08.04.2023;
approved after reviewing on 02.06.2023; accepted for publication on 05.08.2023*

Научная статья

УДК 94(470)«18»:31

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-92-99

О пересмотре данных российской урожайной статистики конца XIX века

Сергей Александрович Нефедов

Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Россия

hist1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0136-5020>

Аннотация

Статья посвящена изучению вопроса о достоверности урожайной статистики Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Автор показывает, что в 1893 г. была проведена реформа учета урожайности, которая привела к формальному росту урожайности минимум на 19 %. Таким образом, проводимое в работах историков сравнение данных о зерновом производстве в 1880-х гг. с данными начала XX в. оказывается некорректным. Если ранее считалось, что рост производства опережал рост населения, то учет предлагаемой поправки в 19 % приводит к противоположному выводу. Оказывается, что производство зерна на душу населения уменьшалось, и уровень потребления снижался.

Ключевые слова

урожайная статистика, реформа статистики, производство зерновых, уровень потребления, уровень жизни

Для цитирования

Нефедов С. А. О пересмотре данных российской урожайной статистики конца XIX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 8: История. С. 92–99. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-92-99

On the Revision of Russian Harvest Statistics of the Late 19th Century

Sergey A. Nefedov

Institute of History and Archaeology
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russian Federation

hist1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0136-5020>

Abstract

The article scrutinizes the reliability of harvest statistics of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. The author shows that a crop accounting reform conducted in 1893 led to a formal increase in crop yields in 50 provinces of European Russia by at least 19 %. In some chernozem and Volga provinces, the jump in productivity in 1893–1896 compared to 1887–1890 exceeded 40 %. In the Ekaterinoslav province, the jump was 42 %, in Kher-son – 43 %, Kazan – 51 %, Ufa – 54 %, Vyatka – 55 %, Samara – 78 %. Climatic fluctuations cannot explain such a sharp increase in the average yield. Thus, the comparison of data on grain production in the 1880s with data from the beginning of the 20th century, carried out in the works of some historians, turns out to be incorrect. As is known, two trends in historiography assess the dynamics of the level of consumption in Russia in the late 19th – early 20th century in different ways. “Pessimists” talk about the growth of agrarian overpopulation and peasant shortage of land, which

© Нефедов С. А., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 8: История. С. 92–99

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 8: History, pp. 92–99

led to a decrease in per capita consumption and an increase in discontent among the masses. “Optimists” take the opposite position and argue that the production growth outpaced the population growth. Accounting for the proposed adjustment of 19 % leads to the opposite conclusion. Grain production per capita was declining, and the population’s standard of living was falling. From this perspective, the ideas about Russia’s economic development in the second half of the 19th century that existed until now require revision, considering new circumstances. In this case, the “pessimistic” point of view receives an additional argument.

Keywords

crop statistics, statistics reform, cereal production, consumption level, standard of living

For citation

Nefedov S. A. On the Revision of Russian Harvest Statistics of the Late 19th Century. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 8: History, pp. 92–99. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-92-99

Вопрос об объеме производства зерна важен сам по себе, и кроме того он непосредственно связан с дискурсом о темпах экономического развития России, об успешности (или неудаче) модернизации, об уровне потребления широких масс. Большинство историков оценивает уровень производства в 1883–1913 гг. по данным Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, публикуемых в сборниках «Урожай... года». Эти данные использовались при построении временных рядов, опубликованных в работах В. Г. Михайловского [1921], А. С. Нифонтова [1974], А. В. Островского [2013], В. Г. Растяникова и И. В. Дерюгиной [2009], И. А. Кузнецова [2020], а также некоторых других авторов. Наиболее апробированным при этом считается ряд посевных площадей, урожайности и валового сбора для 50 губерний Европейской России, построенный В. М. Обуховым [1927]. В свою очередь, данные временных рядов использовались в многочисленных работах историков и экономистов, посвященных исчислению валового внутреннего продукта и оценкам темпов экономического развития.

В некоторых работах обсуждался вопрос о корректировке урожайных данных ЦСК МВД, их считали заниженными и увеличивали равномерно до длины ряда на 7 % [Gregory, 1982], 10 % [Миронов, 2008], даже на 19 % [Jasny, 1972]. Однако исследования Н. Виноградовой [1926] и С. Уиткрофта [Wheatcroft, 1974] показали, что официальные данные были достаточно надежными. При этом почти все специалисты считали эти данные однородными, т. е. не допускали их скачкообразных флюктуаций в результате изменения методики сбора и обработки статистиками ЦСК.

Насколько нам известно, первым специалистом, допустившим такую возможность, был А. В. Островский [2013, с. 216]. Исследователь обратил внимание на примечание в книге Д. И. Иванцова «К критике русской урожайной статистики» [1915]. Речь шла о проведенной в 1893 г. реформе учета урожайных данных Центральным статистическим комитетом, которая заключалась, в том числе, в организации ежегодного собирания сведений о посевных площадях. Обсуждая эту тему, Д. И. Иванцов делает следующее примечание: «В личной беседе с одним из самых видных деятелей Центрального Комитета нам удалось установить, что одновременно с этой реформой в собирании посевных данных произошло (для нас не совсем ясное) изменение и в технике учета их в самом Комитете, благодаря чему подесятинные сборы “несомненно поднялись” (выделено Иванцовым. – С. Н.) в общем “не менее как на 10 %”» [Там же, с. 75].

В составленных сотрудниками ЦСК материалах известной «Комиссии 1901 года» также отмечалось, что фиксируемое официальными источниками повышение урожаев в условиях прогрессирующей выпханности земель представляется сомнительным. «Более вероятным объяснением отмеченного явления служит, по-видимому, большее совершенство сведений о сборе хлебов в последнем десятилетии сравнительно с предшествующим временем, когда статистика урожаев находилась в настолько неупорядоченном состоянии, что сведения о сборе хлебов страдали крайней недостоверностью» (Материалы, 1903, с. 198). Это прямое указание компетентных специалистов на то, что собираемые и обрабатываемые ими урожайные данные в 1880-х гг. «страдали крайней недостоверностью», что формальное увеличение

урожайности после 1893 г. объясняется «более совершенными сведениями о сборе». Очевидно, что реформа урожайной статистики с целью получения этих «более совершенных сведений» была необходима, особенно после катастрофического неурожая 1891 г.

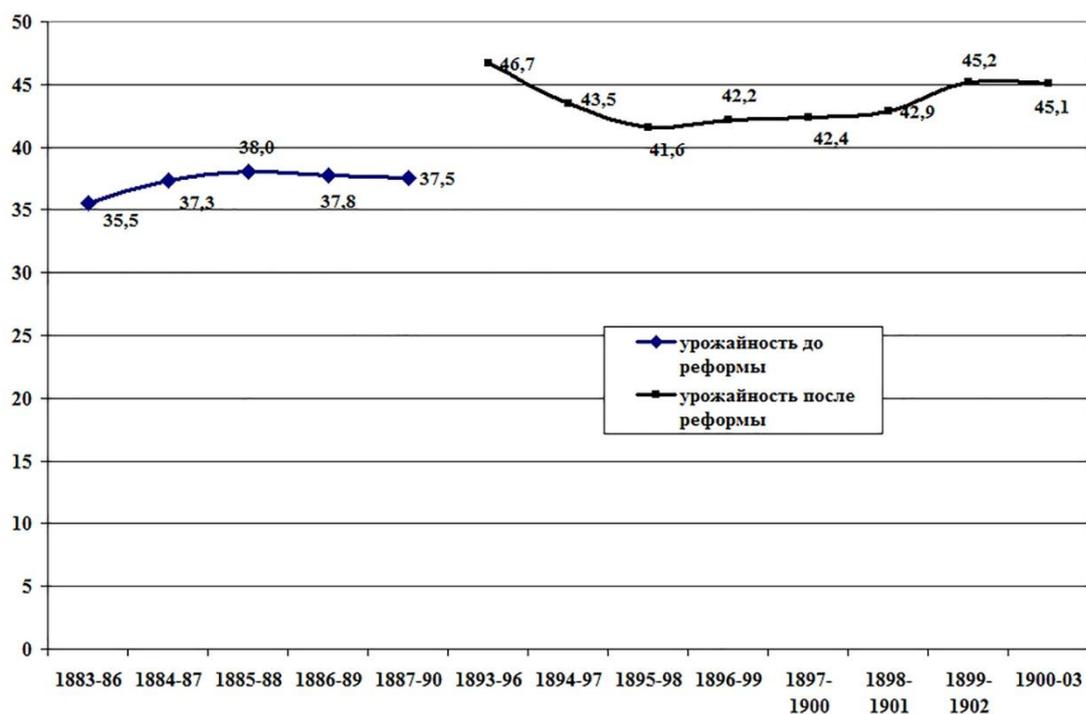
Тем не менее, указание А. В. Островского на возможность скачка в урожайных данных было скептически встречено немногими обратившими на него внимание историками. Б. Н. Миронов попросту отрицал такую возможность [2022, с. 41]. И. А. Кузнецов утверждал, что урожайная статистика не подтверждает наличия скачка: «При переходе от 1893 к 1894 году 10-процентного скачка урожайности не наблюдается, по крайней мере, урожайность четырех основных хлебов... по 50 губерниям Европейской России увеличилась лишь на 2,6 %» [2020, с. 56]. Однако по какой-то причине И. А. Кузнецов упустил из виду, что учет посевных площадей и урожайности по новым правилам начался в 1893 г., и, стало быть, скачок урожайности должен наблюдаться при переходе от 1892 к 1893 г. И он наблюдается! По данным Обухова, урожайность зерновых в 1892 г. составила 34,3 пуда с десятины, а в 1893 г. – 48,7 пуд./дес. Рост не на 2,6 и не на 10 %, а на 42 %!

Правда, перепады урожайности от года к году могут быть вызваны чередованием урожайных и неурожайных лет. При изучении динамики урожайности специалисты обычно рассматривают средние за несколько (три, четыре, пять и более) лет. Однако если мы отступим от 1893 г. на несколько лет, то придется учитывать катастрофический неурожай 1891 г. В этом случае средние за трехлетие 1893–1895 гг. превзойдут средние за 1890–1892 гг. на 46 %. Поэтому логично было бы исключить из расчетов экстремальный 1891 г. и, чтобы соблюсти требование неразрывности интервала, брать трехлетнее среднее за 1888–1890 гг., сравнивая его со средним за 1893–1895 гг. В этом случае скачок средних составит 33 %. Можно сравнивать четырехлетние средние за 1887–1890 и 1893–1896 гг. Скачок составит 24 %. Можно еще удалиться от точки разрыва и сравнить пятилетние средние за 1886–1890 и 1893–1897 гг. В этом случае в расчет попадет неурожай 1897 г. и скачок составит 19 %. Далее при сравнении шестилетних средних величина скачка снова увеличится до 21 %. Такой же разрыв имеет место при семилетних средних, а для восьмилетних средних он составит 22 % (подсчитано по: [Обухов, 1927, с. 56]).

Формальный рост урожайности до и после реформы урожайной статистики с использованием 4-летних скользящих средних проиллюстрирован далее. Видно, что средняя урожайность до реформы урожайной статистики и после реформы менялась незначительно, без явной тенденции к росту, а в год реформы (1893 г.) произошел внезапный скачок.

Итак, скачок в данных по урожайности действительно имеет место. «Один из самых видных деятелей Центрального Комитета» утверждал, что в результате изменения методов учета урожайность возросла на бумаге «не менее как на 10 %». Теперь становится ясным, что «не менее как на 10 %» означает скачок как минимум в 19 %, но, может быть, и больше (21–22 %).

В различных губерниях величина скачка урожайности была различной. В прибалтийских, северных, центральных промышленных губерниях существенного увеличения показателей урожайности после реформы статистики не наблюдалось. Но в некоторых черноземных и поволжских губерниях скачок урожайности в 1893–1896 гг. по сравнению с 1887–1890 гг. превышал 40 %. В Екатеринославской губернии скачок составил 42 %, в Херсонской – 43, Казанской – 51, Уфимской – 54, Вятской – 55, Самарской – 78 % (подсчитано по: [Обухов, 1927, с. 59–108]). Столь резкое повышение средней урожайности невозможно объяснить климатическими флюктуациями. По-видимому, здесь сыграли роль не только изменения в системе учета, но и «крайняя недостоверность» данных 1880-х гг., о которой писали сотрудники ЦСК, составлявшие «Материалы Комиссии 1901 года». В одних губерниях, как в Прибалтике, данные могли быть относительно достоверными, в других – «крайне недостоверными». Реформа урожайной статистики подразумевала не только изменение системы учета, но и наведение порядка в сборе данных.

Средняя урожайность по 4-летним периодам (пуд. / дес.)
(подсчитано по: [Обухов, 1927, с. 56]).

Average yield over a 4-year period (pood / desyatina)
(calculated based on [Obukhov, 1927, p. 56]).

Обнаружение неоднородности данных ЦСК заставляет критически переосмыслить не только данные отмеченных выше временных рядов, но выводы исследований, касающихся уровня потребления населения.

Как известно, в историографии существуют два направления, по-разному оценивающих динамику уровня потребления в России конца XIX – начала XX в. «Пессимисты» говорят о нарастании аграрного перенаселения и крестьянского малоземелья, что приводило к снижению душевого потребления и нарастанию недовольства народных масс. Революция 1905 г. сопровождалась волной крестьянских восстаний; крестьяне требовали передачи им помещичьей земли, что означало бы для них повышение уровня потребления. «Пессимистической» точки зрения придерживалась практически вся дореволюционная либеральная историография. «Тезис о систематическом понижении уровня жизни крестьян... – констатирует Б. Н. Миронов, – получил поддержку у всех авторитетных исследователей конца XIX – начала XX в.: И. И. Игнатович, А. А. Кауфмана, П. И. Лященко, Н. М. Покровского, Н. Н. Рожкова, А. Финн-Енотаевского и других, включая, конечно, В. И. Ленина, что отразила энциклопедия Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона» [Миронов, 2010, с. 31].

«Оптимисты» придерживаются противоположной позиции, они утверждают, что уровень жизни крестьян постепенно повышался. Эта точка зрения получила распространение в 1970-х гг. сначала среди американских историков, а затем, после 1993 г., и в России. Среди работ американских историков этого направления выделяется монография П. Грегори «Russian National Income. 1885–1913» [Gregory, 1982]; в то время как лидером российских «оптимистов» считается петербургский историк Б. Н. Миронов, опубликовавший несколько монографий на эту тему. Б. Н. Миронов утверждает, что причиной революции была «относи-

тельная депривация – психологическая неудовлетворенность достигнутым повышением уровня жизни, разрыв между тем, что есть, и тем, что хочется» [Миронов, 2019, с. 156]. В обоснование своей позиции он ссылается на П. Грегори, который утверждал, что «между 1885–1889 и 1897–1901 гг. стоимость зерна, оставленного крестьянами для собственного потребления, в Европейской России в постоянных ценах возросла на 51 %, тогда как сельское население увеличилось на 17 %. Таким образом, потребление зерна в крестьянском хозяйстве росло в три раза быстрее, чем сельское население» [Грегори, 2003, с. 36].

Это утверждение многократно цитировалось различными авторами как доказательство повышения уровня жизни крестьян, потому мы остановимся на нем подробнее. Обратимся к статье, в которой Грегори обосновывает этот тезис [Gregory, 1980]. Прежде всего надо отметить, что Грегори учитывает только «пищевые» культуры: рожь, пшеницу, ячмень, используя при этом данные ЦСК. В 1885–1889 гг. чистый сбор этих культур в среднем составил 1 334 млн пуд., продажи – 316 млн пуд., у крестьян осталось на потребление 1 017 млн пуд. В 1897–1901 гг. осталось на потребление 1 394 млн пуд., таким образом, в натуральных объемах количество оставленного зерна возросло не на 51, а на 35 % (подсчитано по: [Gregory, 1980, p. 162]). Если же мы учтем, что сборы в 1885–1889 гг. были как минимум на 19 % больше, чем в использованных Грегори данных ЦСК, то получится, что средние сборы в этот период составляли не меньше $1\,334 \cdot 1,19 = 1\,587$ пуд., а количество оставляемого зерна составляло по крайней мере $1\,587 - 316 = 1\,271$ млн пуд. Иначе говоря, в действительности между 1885–1889 и 1897–1901 гг. количество оставляемого зерна возросло только на 9,7 %, в то время как численность сельского населения (по Грегори) увеличилась на 17 %. В итоге душевое потребление сельского населения уменьшилось не менее чем на 6,2 %.

Недавно «оптимистическая» точка зрения, казалось бы, получила обоснование в работе И. А. Кузнецова [2020]. Автор приводит ряд пятилетних средних производства зерна на душу населения и приходит к выводу, что «динамика скользящей средней для Европейской России в целом рисует картину плавного повышения душевого производства зерна...» [Там же, с. 69]. Действительно, по Кузнецову, производство зерна на душу населения возросло с 28,1 пуда в 1883–1887 гг. до 31,6 пуда в 1909–1913 гг., т. е. на 12,5 % [Там же, с. 62]. Однако если мы учтем минимальный скачок в 19 %, то окажется, что в действительности душевое производство в 1883–1887 гг. составляло по крайней мере $28,1 \cdot 1,19 = 33,4$ пуда и к 1909–1913 гг. оно не возросло, а уменьшилось не менее чем на 5,5 %.

И. А. Кузнецов почему-то не ссылается на работу С. Уиткрофта [Wheatcroft, 1991], который тридцатью годами ранее производил такие же вычисления и пришел к такому же, как И. А. Кузнецов, выводу о росте душевого производства. По Уиткрофту, душевое производство в 1883–1887 гг. составляло 456 кг, а в 1909–1913 гг. – 515 кг, что практически совпадает с цифрами И. А. Кузнецова. Однако С. Уиткрофт подсчитал также остаток зерна за вычетом экспорта: 378 кг на душу в 1883–1887 гг. и 425 кг в 1909–1913 гг. [Ibid., p. 135]. Экспорт составлял в 1883–1887 гг. 78 кг на душу. С учетом минимального скачка реальное душевое потребление в это пятилетие составит не менее $456 \cdot 1,19 = 543$ кг, а остаток после вывоза – 465 кг. Таким образом, за 1883–1913 гг. остаток не увеличился, а уменьшился не менее чем на 9,1 %, притом что производство уменьшилось на 5,5 %. Другими словами, рост экспорта зерна приводил к уменьшению остатка на внутреннее потребление.

Неучет скачка в данных ЦСК приводит к погрешности при вычислении ВВП. Так, в новейшем исследовании группы японских историков [Kuboniwa et al., 2019, p. 345] утверждается, что стоимость сельскохозяйственной продукции в России составляла в 1885 г. 4 818,1 млн руб., а в 1913 г. 10 629,4 млн, т. е. возросла в 2,206 раза. Если мы сравним сборы зерновых по данным ЦСК в 1885 и 1913 гг., то увидим, что они увеличились именно в 2,206 раза. Иначе говоря, в своих расчетах авторы ориентировались на данные ЦСК. Как известно, для сравнения урожайных данных следует брать не отдельные годы, а промежутки в несколько лет. Если мы сравним данные за 1883–1887 и 1909–1913 гг., то увидим, что производство зерновых возросло в 1,68 раза. С учетом минимального скачка в 19 % получится,

что производство увеличилось не в 2,206 раза, а только на 42 %. Соответственно, вычисляемый авторами объем ВВП нуждается в существенной коррекции.

Таким образом, производство зерновых в России росло медленнее, чем полагали раньше, и при этом оно отставало от роста населения.

В итоге можно констатировать, что существовавшие до сих пор представления об экономическом развитии России во второй половине XIX в. требуют ревизии с учетом новых обстоятельств. «Пессимистическая» точка зрения получает при этом дополнительную аргументацию.

Список литературы

- Виноградова Н. М.** Русская урожайная статистика // Вестник статистики. 1925. Кн. 23. С. 29–84; 1926. Кн. 24. С. 51–104.
- Грегори П.** Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003. 255 с.
- Иванцов Д. И.** К критике русской урожайной статистики. Пг.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1915. 178 с.
- Кузнецов И. А.** Производство зерновых и картофеля на душу населения в Европейской России в 1883–1913 годах: динамика регионов // Крестьяноведение. 2020. Т. 5, № 1. С. 53–83. DOI 10.22394/2500-1809-2020-5-1-53-83
- Мионов Б. Н.** Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX – начале XX в.? // Уральский исторический вестник. 2008. № 3. С. 81–95.
- Мионов Б. Н.** Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М.: Новый хронограф, 2010. 911 с.
- Мионов Б. Н.** Российская модернизация и революция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. 528 с.
- Мионов Б. Н.** Священны факты, мнения свободны // Социологические исследования. 2022. № 3. С. 40–46. DOI 10.31857/S013216250019223-8
- Михайловский В. Г.** Тезисы доклада «Урожай в России 1801–1914 гг.» // Бюлл. ЦСУ. 1921. № 50. С. 2–8.
- Нифонтов А. С.** Зерновое производство России во второй половине XIX века. М.: Наука, 1974. 318 с.
- Обухов В. М.** Движение урожаев в Европейской России в период 1883–1915 гг. // Влияние неурожаев на народное хозяйство России / Под ред. В. Г. Громана. М., 1927. Ч. 1. С. 1–159.
- Островский А. В.** Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX в. СПб.: Полтораки, 2013. 416 с.
- Растяльников В. Г., Дерюгина И. В.** Урожайность хлебов в России. 1795–2007. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2009. 192 с.
- Gregory P.** Grain Marketing's and Peasant Consumption, Russia, 1885–1913 // Explorations in Economic History. 1980. Vol. 17, no. 2. P. 135–164.
- Gregory P.** Russian National Income. 1885–1913. New York: Cambridge Uni. Press, 1982. 352 p.
- Jasny N.** Soviet and East European Studies. Cambridge; New York: Cambridge Uni. Press, 1972. 218 p.
- Kuboniwa M., Shida Y., Tabata S.** Gross Domestic Products // Kuboniwa M., Nakamura Y., Kumo V., and Shida Y. (eds.). Russian Economic Development Over Three Centuries. Singapore, 2019. P. 335–419.
- Wheatcroft S.** The Reliability of Russian Prewar Grain Output Statistics // Soviet Studies. 1974. Vol. 26. P. 157–180.
- Wheatcroft S.** Crises and the Condition of the Peasantry in Late Imperial Russia // Kingston-Mann E., Mixter T. (eds.). Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia. Princeton, 1991. P. 128–172.

Список источников

Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России: В 3 ч. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1903. Ч. 3. 281 с.

References

- Gregory P.** Grain Marketing's and Peasant Consumption, Russia, 1885–1913. *Explorations in Economic History*, 1980, vol. 17, no. 2, pp. 135–164.
- Gregory P.** Russian National Income. 1885–1913. New York, Cambridge University Press, 1982, 352 p.
- Gregory P.** Ekonomicheskii rost Rossiiskoi imperii (konets XIX – nachalo XX v.): Novye podschety i otsenki [Economic Growth of the Russian Empire (Late 19th – Early 20th Century): New Calculations and Estimates]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003, 255 p. (in Russ.)
- Jasny N.** Soviet and East European Studies. Cambridge, New York, Cambridge Uni. Press, 1972, 218 p.
- Ivantsov D. I.** K kritike russkoi urozhainoi statistiki [Toward a Criticism of Russian Harvest Statistics]. Petrograd, Tipografiya V. F. Kirshbauma, 1915, 178 p. (in Russ.)
- Kuboniwa M., Shida Y., Tabata S.** Gross Domestic Products. In: Kuboniwa M., Nakamura Y., Kumo V., and Shida Y. (eds.). Russian Economic Development Over Three Centuries. Singapore, 2019, pp. 335–419.
- Kuznetsov I. A.** Proizvodstvo zernovykh i kartofelya na dushu naseleniya v Evropeiskoi Rossii v 1883–1913 godakh: dinamika regionov [Production of Grain and Potatoes Per Capita in European Russia in 1883–1913: Dynamics of Regions]. *Krest'yanovedenie [Peasant Studies]*, 2020, vol. 5, no. 1, pp. 53–83. DOI 10.22394/2500-1809-2020-5-1-53-83 (in Russ.)
- Mikhailovsky V. G.** Tezisy doklada “Urozhai v Rossii 1801–1914 gg.” [Abstracts of the Report “Harvests in Russia 1801–1914”]. *Byulleten' CSU [Bulletin of the CSB]*, 1921, no. 50, p. 2–8.
- Mironov B. N.** Dostatochno li proizvodilos' pishchevykh produktov v Rossii v XIX – nachale XX v.? [Was There Enough Food Produced in Russia in the 19th – Early 20th Century?]. *Ural'skii istoricheskii vestnik [Ural Historical Bulletin]*, 2008, no. 3, pp. 81–95. (in Russ.)
- Mironov B. N.** Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v imperskoi Rossii: XVIII – nachalo XX veka [Welfare of the Population and Revolution in Imperial Russia: 18th – Early 20th Century]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2010, 911 p. (in Russ.)
- Mironov B. N.** Rossiiskaya modernizatsiya i revolyutsiya [Russian Modernization and Revolution]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2019, 528 p. (in Russ.)
- Mironov B. N.** Svyashchenny fakty, mneniya svobodny [Facts are Sacred, Opinions are Free]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 2022, no. 3, pp. 40–46. DOI 10.31857/S013216250019223-8 (in Russ.)
- Nifontov A. S.** Zernovoe proizvodstvo Rossii vo vtoroi polovine XIX veka [Grain Production in Russia in the Second Half of the 19th Century]. Moscow, Nauka, 1974, 318 p. (in Russ.)
- Obukhov V. M.** Dvizhenie urozhaev v Evropeiskoi Rossii v period 1883–1915 gg. [The Movement of Crops in European Russia in the Period 1883–1915]. In: Groman V. G. (ed.). Vliyanie neurozhaev na narodnoe khozyaistvo Rossii [Influence of Crop Failures on the National Economy of Russia]. Moscow, 1927, vol. 1, pp. 1–159. (in Russ.)
- Ostrovsky A. V.** Zernovoe proizvodstvo Evropeiskoi Rossii v kontse XIX – nachale XX v. [Grain Production in European Russia in the late 19th – early 20th Century]. St. Petersburg, Poltorak, 2013, 416 p. (in Russ.)
- Rastyannikov V. G., Deryugina I. V.** Urozhainost' khlebov v Rossii. 1795–2007 [Grain Yield in Russia. 1795–2007]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN Publ., 2009, 192 p. (in Russ.)

- Vinogradova N. M.** Russkaya urozhainaya statistika [Russian Crop Statistics]. *Vestnik statistiki* [*Bulletin of Statistics*], 1925, vol. 23, pp. 29–84; vol. 24, pp. 51–104. (in Russ.)
- Wheatcroft S.** The Reliability of Russian Prewar Grain Output Statistics. *Soviet Studies*, 1974, vol. 26, pp. 157–180.
- Wheatcroft S.** Crises and the Condition of the Peasantry in Late Imperial Russia. In: Kingston-Mann E., Mixer T. (eds). *Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia*. Princeton, 1991, pp. 128–172.

List of Sources

Materialy vysochaishe uchrezhdennoi 16 noyabrya 1901 g. Komissii po issledovaniyu voprosa o dvizhenii s 1861 g. po 1900 g. blagosostoyaniya sel'skogo naseleniya srednezemledel'cheskikh gubernii, sravnitel'no s drugimi mestnostyami Evropeiskoi Rossii [Materials of the Commission Established on November 16, 1901 to Study the Question of the Progress from 1861 to 1900 of the Welfare of the Rural Population of the Middle Agricultural Provinces, in Comparison with Other Areas of European Russia]. In 3 vols. St. Petersburg, Tipografiya P. P. Soikina, 1903, vol. 3, 281 p.

Информация об авторе

Сергей Александрович Нефедов, доктор исторических наук, доцент
Scopus Author ID 40861593700
WoS Researcher ID Q-1642-2015

Information about the Author

Sergey A. Nefedov, Doctor of Sciences (History), Associate Professor
Scopus Author ID 40861593700
WoS Researcher ID Q-1642-2015

*Статья поступила в редакцию 10.06.2022;
одобрена после рецензирования 09.08.2022; принята к публикации 08.10.2022
The article was submitted on 10.06.2022;
approved after reviewing on 09.08.2022; accepted for publication on 08.10.2022*

Научная статья

УДК 94(47) (571.54)

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-100-111

Строительство церквей в Забайкалье и Китайско-Восточная железная дорога: Кайдаловская ветвь на рубеже XIX–XX веков

Михаил Викторович Ходяков¹

Чжао Чжицин²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

² Харбинский политехнический университет
Харбин, КНР

¹ m.khodyakov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8469-2590>

² zhaozq88@126.com, <https://orcid.org/0000-0003-4215-2486>

Аннотация

Анализируется процесс строительства церквей на Кайдаловской ветке Забайкальской железной дороги. Данный участок являлся одной из ветвей, соединяющих Китайско-Восточную железную дорогу с сетью железных дорог России. Архивные материалы, используемые авторами, позволяют проследить основные этапы строительства данного участка железной дороги на рубеже XIX–XX вв., оценить роль государства в вопросах распространения православия в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Рассмотрен процесс строительства церквей в крае. Делается вывод о том, что возведение храмов стало своеобразным проводником государственной политики, направленной на усиление позиций России на востоке страны. Немногие сохранившиеся церкви на Кайдаловской ветке в полной мере могут считаться объектами культурного наследия.

Ключевые слова

Забайкальская железная дорога, Кайдаловская железнодорожная ветка, строительство церквей, Китайско-Восточная железная дорога

Благодарности

Исследование выполнено в рамках совместного проекта «Китайско-Восточная железная дорога как трансграничная социокультурная система: история строительства, реконструкция и моделирование механизмов охраны культурного наследия» при поддержке Российского научного фонда (№ 23-48-00004) и Государственного фонда естественных наук КНР (№ T22611139560).

Для цитирования

Ходяков М. В., Чжао Чжицин. Строительство церквей в Забайкалье и Китайско-Восточная железная дорога: Кайдаловская ветвь на рубеже XIX–XX веков // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 8: История. С. 100–111. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-100-111

© Ходяков М. В., Чжао Чжицин, 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 8: История. С. 100–111

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 8: History, pp. 100–111

Church Construction in Transbaikalia and the Chinese Eastern Railway: Kaydalovskaya Railway Branch at the Turn of the 19th – 20th Centuries

Mikhail V. Khodyakov¹, Zhao Zhiqing²

¹ St Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation

² Harbin Institute of Technology
Harbin, China

¹ m.khodyakov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8469-2590>

² zhaozq88@126.com, <https://orcid.org/0000-0003-4215-2486>

Abstract

The paper considers the process of church construction on the Kaidalovskaya branch of the Trans-Baikal Railway (one of the branches connecting the Chinese Eastern Railway with the Russian railway network). The history of how the branch was constructed and operated has been left beyond the scope of scholars' interests, which explains the focus of the paper. The research relies on archive records data and aims at assessing the role of the state in the spread of Orthodoxy in Transbaikalia and the Far East through the main stages of the branch railway construction at the turn of the 19th – 20th centuries. It also sheds light on how the Department of Railways of the Ministry of Railways and the Department of the Committee of the Trans-Baikal Railway solved the practical issues. The study spotlights a special agreement between the Trans-Baikal and Chinese Eastern Railways, which was concluded in order to boost efficiency of the CER railway section from the Chinese border to Manchuria station. It helps to evidence the specificity of church construction in the region under consideration: the trend towards constructing churches on the territory of large settlements near the railway and introducing mobile church cars. In such a way, the abbots of churches at the stations could travel hundreds of kilometers and meet the religious needs of workers and employees who lived along the railway line. The paper concludes that church construction has become a manifestation of Russian national policy aimed at strengthening its stance in the east of the country. The churches on the Kaydalovskaya branch, funded by philanthropists, local residents, and special purpose funds, still exist and should be seen as cultural heritage sites.

Keywords

Sino-Eastern Railway, Trans-Baikal Railway, Church construction, Kaydalovskaya Railway Line

Acknowledgements

This research was supported by a joint grant from the Russian Science Foundation no. 23-48-00004 and the National Natural Science Foundation of China (国家自然科学基金) no. T2261139560 "Chinese Eastern Railway as a trans-border socio-cultural system: studying its history, reconstructing and modeling mechanisms of cultural heritage protection"

For citation

Khodyakov M. V., Zhao Zhiqing. Church Construction in Transbaikalia and the Chinese Eastern Railway: Kaydalovskaya Railway Branch at the Turn of the 19th – 20th Centuries. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 8: History, pp. 100–111. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-100-111

Вопросы колонизации российского Дальнего Востока, ход и направление переселенческой политики, роль в этом вопросе железных дорог Забайкалья активно разрабатывались исследователями уже с начала XX в. [Головачев, 1908; Кнорринг, 1910; Мелентьев, 1911]. Характеристике важнейших социально-экономических и политических проблем региона посвящено множество обстоятельных публикаций и в современной историографии [Ремнев, 2004; Лукоянов, 2008; Центр и регионы..., 2020]. Не удивительно, что значительное внимание как в российских, так и в зарубежных публикациях уделено истории строительства и функционирования Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). При этом, однако, заметим, что деятельность так называемых соединительных ветвей дороги – участков Забайкальской (на западе) и Уссурийской (на востоке) железных дорог, соорудившихся в конце XIX – начале XX в., освещена явно недостаточно. Так, существующие публикации, в кото-

рых затронута история соединительной ветви КВЖД в Забайкалье, носят преимущественно обзорный характер [Толстов, 2006; Реутов, 2021]. Исключением является статья о вагонах-церквях Транссибирской магистрали [Хобта, 2013] и кандидатская диссертация Н. В. Никифоровой [2019], в которой одна из глав посвящена истории постройки Забайкальской железной дороги, прокладке Кайдаловской ветки и начальному этапу ее функционирования.

Между тем имеющиеся в фондах архивов материалы позволяют охарактеризовать одну из важных составляющих процесса освоения края – строительство церквей. Значение их возведения на окраинах Российской империи при анализе административно-правовых, экономических и социальных преобразований исследователи отмечали неоднократно [Джераси, 2013; Православная церковь..., 2021; Дмитриева, 2022].

На соединительных ветвях КВЖД, как и по всей дороге, в начале XX в. практиковалось «образцовое» или «типовое» строительство. Дошедший до нас «Альбом сооружений и типовых чертежей Китайской Восточной железной дороги. 1897–1903» лишь подтверждает этот факт (Альбом сооружений..., б. г.). Церкви и больницы, тоннели и «пассажирские здания», постройки таможенного и судебного ведомств, школы и «паровозные конюшни» свидетельствуют о широко распространенном типовом строительстве на КВЖД.

В данной статье авторы рассматривают процесс строительства церквей на одной из ветвей КВЖД – соединительной ветви Забайкальской железной дороги (ЗЖД), именованной Кайдаловской веткой. Ее протяженность составляла около 340 км, она отходила от Китайского разъезда (ныне станция Тарская) к станции Маньчжурия, находящейся сегодня на территории Китая.

Анализ материалов Российского государственного исторического архива (РГИА), характеризующих деятельность Управления железных дорог Министерства путей сообщения (МПС) (Ф. 273) и содержащих журналы Совета управления Забайкальской железной дороги, включая данные комиссии по расследованию «злоупотреблений и не порядков на Забайкальской железной дороге» (Ф. 284), а также другие документы позволяют оценить масштабы строительства церквей в Забайкалье (на Кайдаловской ветви), понять его специфику и роль в вопросах колонизации восточных окраин России.

О «соединительной ветке к китайской границе» в ходе строительства ЗЖД говорилось во всеподданнейшем докладе министра путей сообщения от 2 июля 1899 г. Министр сообщал, что по плану постройки все работы на ветви велись так, чтобы «земляное полотно вчерне и искусственные сооружения были закончены к 1901 году»¹. К концу года планировалось завершить укладку пути на всем протяжении ветви. В 1902 г. предполагалось осуществить балластировку железнодорожного полотна, постройку гражданских зданий и водоснабжения. К 1 июля 1902 г. ветвь должна была быть открыта «для правильной эксплуатации»².

Руководство прокладкой ветви было поручено начальнику работ ЗЖД А. Н. Пушечникову. К строительству первоначально привлекались рабочие, которые высвобождались на основных участках Забайкальской дороги. На земляных работах также использовались воинские команды и ссыльные каторжане. Значительную роль в деле постройки дороги играли буряты³.

В 1900 г. на линии начал постоянно работать железнодорожный батальон, который направлялся на наиболее ответственные участки стройки. Укладка рельсового пути на Кайдаловской ветви началась 1 августа 1900 г. Ветвь строилась однопутной с пропускной способностью пять пар поездов в сутки. Из них две пары товарно-пассажирских со скоростью 20 верст в час и три пары товарных – 12 верст в час. На перегонах между станциями устраивались площадки для разъездов, после их открытия пропускную способность предполагалось

¹ РГИА. Ф. 273. Оп. 11. Д. 101. Л. 8 об. – 9 об.

² Там же. Л. 8 об.

³ Агинский национальный музей им. Г. Цыбикова. URL: <https://agamuzey.ru/novosti/kajdalovskaya-vetka-k-120-letiyu-zabzhd/> (дата обращения 08.01.2023).

довести до 14 пар поездов в сутки. Охрана переездов осуществлялась лишь в некоторых населенных пунктах [Толстов, 2006, с. 69].

10 февраля 1901 г. началось движение на соединительной ветке, строительство которой, как докладывал министру путей сообщения и. о. начальника дороги инженер А. Свентицкий, велось с 1898 г.⁴ При этом участок КВЖД от китайской границы до ст. Маньчжурия, протяженностью 18,86 верст, согласно договору, заключенному в день начала движения между начальником работ ЗЖД и начальником Западного отдела КВЖД, оставался в ведении Забайкальской дороги, распоряжениями которой и осуществлялось его функционирование⁵.

Пассажирское и грузовое движение по Кайдаловской ветви осуществлялось от станции Карымская, которая располагалась к западу от Китайского разъезда. Особенность железнодорожной ветки состояла в том, что деревянных станционных сооружений здесь первоначально было всего несколько: Китайский разъезд, Могойтуй, Ундурга (Адриановка), Ага, Онон-Китайский (Оловянная) и Борзя. На остальных станциях не только пассажирские, но и служебные помещения первоначально располагались в жилых домах или малоприспособленных для этого помещениях [Там же].

«Правильная эксплуатация» главной линии ЗЖД началась 1 сентября 1901 г., хотя процесс «торжественной постройки» завершился еще 10 февраля 1901 г. Окончание строительства ЗЖД было ознаменовано богослужением и молебном. На церемонии присутствовал военный губернатор Забайкальской области генерал-лейтенант Е. О. Мацевский, именем которого была названа станция в двух верстах от границы с Маньчжурией (бывшая «Сибирь»), инженеры-путейцы, приглашенные лица. На границе с Маньчжурией соорудили арку. Шелковая лента обозначала границу ЗЖД и КВЖД, рельсы под аркой не были скреплены. Это сделали нижние чины, но последние костыли забили со стороны Забайкалья военный губернатор области, начальник работ А. Н. Пушечников, начальник участка и начальник дистанции, а со стороны Маньчжурии – инженеры КВЖД. Тогда же на станции начали возводить каменный храм в честь св. Николая Чудотворца и преподобной Марии на деньги, завещанные благотворителем М. О. Тепловой, а также с использованием средств из фонда имени императора Александра III (Путеводитель..., 1902, с. 266).

Последняя остановка перед китайской границей в тот момент была по сути безымянной – на картах она обозначалась как «Разъезд 86-й километр» (с 1929 г. – станция «Отпор», названная в память о советских пограничниках, принявших на себя китайский удар во время конфликта на КВЖД, а с 1957 г. – г. Забайкальск) [Толстов, 2006, с. 70].

К началу эксплуатации ЗЖД состояла из трех линий: Иркутск – Байкал (протяженностью 61,5 версты), Мысовая – Сретенск (1 022 версты), а также Китайский разъезд – Маньчжурия (Кайдаловская ветвь) (около 340 верст) (Путеводитель..., 1902, с. 229).

Для более эффективной эксплуатации участка КВЖД от китайской границы до станции Маньчжурия между Забайкальской дорогой и КВЖД 6 сентября 1903 г. было заключено специальное соглашение сроком на пять лет⁶. В соответствии с ним на станции Маньчжурия ЗЖД и КВЖД разделили между собой даже станционные сооружения. Агенты ЗЖД могли осуществлять свои действия в левой части станции (от Иркутска в направлении Харбина), а агенты КВЖД – в правой части (в том же направлении)⁷.

Споры о целесообразности слияния соединительных ветвей с основной линией КВЖД велись на различных уровнях власти как до, так и после заключения соглашения в 1903 г. В частности, вопрос о присоединении к КВЖД участка Уссурийской дороги от станции Гродеково до Владивостока был инициирован в 1902 г. Владивостокским Биржевым комитетом, поддержан канцелярией Приамурского генерал-губернатора и рядом высокопоставленных

⁴ РГИА. Ф. 273. Оп. 11. Д. 101. Л. 156 об. – 157.

⁵ Там же. Л. 156 об.

⁶ Там же. Л. 156 об. – 157.

⁷ Там же. Л. 157 об.

военных Приамурского военного округа⁸. Однако министр путей сообщения князь М. И. Хилков придерживался иного мнения, считая, что прошение «не может быть признано подлежащим удовлетворению», поскольку нарушает существующий порядок эксплуатации дороги⁹. Военный министр генерал А. Н. Куропаткин 28 января 1903 г. сообщил М. И. Хилкову о том, что находит «подобное присоединение нежелательным, как нарушающее военные интересы»¹⁰.

Попытка объединения нескольких железных дорог края была предпринята в новых политических условиях. Так, в 1920 г. в адрес председателя правления Общества КВЖД, руководителей Забайкальской, Амурской и Уссурийской железных дорог были направлены письма за подписью И. Г. Кушнарева, являвшегося комиссаром Владивостокского порта, железнодорожного узла, а затем и председателем Дальневосточного комитета РКП(б). В ходе запланированной на 10 октября во Владивостоке конференции предполагалось рассмотреть вопрос «об объединении перечисленных дорог [в] административном, техническо-хозяйственном отношении с подчинением [их] одному распорядительному органу»¹¹. Следствием этого могло стать «установление беспересадочного проезда пассажиров по маршруту Владивосток – Верхнеудинск...», введение четкого порядка денежных расчетов между дорогами за перевозки, взаимное использование вагонов и погашение «вагонных долгов», рациональное распределение паровозов между дорогами¹². Однако состояться в планируемом формате конференции было не суждено. И не только по причине сложной военно-политической обстановки, сложившейся к тому времени на территории Дальнего Востока [История Дальнего Востока..., 2003, с. 373–389], но и потому, что руководители Забайкальской железной дороги в телеграмме, направленной из Читы, заявили, что «участия в конференции не примут»¹³. Планы объединения железных дорог остались на бумаге.

К моменту начала эксплуатации на ЗЖД существовало 5 станций, относившихся к 3 классу, 27 – к 4 классу и 25 – к 5 классу, а также 29 остановочных пунктов и разъездов¹⁴. Классность станций определялась в зависимости от объема грузовых перевозок, площади относящихся к ним вокзальных помещений, количества отправленных и принятых поездов и т. д. К станциям 1 класса относились крупные сортировочные, грузовые и пассажирские станции. Участковые и небольшие грузовые попадали во 2 и 3 классы. Промежуточные станции – в 4 класс.

Функционирование ЗЖД в целом и Кайдаловской ветви в частности было сопряжено с рядом серьезных трудностей. Руководители дороги регулярно получали информацию с мест об одной из главных проблем, которая «сильно удорожала эксплуатацию» дороги. Ею была большая сменяемость служащих, доходившая до 75–90 % в год. Среди мер, которые должны были исправить положение вещей, назывались не только облегчение условий жизни, увеличение содержания, выдача поощрительных наград, сокращение «канцеляризма невероятных размеров», но и устройство школ, читален и церквей¹⁵.

Общее состояние дел на Забайкальской дороге в итоге привело к тому, что распоряжением министра путей сообщения от 19 марта 1907 г. для расследования злоупотреблений и выяснения финансового положения ЗЖД была образована специальная Комиссия во главе с главным инспектором МПС А. Н. Горчаковым. Комиссия работала в Иркутске с 9 апреля по 19 июля 1907 г., оставив после себя для продолжения деятельности в Иркутске подкомиссию. 12 сентября 1907 г. заседания Комиссии были возобновлены в Санкт-Петербурге и про-

⁸ РГИА. Ф. 273. Оп. 11. Д. 24. Л. 43–45.

⁹ Там же. Л. 52 – 52 об.

¹⁰ Там же. Л. 54.

¹¹ РГАЭ. Ф. 433. Оп. 1. Д. 30. Л. 2–3, 6.

¹² Там же. Л. 2.

¹³ Там же. Л. 7.

¹⁴ РГИА. Ф. 273. Оп. 11. Д. 101. Л. 171.

¹⁵ Там же. Л. 147.

должались до 1 мая 1908 г. Результатом проведенной работы стало составление докладов об итогах расследования¹⁶.

Помимо смены руководства на ЗЖД в тот момент происходили и другие изменения. Часть из них приобрела специфические черты. Это в полной мере относится и к строительству церквей. Так, постановлением Совета Управления железных дорог, принятым 18 мая 1907 г. в ответ на рапорт управления ЗЖД от 22 декабря 1906 г. «По вопросу об улучшении быта служащих», было решено, что для удовлетворения религиозных потребностей служащих на ЗЖД следует иметь три вагона-церкви¹⁷. Вагон-церковь для «удовлетворения духовных потребностей агентов, живущих на промежуточных станциях», курсировал по линии ЗЖД уже в 1903 г.¹⁸ Но для растущего в численном отношении населения дороги этого было явно недостаточно. В своде журнальных постановлений 53 заседания Совета Управления ЗЖД от 29 июля 1909 г. отражена краткая история появления вагонов-церквей на железной дороге края. Инициатором такой формы удовлетворения религиозных потребностей верующих в начале 1906 г. стал настоятель Читинский железнодорожной церкви протоиерей Соболев. Он выступил с инициативой «о назначении во вверенный ему приход, раскинутый более чем на 200 верст, особого вагона-церкви, необходимого для совершения в нем по станциям (прихода) церковных служб и треб»¹⁹. Информация через епархиальное начальство и Святейший Синод была доведена до сведения императрицы Александры Федоровны. Она обратила внимание на эту проблему министра путей сообщения. Управление ЗЖД предполагало использовать имеющийся вагон-церковь для религиозных нужд от Иркутска до станции Выдрино. А для «маньчжурского участка» планировалось строительство новых вагонов-церквей. Высшее церковное руководство выдвинуло идею о возможном существовании восьми вагонов-церквей по количеству железнодорожных приходов на ЗЖД, либо четырех вагонов по участкам дороги. Один из них должен был обслуживать Кайдаловскую ветвь. Стоимость каждого вагона оценивалась в 18 тыс. руб., вагона второго или третьего класса (для размещения причта) – 14 тыс. руб., вагона четвертого класса (для сторожей и прислуги) – 7,5 тыс. руб. Всего, таким образом, стоимость одного вагона-церкви составляла около 40 тыс. руб. Для четырех вагонов-церквей единовременный расход исчислялся суммой в 160 тыс. руб.²⁰

Организация функционирования вагонов-церквей была сопряжена с необходимостью решения ряда текущих проблем дороги. На всех участках ЗЖД складывалась чрезвычайно напряженная ситуация с жилыми помещениями для рабочих и служащих. В 1903 г. для их проживания использовались десятки вагонов, в том числе 30 вагонов, предназначенных «на случай эпидемий»²¹. Исходя из этих соображений Управление ЗЖД считало, что вагоны-церкви должны строиться по проектам, утвержденным «в установленном порядке». Для размещения причта не планировалось задействовать вагоны, приспособленные под жилые нужды²².

Вопрос о постройке на ЗЖД одного вагона-церкви был заложен в смету на 1908 г. Средства на это отпускались МПС. По договору от 14 октября вагон был заказан Путиловскому заводу «с подготовкой к сроку 5 февраля 1909 г.». 10 февраля вагон-церковь № 142 прибыл в Иркутск «в полной исправности и с полным комплектом церковных принадлежностей». Однако в силу того, что новый вагон не был оборудован помещением для проживания прислуги, он, по утверждению руководителей ЗЖД, первоначально оказался «и без причта, и без движения»²³. Руководство епархии настаивало на том, что для курсирования нового вагона-церкви «необходимо назначить к нему» один служебный двухосный вагон для размещения

¹⁶ РГИА. Ф. 284. Оп. 1. Д. 1–80.

¹⁷ Там же. Ф. 273. Оп. 2. Д. 660. Л. 20.

¹⁸ Там же. Оп. 11. Д. 101. Л. 171 об.; Д. 102. Л. 49.

¹⁹ Там же. Оп. 2. Д. 660. Л. 40.

²⁰ Там же. Л. 40 об.

²¹ Там же. Оп. 11. Д. 101. Л. 171.

²² Там же. Оп. 2. Д. 660. Л. 40 об.

²³ Там же.

причта и вагон 4 класса для сторожей²⁴. Управление железной дороги предложило свой подход к решению этого вопроса. Летом 1909 г. вагон-церковь № 142 обслуживал Кайдаловскую ветвь специфическим образом. На участке до станции Адриановка это делалось с участием причта Читинской железнодорожной церкви, а от Адриановки до Маньчжурии и Сретенска – причта и настоятеля Адриановской церкви²⁵.

Такое положение вещей имело конкретное объяснение. Осенью 1909 г. было принято решение выделить из «непредвиденных расходов» на 1909 г. из той части средств, которая находилась в распоряжении Совета Управления ЗЖД, 520 руб. на содержание в течение четырех месяцев (сентябрь – декабрь) вагона-церкви. При этом содержание причта в следующем году было оставлено открытым до утверждения сметы на 1910 г.²⁶

Журнал Совета Управления ЗЖД от 4 августа 1911 г. содержит сведения о необходимости ассигнования кредита на содержание вагона-церкви и внесении в смету на 1912 г. для этих целей 5 040 руб.²⁷ Сумма складывалась из содержания в течение года «б лиц с окладом»: священника, псаломщика, двух сторожей, проводника и истопника с учетом столовых и квартирных денег, а также стоимости обмундирования для прислуги²⁸. Типовой вагон-церковь для казенных железных дорог вмещал около 50 человек, имел длину около 18 м и состоял из алтаря, отделения для молящихся, купе для священника, топчного отделения и тамбура [Хобта, 2013, с. 63].

В тот момент на соединительной Кайдаловской ветви действовало 11 станций и четыре разъезда, было возведено несколько больших мостов, три основных и одно оборотное депо²⁹. В железнодорожных депо сооружались «паровозные сараи», именовавшиеся «стойлами». К 1910 г. на ЗЖД было зарегистрировано 183 паровозных «стойла», в том числе 30 на Кайдаловской ветви: 18 «стойл» на станции Оловянная и 12 на станции Маньчжурия³⁰.

Количество переселенцев, двигавшихся с запада на восток, из года в год увеличивалось: в 1910 г. в восточном направлении проследовало свыше 39 тыс. чел. (в обратном направлении выехали около 11 тыс. чел.), а за первую половину 1911 г. (до 10 июля) на восток отправилось 46,5 тыс. чел., в том числе более 32 тыс. рабочих (с востока на запад за тот же период выехало около 3,5 тыс. чел.)³¹.

Постоянно действующих православных церквей в Забайкалье явно не хватало. На Кайдаловской ветви они существовали лишь в Адриановке (освящена 22 января 1902 г.), Оловянном (освящена 23 января 1902 г.), Борзе (освящена 24 января 1902 г.) (Забайкальская железная дорога..., 1910, с. 341–342) и Маньчжурии, считавшихся «крупными станциями». В Адриановке (по данным, представленным Амурской экспедицией) в 1910 г. проживало 1 358 православных и несколько десятков представителей других вероисповеданий [Солдатов, 1912, с. 446–447]. На станции, названной в честь инженера Г. В. Адрианова, проводившего здесь изыскания и постройку железнодорожной ветви, был сооружен православный храм в честь святых Николая Чудотворца и царицы Александры, покровителей императрицы Александры Федоровны. Храм и церковно-приходская школа были возведены за счет пособия из фонда Александра III, а также на средства, завещанные Е. И. Бенардаки – жены таганрогского помещика К. Г. Бенардаки (Путеводитель..., 1902, с. 264).

Постепенно церковное строительство распространялось и на другие поселки, расположенные вблизи Кайдаловской ветви. Так, недалеко от Адриановки располагалось село Ундургинское (с населением 1 462 чел.), в котором были возведены Покровская церковь, часов-

²⁴ РГИА. Ф. 273. Оп. 2. Д. 660. Л. 41.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 18.

²⁸ Там же. Л. 20 об.

²⁹ Агинский национальный музей им. Г. Цыбикова. URL: <https://agamuzey.ru/novosti/kajdalovskaya-vetka-k-120-letiyu-zabzhd/> (дата обращения 08.01.2023).

³⁰ РГИА. Ф. 273. Оп. 11. Д. 102. Л. 20 об.

³¹ Там же. Л. 27 об. – 28.

ня и построено приходское училище. На станции Ага действовала Николаевская миссионерская церковь, построенная еще в 1859 г., были выстроены приходская и миссионерская школы (Путеводитель..., 1902, с. 264).

На станции Оловянная, где располагалось «коренное» железнодорожное депо и в 1910 г. проживало 2 139 православных [Солдатов, 1912, с. 448–451], на средства Е. И. Бенардаки была выстроена церковь во имя св. мученицы Елисаветы. На станции Борзя (1 358 православных) [Там же] также на средства, завещанные Е. И. Бенардаки, возвели церковь в честь святых Иоанна, Елисаветы, Сергея, Константина и Марии Магдалины. В 10 верстах от станции находилась казачья станица Чиндатская (1 600 чел.), где были выстроены церковь и школа (Путеводитель..., 1902, с. 229–266).

В с. Кондуй Борзинского района сохранился редкий памятник архитектуры XIX в. – каменная церковь во имя Казанской иконы Божьей Матери и Святых Мучеников Кирика и Иулитты [Крадин, 2011, с. 172; Дроботушенко, 2016]. Сегодня церковь признана объектом культурного наследия федерального значения.

В особом положении находилась пограничная станция Маньчжурия, где перепись 1910 г. зафиксировала 4 346 православных, 3 204 «буддистов и конфуциан», около 500 иудеев, 200 магометан, 170 католиков, свыше 100 лютеран, более 40 старообрядцев и т. д. [Солдатов, 1912, с. 452–453]. К 1914 г. население поселка составляло около 10 000 чел., здесь располагались переселенческий пункт, больница, русская и китайская таможни. Принимая во внимание пограничное положение станции, министр финансов по согласованию с министром иностранных дел и Приамурским генерал-губернатором распорядились 15 января 1902 г. объявить Правительствующему Сенату «для распубликования» об открытии на станции Маньчжурия таможенной заставы (Таможня..., 2008, с. 29). На станции был возведен каменный Серафимовский храм на средства М. О. Тепловой с привлечением пособия из фонда Александра III (Путеводитель..., 1914, с. 455). Одновременно с этим Приамурский генерал-губернатор высказывал мнение, согласно которому ввиду значительного числа железнодорожных служащих на Китайско-Восточной железной дороге и малого количества там церквей было бы «очень желательно» иметь на КВЖД еще и собственные вагоны-церкви [Хобта, 2013, с. 59].

Однако в целом ситуация с церковным строительством и открытием новых приходов в Забайкальской епархии в начале XX в. была плачевной. В 1906 г. «новооткрываемых» приходов там не было вовсе, в 1907 г. открылся один, в 1908 г. – три, в 1909 – один и в 1910 – один³². Похожая ситуация складывалась и с монастырями. За вторую половину XIX – начало XX в. здесь было основано всего два православных женских монастыря. Если в 1860 г. в Забайкалье действовало 3 монастыря, в 1900 г. – 4, то к 1914 г. их стало 5 [Дроботушенко, 2013, с. 79].

В итоге вопросы строительства церквей на окраинах империи обратили на себя внимание политического руководства России. Так, в письме обер-прокурора Святейшего Синода, направленном 16 января 1910 г. П. А. Столыпину, был поставлен ряд вопросов «о развитии религии на Дальнем Востоке». Им отмечались условия, имеющие большое значение для упрочнения русской государственности и культуры в этом крае. Особое внимание при этом было обращено на создание здесь «...того внутреннего уклада жизни, который действительно придает переселенцу облик русского человека». По мнению обер-прокурора, первой и наиболее неотложной задачей в деле колонизации дальневосточной окраины, являлось «...устройство и развитие православного прихода... Русский переселенец, попав в этот край, становится сразу в непривычные условия жизни... Временной растерянностью переселенцев пользуются разные непризнанные учителя, религиозные и политические, и, в частности, сектанты»³³.

³² РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 20. Л. 39 об.

³³ Там же. Л. 35.

Результатом государственной политики, проводившейся в данном направлении, стало постепенное увеличение финансирования на церковные нужды. В 1911 г. на содержание церквей по линии ЗЖД было отпущено 38 тыс. руб.³⁴ Как установили современные исследователи, еще в XVIII в. государство проявляло заинтересованность в исполнении подданными религиозных обрядов на законодательной основе и устанавливало административную ответственность за неявку к исповеди, обязуя церковные власти вести учет христианской обрядности [Юрганова, 2020, с. 41]. Не могло не активизировать свои действия и духовное ведомство, заявляя, что неотъемлемой частью православного прихода на дальневосточной окраине оно считает открытие церковно-приходских школ и учреждение монастырей³⁵.

Строительство церквей в Забайкалье стало своеобразным проводником государственной политики, направленной на усиление позиций России на востоке страны. Очевидно, что промышленное и гражданское строительство вдоль КВЖД и ее соединительных ветвей оказало влияние на эволюцию плана городов и поселков России и Китая в начале XX в., а также на социальную интеграцию, культурные и экономические связи между странами. Архитектура того времени была неотделима от практики реализации «типовых» проектов, в частности при строительстве деревянных сооружений при железных дорогах – церквей, вокзалов, школ, жилых домов для служащих дороги и т. д.

Церкви, построенные вдоль линии железной дороги как на средства благотворителей, так и с использованием по сути государственных специальных фондов, равно и объекты гражданской архитектуры, в полной мере могли бы считаться объектами культурного наследия. К сожалению, несколько лет назад в ходе «реновации» железнодорожных станций Кайдаловской ветки были снесены практически все деревянные вокзалы и большая часть водонапорных башен начала XX в. Из церквей также уцелели лишь единицы.

Сегодня Кайдаловская ветка, которую в рамках инвестиционной программы «Нефть для Китая» затронула модернизация, переживает новый этап своего развития. Через пограничный переход «Забайкальск – Маньчжурия», являющийся одним из основных пунктов пересечения границы между Россией и КНР, проходит значительный поток грузов. Его пропускная способность составляет 52 состава в сутки, численность сотрудников российской таможни увеличена до 174 чел.³⁶ Кайдаловская ветвь, несмотря на понесенные потери, вновь становится одним из важных каналов коммуникации двух стран.

Список литературы

- Головачев Д. М.** Поселки по линии Забайкальской железной дороги: по данным обследования на местах крестьян начальниками по распоряжению военного губернатора Забайкальской области весной 1907 г. Чита: Забайкал. обл. стат. ком., 1908. 188 с.
- Джераси Р.** Окно на Восток: империя, ориентализм, нация и религия в России / Авториз. пер. с англ. В. Гончарова. М.: НЛЮ, 2013. 546 с.
- Дмитриева Н. В.** Сакральная новостройка: Александро-Невский собор в Ревеле и проблема распространения православия в Эстляндской губернии в конце XIX – начале XX в. // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 4. С. 906–924.
- Дроботушенко Е. В.** Динамика численности православных монастырей Российской империи во второй половине XVIII – начале XX в. и забайкальские обитатели // Гуманитарный вектор. 2013. № 3 (35). С. 75–82.
- Дроботушенко Е. В.** Церковь с. Кондуй Забайкальского края как памятник православной архитектуры: к вопросу о сохранении // Баландинские чтения. Новосибирск, 2016. Т. 11, № 1. С. 111–116.

³⁴ РГИА. Ф. 273. Оп. 11. Д. 102. Л. 49.

³⁵ Там же. Ф. 394. Оп. 1. Д. 20. Л. 38.

³⁶ Погранпереходы Россия – Китай. URL: https://raspp.ru/business_news/Pogranperekhody-Rossiia-Kitay/ (дата обращения 10.01.2023).

- История Дальнего Востока России / Отв. ред. Б. И. Мухачев. Владивосток: Дальнаука, 2003. Т. 3, кн. 1: Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны. 632 с.
- Кнорринг Ф. И.** Попытка определить хозяйственность эксплуатации железной дороги: Забайкальская железная дорога. 1906–1909. Иркутск: Паровая типо-лит. П. Макушина и В. Посохина, 1910. 212 с.
- Крадин Н. П.** Кондуйская церковь // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. Новосибирск, 2011. С. 172–173.
- Лукоянов И. В.** «Не отстать от держав...»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. СПб.: Нестор-История, 2008. 664 с.
- Мелентьев А. С.** Забайкальская железная дорога во времена мира и русско-японской войны 1900–1907. Коррективы к кн. В. И. Кнорринга «Попытка определить хозяйственность эксплуатации железной дороги». Ашхабад: Электронпеч. К. М. Федорова, 1911. 226 с.
- Никифорова Н. В.** История Забайкальской железной дороги (1887–1934 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2019. 277 с.
- Православная церковь и русский национализм (вторая половина XIX – начало XX века) / Отв. ред. А. А. Иванов. СПб.: Владимир Даль, 2021. 799 с.
- Ремнев А. В.** Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX века. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 548 с.
- Реутов В.** Связующее звено Транссиба // Гудок. Забайкальская магистраль. 2021. 23 нояб.
- Солдатов В.** Железнодорожные поселки по Забайкальской линии. Статистическое описание и материалы по переписи 1910 года. СПб.: Тип. АО «Слово», 1912. Т. 5, ч. 1: Таблицы. 983 с.
- Толстов Ю. Г.** Кайдаловская ветка // Железнодорожный транспорт. 2006. № 9. С. 69–70.
- Хобта А. В.** Вагоны-церкви Транссибирской магистрали (конец XIX – начало XX в.) // Культура. Наука. Образование. 2013. № 2 (27). С. 55–68.
- Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917) / Д. Г. Янченко, М. В. Ходяков, А. А. Иванов [и др.]; отв. ред. М. В. Ходяков. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2020. 660 с.
- Юрганова И. И.** Христианизация и исполнение православной обрядности на восточных окраинах империи (вторая половина XVIII века) // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 6. С. 34–43.

Список источников

- Альбом сооружений и типовых чертежей Китайской Восточной железной дороги 1897–1903. М.: Фото-литография К. А. Фишеръ, [б. г.]. 354 с.
- Забайкальская железная дорога. 1900–1910. Иркутск: Паровая типо-лит. М. И. Макушина и В. М. Посохина, 1910. 518 с.
- Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге. 1901–1902 гг. / Под ред. А. И. Дмитриева-Мамонова. СПб.; М.: Типо-лит. И. Н. Кушнерева, 1902. 422 с.
- Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге: 1914: От С.-Петербурга до Владивостока / под ред. А. И. Дмитриева-Мамонова и инж. А. Ф. Здзярского. 12-е изд. СПб.: Тип. И. Шурухей, 1914. 548 с.
- Таможня на Тихом океане: документы и материалы / Сост. Н. А. Беляева, Н. А. Троицкая. Владивосток: ВФ РТА, 2008. Вып. 5: Таможня в Забайкалье. 1862–1926 гг. 212 с.

References

- Dmitrieva N. V.** Sakral'naya novostroika: Aleksandro-Nevskii sobor v Revele i problema rasprostraneniya pravoslaviya v Estlyandskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX v. [Sacred New Building: Alexander Nevsky Cathedral in Reval and the Spread of Orthodoxy in the Gov-

- ernorate of Estonia at the End of the 19th – Beginning of the 20th Century]. *Noveishaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia], 2022, vol. 12, no. 4, pp. 906–924. (in Russ.)
- Drobotushenko E. V.** Dinamika chislennosti pravoslavnykh monastyrei Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XVIII – nachale XX v. i zabaikal'skie obiteli [Dynamics of the Number of Orthodox Monasteries in the Russian Empire in the Second Half of the 18th – Early 20th Centuries and Transbaikalian Monasteries]. *Gumanitarnyi vector* [Humanitarian Vector], 2013, no. 3 (35), pp. 75–82. (in Russ.)
- Drobotushenko E. V.** Tserkov' sela Kondui Zabaikal'skogo kraia kak pamyatnik pravoslavnoi arkhitektury: k voprosu o sokhraneni [Church at Kondui Village of the Trans-Baikal Territory as a Monument of Orthodox Architecture: On the Issue of Conservation]. In: *Balandinskie chteniya* [Balandinsky Readings], vol. XI, no. 1. Novosibirsk, 2016, pp. 111–116. (in Russ.)
- Gerasi R.** Okno na Vostok: imperiya, orientalizm, natsiya i religiya v Rossii [Window to the East: Empire, Orientalism, Nation and Religion in Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2013, 546 p. (in Russ.)
- Golovachev D. M.** Poselki po linii Zabaikal'skoi zheleznoi dorogi: po dannym obsledovaniya na mestakh krest'yan nachal'nikami po rasporyazheniyu voennogo gubernatora Zabaikal'skoi oblasti vesnoi 1907 g. [Settlements along the Line of the Trans-Baikal Railway: According to a Survey of Peasants on the Ground by the Chiefs by Order of the Military Governor of the Trans-Baikal Region in the Spring of 1907]. Chita, Zabaikal'skii oblastnoi statisticheskii komitet, 1908, 188 p. (in Russ.)
- Khobta A. V.** Vagony-tserkvi Transsibirskoi magistrali (konets XIX – nachalo XX vv.) [Cars-Churches of the Trans-Siberian Railway (Late 19th – Early 20th Centuries)]. *Kul'tura. Nauka. Obrazovanie* [Culture. Science. Education], 2013, no. 2 (27), pp. 55–68. (in Russ.)
- Knorring F. I.** Popytka opredelit' khozyaistvennost' ekspluatatsii zheleznoi dorogi: Zabaikal'skaya zheleznaya doroga. 1906–1909 [An Attempt to Determine the Economic Operation of the Railway: The Trans-Baikal Railway. 1906–1909]. Irkutsk, Parovaya tipografiya P. Makushina i V. Posokhina, 1910, 212 p. (in Russ.)
- Kradin N. P.** Konduiskaya tserkov' [Kondui Church]. In: *Malaya entsiklopediya Zabaikal'ya. Arkheologiya* [Small Encyclopedia of Transbaikalia. Archaeology]. Novosibirsk, 2011, pp. 172–173. (in Russ.)
- Lukoyanov I. V.** “Ne otstat' ot derzhav...”: Rossiya na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX vv. [“Keeping up with the Powers...”: Russia in the Far East in the Late 19th - Early 20th Centuries]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2008, 664 p. (in Russ.)
- Melentiev A. S.** Zabaikal'skaya zheleznaya doroga vo vremena mira i russko-yaponskoi voyny 1900–1907. Korrektyvy k kn. V. I. Knorringa “Popytka opredelit' khozyaistvennost' ekspluatatsii zheleznoi dorogi” [The Trans-Baikal Railway in the Times of Peace and the Russo-Japanese War 1900–1907. Corrections to the Book: V. I. Knorring “An Attempt to Determine the Economic Operation of the Railway”]. Ashgabat, Elektropechatnya K. M. Fedorova, 1911, 226 p. (in Russ.)
- Nikiforova N. V.** Istoriya Zabajkal'skoj zheleznoi dorogi (1887–1934 gg.) [History of the Trans-Baikal Railway (1887–1934)]. Thesis ... Cand. of Hist. Sci. Irkutsk, 2019. 277 p. (in Russ.)
- Pravoslavnaya tserkov' i russkii natsionalizm (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka. Antologiya) [Orthodox Church and Russian Nationalism (Second Half of the 19th – Early 20th Century)]. Ed. by A. A. Ivanov. St. Petersburg, Vladimir Dal', 2021, 799 p. (in Russ.)
- Remnev A. V.** Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX – nachala XX vekov [Russia of the Far East. Imperial Geography of Power in the 19th – Early 20th Centuries]. Omsk, OmsSU Press, 2004, 548 p. (in Russ.)
- Reutov V.** Svyazuyushchee zveno Transsiba [Connecting Link of the Trans-Siberian]. *Gudok. Zabaikal'skaya magistral'* [Horn. Transbaikalian Highway], 2021, Nov. 23. (in Russ.)
- Soldatov V.** Zheleznodorozhnye poselki po Zabaikal'skoi linii. Statisticheskoe opisanie i materialy po perepisi 1910 goda [Railway Settlements along the Trans-Baikal Line. Statistical Description of the 1910 Census].

tion and Materials on the 1910 Census]. St. Petersburg, Tipografiya aktsionernogo obshchestva "Slovo", 1912, vol 5, pt. 1: Tables, 983 p. (in Russ.)

Tolstov Yu. G. Kaidalovskaya vetka [Kaidalovskaya Branch]. *Zheleznodorozhnyi transport [Railway Transport]*, 2006, no. 9, pp. 69–70.

Tsentr i regiony: ekonomicheskaya politika pravitel'stva na okrainakh Rossiiskoi imperii (1894–1917). D. G. Yanchenko, M. V. Khodjakov, A. A. Ivanov; otv. red. M. V. Khodyakov [Center and Regions: The Economic Policy of the Government on the Outskirts of the Russian Empire (1894–1917)]. Ed. by M. V. Khodjakov. St Petersburg, SPbSU Press, 2020, 660 p. (in Russ.)

Yurganova I. I. Khristianizatsiya i ispolnenie pravoslavnoi obryadnosti na vostochnykh okrainakh imperii (vtoraya polovina XVIII veka) [Christianization and Performance of Orthodox Rituals in the Eastern Outskirts of the Empire (Second Half of the 18th Century)]. *Gumanitarnyi vektor [Humanitarian Vector]*, 2020, vol. 15, no. 6, pp. 34–43. (in Russ.)

List of Sources

Al'bom sooruzhenii i tipovykh chertezhei Kitaiskoi Vostochnoi zheleznoi dorogi 1897–1903 [Album of Structures and Type Drawings of the Chinese Eastern Railway 1897–1903] Moscow, Foto-litografiya K. A. Fisher, [w/o y.], 354 p. (in Russ.)

Putevoditel' po Velikoi Sibirskoi zheleznoi doroge. 1901–1902 gg. [Guide to the Great Siberian Railway. 1901–1902]. Ed. by A. I. Dmitriev-Mamonov. St. Petersburg, Moscow, Tipo-litografiya I. N. Kushnereva, 1902, 422 p. (in Russ.)

Putevoditel' po Velikoi Sibirskoi zheleznoi doroge: 1914: Ot S.-Peterburga do Vladivostoka [Guide to the Great Siberian Railway: 1914: From St. Petersburg to Vladivostok]. Ed. by A. I. Dmitriev-Mamonov, A. F. Zdzarysky. St. Petersburg, Tipografiya I. Shurukhei, 1914, 548 p. (in Russ.)

Tamozhnyia na Tikhom okeane: dokumenty i materialy [Customs in the Pacific: Documents and Materials]. Iss. 5. Tamozhnyia v Zabaikal'e. 1862–1926 gg. [Customs in Transbaikalia. 1862–1926]. Comp. N. A. Belyaeva, N. A. Troitskaya. Vladivostok, VF RTA, 2008, 212 p. (in Russ.)

Zabaikal'skaya zheleznyaya doroga. 1900–1910 [Transbaikal Railway. 1900–1910]. Irkutsk: Parovaya tipo-litografiya M. I. Makushina i V. M. Posokhina, 1910, 518 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Михаил Викторович Ходяков, доктор исторических наук, профессор

Scopus Author ID 57188810645

WoS Researcher ID J-2620-2013

Чжао Чжицин, PhD, профессор

Scopus Author ID 57189727571

WoS Researcher ID AHC-0847-2022

Information about the Authors

Mikhail V. Khodyakov, Doctor of Sciences (History), Professor

Scopus Author ID 57188810645

WoS Researcher ID J-2620-2013

Zhao Zhiqing, PhD, Professor

Scopus Author ID 57189727571

WoS Researcher ID AHC-0847-2022

Статья поступила в редакцию 30.01.2023;

одобрена после рецензирования 18.03.2023; принята к публикации 10.05.2023

The article was submitted on 30.01.2023;

approved after reviewing on 18.03.2023; accepted for publication on 10.05.2023

Научная статья

УДК 94(47).084

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-112-125

Особенности научного туризма в СССР (постановка проблемы)

Игорь Борисович Орлов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

Iorlov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1443-8452>

Аннотация

Анализируется феномен научного туризма в СССР как с позиций туристской проблематики, так и в рамках социальной истории науки. Научный туризм рассматривается как внешний социальный фактор, влияющий на науку, и одновременно как форма научной деятельности. Автор на архивных материалах и документах личного происхождения делает вывод, что ранняя история научного туризма пришлась на вторую половину 1920-х гг., а завершение его формирования – на 1960-е гг. Нестабильную динамику развития советского научного туризма, помимо бюрократической волокиты и межведомственных нестыковок, автор объясняет попытками совместить две взаимоисключающие установки – расширение научно-технического сотрудничества и достижение идеологического и политического эффекта от поездок.

Ключевые слова

научный туризм, социальная история науки, экспедиции, конгресс, специализированные группы

Для цитирования

Орлов И. Б. Особенности научного туризма в СССР (постановка проблемы) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 8: История. С. 112–125. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-112-125

Features of Scientific Tourism in the USSR (Problem Statement)

Igor B. Orlov

National Research University – Higher School of Economics
Moscow, Russian Federation

Iorlov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1443-8452>

Abstract

The article analyzes the phenomenon of scientific tourism in the USSR, both from the perspective of tourism issues and within the framework of the social history of science. However, modern research on scientific tourism has actually fallen out of the field of view of both scientific directions. For tourism issues, research design is limited, first of all, by different approaches to defining the sphere of scientific tourism in Soviet and post-Soviet historiography. Whereas within the social history of science framework, broad research prospects are opening up. The macro-analytical strategy makes it possible to identify the relationship of the “Intourist” with the party and state institutions toward scientific tourism, and the micro-analytical approach shows how interaction within tourist groups influenced non-political (including scientific) activity. Scientific tourism is considered as an external social factor influencing science, and at the same time as a form of scientific activity. Based on archival materials and documents of personal origin, the author concludes that the early history of scientific tourism fell in the second half of the 1920s and the completion of its for-

© Орлов И. Б., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 8: История. С. 112–125

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 8: History, pp. 112–125

mation in the 1960s. At the same time, the historical reconstruction allows us to see how certain areas of scientific tourism were formed – congress, industrial, expedition, exhibition, and specialized. The author explains the unstable dynamics of the development of Soviet scientific tourism, in addition to bureaucratic red tape and interdepartmental inconsistencies, primarily by attempts to combine two mutually exclusive attitudes – the expansion of scientific and technical cooperation and the achievement of ideological and political effect from trips.

Keywords

scientific tourism, social history of science, expeditions, congress, specialized groups

For citation

Orlov I. B. Features of Scientific Tourism in the USSR (Problem Statement). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 8: History, pp. 112–125. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-112-125

Тема научного туризма в СССР сегодня рассматривается преимущественно в рамках туристской проблематики. Слабая изученность тематики связывается с начальной стадией развития отечественного научного туризма [Холодилина, 2011, с. 500]. Этим объясняются попытки сдвинуть его нижнюю границу на 1980 г., когда при Президиуме Географического общества АН СССР была образована Комиссия научного туризма¹. Но уже в «перестроечной» историографии первые шаги научного туризма связывались с «туристской революцией» второй половины 1950-х гг. [Немоляева, Ходорков, 1985, с. 15–16]. Документы «Интуриста» относят начало научного туризма к 1960 г., когда в составе специализированных групп за границу выехала пятая часть советских туристов, а общая численность научных туристов достигла 8,5 тыс. чел.²

Реконструкция истории научного туризма имеет свои ограничения, связанные с отличием советских и современных подходов к его пониманию. Во-первых, «Стратегия развития туризма в Российской Федерации до 2035 года» разделяет научный, деловой и промышленный туризм³. А в СССР эти три вида были объединены в рамках научного туризма, включавшего и поездки специализированных групп.

Во-вторых, если Стратегия сводит научный туризм к сфере внутреннего туризма⁴, то в Советском Союзе под научным туризмом понимались преимущественно зарубежные поездки ученых в составе делегаций⁵. При этом в составе одной и той же группы могли находиться разные категории выезжающих. Пример тому – поездка в июле 1966 г. на XIX Конгресс Международного института сварки в Голландию группы советских специалистов: 14 докторов и кандидатов наук направлялись по линии научного туризма, а 8 сварщиков числились командированными⁶.

В-третьих, в Стратегии научный туризм рассматривается как средство «минимизации падения спроса в межсезонье» прежде всего за счет проведения конгрессов и выставок⁷. А советское руководство основное внимание уделяло поездкам специализированных групп «для ознакомления... с достижениями зарубежной науки и техники» и «пропаганды достижений Советского Союза в области науки и техники»⁸.

Но научный туризм является также предметом изучения социальной истории науки, рассматривающей ее как социальный институт, функционирующий в определенной социокультурной среде [Козлов, 2003]. На современном этапе социальная история науки сфокусировалась на ряде исследовательских направлений, в которые вписывается проблематика научного

¹ Голубев С. В. Научный туризм – скорее часть образа жизни, либо вид активного отдыха не только для интеллектуалов, 2020. Сайт истории работы Комиссии научного туризма РГО. URL: <http://www.knt.org.ru/Nauchnyy%20Turizm.htm> (дата обращения 27.07.2022).

² ГАРФ. Ф. Р-9612. Оп. 2. Д. 273. Л. 160; Д. 286. Л. 33.

³ Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года. С. 2–3. URL: <http://static.government.ru/media/files/FjJ74rYOaVA4yzPAshEulYxmWSpB4lrM.pdf> (дата обращения 27.07.2022).

⁴ Там же. С. 45.

⁵ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 46. Д. 292. Л. 20–24.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-9612. Оп. 3. Д. 134. Л. 23.

⁷ Стратегия развития туризма... С. 44.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-9612. Оп. 2. Д. 228. Л. 31; Д. 273. Л. 84–85.

туризма. Первое – международные научные связи СССР. Если советская историография рассматривала их в контексте культурного сотрудничества [Иоффе, 1969], то в постсоветский период ракурс сместился в сторону изучения изоляционизма советской науки [За «железным занавесом»..., 2002] и репрессий в отношении ученых [Сойфер, 2002].

Второе направление – взаимодействие внутри исследовательских групп, идеалы и нормы научного сообщества, ставшие компонентом сознания и поведения ученых. Третье – взаимоотношения науки и власти как противоборство научных групп, конкурирующих между собой в борьбе за ресурсы, политическую и социальную поддержку [Огурцов, 2001]. Наука выступает одним из средств мобилизации ресурсов для разрешения социально-политических кризисов, а смена государственного строя стимулирует создание «идеологически корректной науки» для обслуживания нового режима [Наука и кризисы..., 2003]. Четвертое направление – соотношение властного и научного дискурсов, причем последний рассматривается как составная часть первого. В своем стремлении получить властную поддержку, ученые стараются перевести институциональные, групповые и личные интересы на понятный политикам язык [Кожевников, 1997, с. 42].

Но, как и в случае с туризмом, в рамках социальной истории науки, при широком охвате тем, феномен научного туризма остался практически незатронутым. Тогда как он вполне вписывается в рамки как макро-, так и микроподхода. Если макроаналитическая стратегия выявляет взаимоотношения «Интуриста» с партийными и государственными учреждениями в области научного туризма, то микроаналитический подход показывает, как конкретные (прежде всего неформальные) взаимодействия внутри туристических групп влияют на неполитическую (в том числе научную) активность. Другими словами, научный туризм можно рассматривать как внешний социальный фактор, влияющий на науку, и одновременно как форму научной деятельности. Включение научного туризма в предметное поле социальной истории науки позволит расширить исследовательский ракурс за счет личного опыта, шаблонов поведения и дискурсивных практик советских людей. Для нашей темы оптимальным представляется сочетание макро- и микроаналитических исследовательских стратегий, позволяющих проследить связь между индивидуальными и групповыми туристскими практиками, вписав их в исторический контекст.

Важную роль в реконструкции научного туризма в СССР играют архивные документы из трех федеральных архивов – Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива новейшей истории и Российского государственного архива социально-политической истории. Сложность их выявления определяется отсутствием сколько-нибудь систематизированного комплекса источников. Отчасти это объясняется тем, что в советский период не сложилось единого определения научного туризма, и получила распространение предельно широкая его трактовка. Основной комплекс интересующих нас документов отложился в ГАРФ в фонде Р-9612 (Учреждения по руководству иностранным туризмом в СССР), и прежде всего в описи 2 (образованного в феврале 1940 г. на базе существовавшего Спецотдела Первого отдела). Документы представляют собой: приказы и распоряжения Правления «Интуриста» (в том числе под грифом «совершенно секретно»); докладные записки и письма руководителей «Интуриста» в вышестоящие организации (прежде всего в Совмин СССР, Министерство внешней торговли СССР и ЦК партии); ежегодные отчеты ведомства; отчеты о поездках за границу специализированных групп и т. п. Наши представления о научном туризме существенно расширяют материалы Отдела международного туризма Центрального Совета по туризму и экскурсиям ВЦСПС (ГАРФ. Ф. Р-9520) и Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ГАРФ. Ф. Р-5283); отделов ЦК партии (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120) и Сектора международных связей ИМЛ при ЦК КПСС (РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 46), содержащие отчеты о поездках на научные конференции и экскурсионном обслуживании; Политбюро ЦК КПСС (РГАНИ. Ф. 3) и Аппарата ЦК КПСС (РГАНИ. Ф. 5); отложившиеся в Коллекции рассекреченных документов «Основные правила

поведения советских граждан, выезжающих в социалистические, капиталистические и развивающиеся страны» (РГАНИ. Ф. 89. Оп. 31).

Сегодня изучение научного туризма в СССР настоятельно диктует необходимость уточнения базовых дефиниций. Во-первых, научный туризм является одним из каналов международных научных связей СССР, которые значительно шире. Во-вторых, сегодня несколько странно выглядит отнесение поездок ученых на зарубежные конгрессы и конференции к сфере научного туризма. Но в советское время подобные поездки были строго регламентированы и осуществлялись только через «Интурист». Даже если такие поездки не сопровождались заранее оговоренной туристской программой (в отличие от специализированных групп), оформление проездных документов осуществлялось через «Интурист», что определяло включение выезжающих за границу ученых в туристическую статистику. Мы будем понимать под научным туризмом в СССР поездку с научными и научно-техническими целями, включающую пакет туристического обслуживания.

Не вызывает сомнений неоднородность советской истории, в которой периоды относительно свободных зарубежных контактов сменялись эпохой изоляционизма, а затем – относительной либерализацией международных научных и научно-технических связей. Понятно, что все это задавало рамки международному туризму вообще и научному туризму в частности. Но документы показывают, что в ряде случаев включались более «тонкие настройки» (например, интересы военного ведомства или перспективы развития научно-технического сотрудничества в ряде областей), определявшие траекторию развития этого важного канала международного сотрудничества.

Вопреки сложившемуся мнению о возникновении научного туризма в послевоенный период, осмелимся утверждать, что первые шаги в этом направлении были предприняты еще в 1920-е гг. Российской академией наук (с июля 1925 г. – Академия наук СССР). Так как для советского руководства приезд зарубежных ученых имел имиджевый характер, Экскурсионная секция созданного в 1925 г. Всесоюзного общества по культурным связям с зарубежными странами предоставляла гостям разнообразное туристское обслуживание⁹. Тогда как поездки советских ученых за границу в это время можно расценивать, скорее, как научные командировки. Например, разработанный в 1925 г. для А. Е. Ферсмана специальный маршрут по Норвегии предусматривал ознакомление только с минеральными богатствами страны (Воспоминания об ученых..., 2012, с. 11). Не сохранилось сведений о предоставлении советским ученым за границей комплексного экскурсионного обслуживания. Со слов Ф. Б. Кедрова, мы знаем, что во время пребывания в Париже в 1925 г. П. Л. Капице пришлось столкнуться с «ночными гидами», предложившими советским ученым посетить ночной клуб¹⁰. Лишь в отдельных случаях можно говорить о минимальной культурной программе для выезжавших на научные конгрессы и конференции в 1920-х – начале 1930-х гг. советских ученых.

Первым сложился конгрессный туризм, во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. превратившийся в самостоятельный канал научного обмена. Первые шаги были сделаны в связи с проведением в сентябре 1925 г. юбилейной сессии Академии наук СССР (в связи с 200-летием ее образования), в работе которой приняли участие 98 иностранных ученых. Это было первое столь представительное научное мероприятие в Советском Союзе.

С одной стороны, не все приглашенные¹¹ выразили желание посетить СССР. Например, из Франции, где советскую Академию не считали свободным научным учреждением, из 36 приглашенных ученых приехали только иностранные члены-корреспонденты РАН востоковеды Сильвен Леви и Поль Пеллиу. Аналогичной была ситуация с приглашенными учеными из других стран: из США приехали 3 из 41, из Италии – 8 из 29, из Великобритании –

⁹ ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 6. Д. 749. Л. 41.

¹⁰ Советские ученые. Очерки и воспоминания. URL: <https://coollib.net/b/389923/read> (дата обращения: 27.07.2022).

¹¹ Приглашения были отправлены 315 зарубежным учреждениям 47 стран и 340 отдельным ученым.

7 из 16. Не приехали, в числе прочих, лауреаты Нобелевской премии Эрнест Резерфорд, Альберт Эйнштейн и Мария Склодовская-Кюри.

С другой стороны, список иностранных участников формировался с учетом политической позиции руководителя Главнауки Наркомпроса РСФСР Ф. Н. Петрова. Из российских академиков-эмигрантов пригласили в основном представителей естественных наук, а среди недостойных посетить СССР оказались преимущественно слависты. В посещении отказали профессору славянских языков Университета Христиании Олафу Броку, ранее дважды посетившему страну, но попавшему в «черный» список из-за изданной в 1923 г. книги «Диктатура пролетариата». Из списков приглашенных были вычеркнуты: председатель Польского языковедческого общества Ян Розвадовский, ректор Софийского университета, председатель историко-филологического отделения Болгарской АН Любомир Милетич, сербский лингвист Александр Белич и др.

В основу зарождающегося научного туризма был положен принцип дружеского (или, по крайней мере, нейтрального) отношения к Советскому Союзу. Поэтому программа проходивших в Ленинграде и Москве юбилейных мероприятий, кроме торжественных заседаний и правительственных приемов, включала экскурсии по городским окрестностям, посещение спектаклей, осмотр научных учреждений, музеев и памятников [Сорокина, 2005]. 1925 год можно считать началом научного туризма в СССР, включавшего характерные для коммунистического режима «техники гостеприимства», под которыми американский социолог Пол Холландер понимал различные приемы, лакирующие советскую действительность [Холландер, 2001, с. 13].

Конгрессный туризм получил дальнейшее развитие в связи с образованием в 1929 г. «Интуриста». 2 декабря 1930 г. СТО предложил Научному комитету при ЦИК СССР по согласованию с организаторами конгрессов организовывать прием и обслуживание участников международных конгрессов силами «Интуриста», обязанного принять меры к тому, чтобы на конгрессы прибывало как можно больше туристов, чьи научные и общественные интересы были связаны с тематикой конгрессов¹². Это стимулировало расширение материально-технической базы «Интуриста», которому в 1932–1933 гг. сначала передали несколько гостиниц и ресторанов, а в феврале 1933 г. – материальную базу акционерного общества «Отель». Появился у «Интуриста» и парк автомашин¹³.

Упор делался на привлечение в страну туристов, потенциально расположенных к пропаганде в своих странах достижений социализма. Этим объясняется установка на приезд групп, «производящих углубленные поездки по всей стране»¹⁴. Руководство «Интуриста» обнадёживали примеры успешной пропаганды. Например, группу интеллигенции из Великобритании удалось поразить размерами государственного финансирования науки в нашей стране [Голубев, 1997, с. 267]. Хотя в первой половине 1930-х гг. в сфере иностранного туризма сохранялся параллелизм (Бюро пролетарского студенчества ВЦСПС, Сектор по туристской работе среди иностранных рабочих и специалистов ОПТЭ и др.), постепенно «Интурист» монополизировал организацию приема зарубежных гостей. Положительный опыт обслуживания в 1930 г. двух международных конгрессов (Железнодорожного в Одессе и Почвоведческого в Москве) позволил ведомству настаивать на целесообразности сосредоточения приема иностранцев «в одних руках»¹⁵. 23 сентября 1934 г. Секретариат ЦИК СССР возложил на «Интурист» обслуживание XV Международного физиологического конгресса, запланированного в Москве и Ленинграде на август 1935 г. Для поездок делегатов конгресса, в работе которого участвовали 1,5 тыс. ученых из 37 стран, выделяли специальные поезда по четырем туристским маршрутам, включая Ленинград, Негорелое и Дальний Восток. Кроме 700 делегатов Физиологического конгресса, туристическую поездку по Союзу совершили

¹² ГАРФ. Ф. Р-9612. Оп. 2. Д. 2. Л. 45–47.

¹³ Там же. Оп. 1. Д. 52. Л. 73.

¹⁴ Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 6–7.

¹⁵ Там же. Л. 4–8.

67 делегатов проходившего в Ленинграде и в Москве в сентябре 1935 г. III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии [Багдасарян и др., 2007, с. 48].

Очередной вехой развития конгрессного туризма стала XVII сессия Международного геологического конгресса. Из прибывших летом 1937 г. в Москву 973 участников 259 были иностранцами, представлявшими разные континенты – Северную (США и Канада) и Южную (Мексика и Куба) Америку, Европу (Великобритания, Франция, Швеция, Испания), Азию (Япония) и Африку (Марокко, Судан, Тунис, Египет и Южная Африка). Иностранцев поселили в лучших гостиницах Москвы. Для их обслуживания «Интурист» привлек 24 переводчика, а также, помимо мобилизованных Моссоветом 100 автомашин, автобусы из гаража Академии наук. Для гостей нашей страны Оргкомитет запланировал 6 экскурсий, самой длительной из которых (с 31 июля по 1 сентября) была Сибирская (36 иностранцев). Наиболее специализированной оказалась нефтяная экскурсия в Азербайджан, Дагестан, Грузию, Пермь и Башкирию, куда также отправились 36 делегатов. Самой многочисленной стала Уральская экскурсия, маршрут которой проходил через Пермь, Кизил, Нижний Тагил, Свердловск, Челябинск, Магнитогорск, Миасс, Уфу и Соликамск. В Свердловске для 84 участников конгресса (среди которых было 56 иностранцев) организовали посещение выставки минеральных богатств Урала. Поездка включала насыщенную культурную программу, предусматривающую посещение предприятий, музеев и домов отдыха. К открытию Конгресса была приурочена выставка в Палеонтологическом музее. Делегаты совершили путешествие по каналу Волга – Москва, впечатлениями о котором на приеме в Большом Кремлевском дворце поделился глава американской делегации: «Мы... видели огромные достижения вашего инженерного искусства, нашедшего свое яркое выражение в замечательном канале Волга – Москва»¹⁶ (Прием в честь делегатов..., 1937, с. 1).

История конгресса получила продолжение в августе 1937 г., когда переводчик Кахан донес генсеку Профинтерна С. А. Лозовскому о невнимании руководства «Интуриста» к политическому обслуживанию делегатов. Так как члены советской делегации уходили от ответов на неудобные вопросы, то иностранцы засыпали вопросами переводчиков. Во время поездки по каналу Волга – Москва кубинский делегат посетовал, что большинство делегатов уедут, «не получив никаких разъяснений» о национальной политике и роли партии, колхозном строе и стахановском движении, о которых «клеветнически пишет зарубежная буржуазная пресса»¹⁷. Лозовский, направив это письмо в ЦК ВКП(б) К. Я. Бауману, сообщал об отсутствии в гостиницах «Интуриста» даже текста «сталинской Конституции» на иностранных языках. Обязанный усилить внимание к политическому обслуживанию иностранцев руководитель «Интуриста» В. А. Курц вскоре был арестован, а в мае 1938 г. расстрелян.

Зарождение промышленного туризма относится к началу 1930-х гг. По итогам состоявшейся в начале 1931 г. I Всесоюзной конференции по планированию научно-исследовательской работы научным организациям было рекомендовано включиться в работу Общества пролетарского туризма и экскурсий по организации походов в малоисследованные регионы страны. Объявленный 15 мая 1931 г. Центральным Советом ОПТЭ Всесоюзный поход «За сырьем для станков пятилетки» прошел при широкой поддержке со стороны АН СССР и ряда научных и промышленных учреждений. В походе туристы опрашивали население о залежах полезных ископаемых, составляя карты месторождений [Орлов, Юрчикова, 2010, с. 115–118].

Первой ласточкой экспедиционного туризма стала организованная «Интуристом» летом 1931 г. и приуроченная к Международному полярному году научно-туристская экспедиция в Арктику на ледоколе «Малыгин» [Орлов, 2016]. Документы свидетельствуют об удовле-

¹⁶ 80 лет назад СССР приоткрыл «железный занавес» и пригласил в страну 259 иностранцев-геологов, 20.07.2017 // Информационно-аналитический портал «Новости Югры» URL: <https://ugra-news.ru/article/date/32629/> (дата обращения 27.07.2022).

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 295. Л. 37–38.

творенности иностранных туристов показом работы зимовочных научных станций в бухте Тихой и геологической экспедиции на Новой Земле¹⁸.

Но основная работа по созданию системы научного туризма пришлось на послевоенный период. Конечно, с самого начала не обошлось без проблем. Неэффективное использование поездок «для знакомства с достижениями иностранной науки и техники» объяснялось составлением стандартных программ для групп, собранных из специалистов одного профиля¹⁹. Проблемой оставалась затратность выездного научного туризма. Удорожанию способствовали размещение и обслуживание советских ученых на уровне делегатов других стран, расходы на сопровождение групп представителями «Интуриста» или Министерства внешней торговли, оплата «Интуристом» вступительных взносов и прочих расходов, связанных с проведением конгрессов и конференций²⁰.

Свою специфику на научный обмен накладывала холодная война. Перед учеными, помимо пропаганды достижений советского строя, в ряде случаев ставилась задача научного и промышленного шпионажа. В постановлении ГОКО № 3522сс от 5 июня 1943 г. «Мероприятия по улучшению зарубежной работы разведывательных органов СССР» речь шла о командировке за границу в составе делегаций кадровых разведчиков и привлечении к разведработе «отдельных известных ученых». Планировалось даже отразить «интересы разведывательных органов СССР» в «Инструкции о правилах поведения советских граждан за границей»²¹. Возникшая в горниле «горячей» войны практика промышленного шпионажа сохранялась и в дальнейшем, просто формулировки стали более обтекаемые. Согласно «Правилам поведения советских граждан, выезжающих в капиталистические и развивающиеся страны» (1979 г.), туристы и командировочные не должны были «дать повода иностранной разведке использовать себя в ее интересах». Правила обязывали перед выездом за границу сдать все «секретные и не подлежащие оглашению документы и материалы, необходимые для работы за границей» для пересылки их на место назначения. Даже несекретные служебные материалы разрешалось брать с собой только с согласия руководства направляющей организации. Советские граждане должны были соблюдать осторожность и сообщать с разрешения руководителя делегации только данные, «которые вызываются обстоятельствами дела или предусмотрены соответствующими указаниями»²². Советские ученые в поездке должны были «строго руководствоваться указаниями и распоряжениями руководителя делегации»²³. От туристов, выезжающих за рубеж в рамках научного обмена, помимо строгой дисциплины, безупречного поведения и умения «строго хранить государственную тайну», требовались определенные профессиональные навыки: «За границу должны направляться ученые и специалисты, подготовленные в деловом и политическом отношении»²⁴. Еще одним критерием многоуровневого отбора было знание иностранного языка, а для специализированных групп – наличие общих представлений об отраслевой специфике страны посещения.

В воспоминаниях академика В. П. Маслова о своей первой поездке в Грецию в 1960-х гг. отложился факт особого внимания к потенциальной возможности вояжера остаться за границей. Об этом его настойчиво расспрашивал перед поездкой первый проректор МГУ, а во время посещения Афинского акрополя любые попытки задержаться у скульптур вызывали подозрения руководителя группы относительно намерений Виктора Павловича «соскочить»²⁵.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-9612. Оп. 2. Д. 6. Л. 1–8.

¹⁹ Там же. Д. 286. Л. 154–155.

²⁰ Там же. Д. 247. Л. 88–89.

²¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 70. Л. 109.

²² Там же. Ф. 89. Оп. 31. Д. 7. Л. 17.

²³ Там же. Л. 15.

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-9612. Оп. 2. Д. 285. Л. 78.

²⁵ Маслов В. П. Воспоминания ученого о поездках за границу. URL: <https://proza.ru/2020/10/06/1707> (дата обращения 27.07.2022).

Со второй половины 1950-х гг. научный выездной туризм осуществлялся преимущественно по линии «Интуриста». Но в системе специализированного туризма был также задействован Отдел международного туризма ЦТЭУ ВЦСПС, обязанный совместно с «Интуристом» принимать меры по расширению выезда за границу специализированных групп и «более эффективному использованию туристских поездок для... изучения зарубежной науки и техники»²⁶. Позже всех (с 1970-х гг.) в систему научного и специализированного туризма оказалось вовлечено Бюро международного молодежного туризма «Спутник». В августе 1972 г. на базе существовавшей в аппарате ЦК ВЛКСМ группы по работе с научной молодежью был создан Отдел научной молодежи ЦК ВЛКСМ. Отдел вместе со «Спутником» начал формировать научные туры и проводить международные школы молодых ученых, а с 1981 г. стал курировать вопросы научно-технического творчества, ранее находившиеся в ведении Совета по работе среди молодых ученых Отдела рабочей молодежи. Специфика молодежного научного туризма заключалась в проведении научных мероприятий преимущественно в международных молодежных лагерях, совмещая их с экскурсиями и активным отдыхом²⁷. Но в послевоенный период развитие получили не все довоенные формы научного туризма. Практически был свернут промышленный и до конца 1970-х гг. вяло развивался экспедиционный туризм. Не столь радужной была и ситуация с конгрессным туризмом: даже к началу 1980-х гг. Москва по числу организуемых ежегодно международных форумов заметно уступала Парижу, Лондону, Женеве и Брюсселю [Немоляева, Ходорков, 1985, с. 9].

Отчасти это компенсировалось появлением новых видов научного туризма – выставочно-го и, особенно, специализированного. В начале 1957 г. в «Интурист» обратилась бельгийская турфирма «Вуаяж Жозеф Дюмулен» с предложением принять 800 советских туристов на Всемирной выставке в Брюсселе летом 1958 г. При этом принимающая сторона предлагала разместить советскую делегацию в одной гостинице по соседству с выставкой. По этому поводу в марте министр внешней торговли СССР И. Г. Кабанов обратился в ЦК КПСС. Апеллируя к масштабности выставки (предполагалось, что ее посетят до 35 млн чел.) и политическому значению участия в ней Советского Союза, министр предложил направить в Бельгию до 10 тыс. специалистов из различных областей промышленности, науки и культуры²⁸. Для перевозки такой массы туристов, помимо необходимых 50 пассажирских вагонов европейских габаритов, МИД и Главное управление гражданского воздушного флота обязывались договориться с бельгийскими властями об организации авиаперевозок советских туристов на ТУ-104²⁹. Хотя реализация плана оказалась намного скромнее задуманного (на выставке в Брюсселе побывали чуть более трети от намеченных десяти тысяч)³⁰, посещение выставки стало важным шагом развития системы научного туризма в СССР.

Рождение специализированных групп связано с разрешением выездного туризма. В Постановлении ЦК КПСС от 3 января 1956 г. «Об организации поездок советских людей за границу» для зарубежного вояжа допускали только «политически проверенных и устойчивых в морально-бытовом отношении» инженеров, техников и работников науки³¹. Так как в капстранах советским туристам, как правило, демонстрировали только исторические и культурные памятники, в начале 1960-х гг. решили максимально сократить общепознавательные поездки в эти страны и «развивать поездки... специализированными группами с научными или профессиональными целями»³².

²⁶ ГАРФ. Ф. Р-9520. Оп. 1. Д. 613. Л. 88–89.

²⁷ Павлов В. П. Научный туризм: накопленный опыт и перспективы развития // Международная туристская академия. URL: <http://www.intacadem.ru/statji/nauchnyy-turizm-nakoplennyy-opyt-i-perspektivy-razvitiya.html> (дата обращения 27.07.2022).

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-9612. Оп. 2. Д. 239. Л. 45–46.

²⁹ Там же. Л. 45–48.

³⁰ Там же. Д. 247. Л. 87.

³¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 161. Л. 35.

³² ГАРФ. Ф. Р-9612. Оп. 2. Д. 247. Л. 87.

Если комплектацией обычных групп занимались советы профсоюзов, то формирование специализированных групп было возложено на АН СССР и Госкомитет Совмина СССР по науке и технике, а также на соответствующие министерства и ведомства. ГТНК координировал научно-технические связи министерств и ведомств с зарубежными странами и международными организациями³³, а общее кураторство сферы международных научно-технических связей находилось в ведении Отдела науки ЦК КПСС [Киселева, 1995].

Интерес в первую очередь представляли развитые промышленные страны Запада и, особенно, США. В октябре 1957 г., в связи с отменой снятия отпечатков пальцев при въезде иностранцев в США, «Интурист» вышел «наверх» с предложением согласовать с американскими турфирмами маршруты специализированных групп для ознакомления «с достижениями американской техники и науки». При благоприятном исходе переговоров рассчитывали уже в следующем году направить в Соединенные Штаты в составе специализированных групп до 600 специалистов. Комплектование компактных (не более 12 туристов) групп шло только через Московский и Ленинградский советы профсоюзов, с обязательным включением в каждую группу интуристовского работника и предварительным осмотром маршрутов. Для этого «Интуристу» поручалось провести переговоры с американскими турфирмами на Генеральной Ассамблее МСОТО в США³⁴. Но, судя по документам, выйти на намеченные цифры не удалось. Даже в 1960 г. США посетили всего 14 специализированных групп, включая участников международных конгрессов³⁵. Начавшиеся в январе 1964 г. советско-американские переговоры о заключении соглашения о научно-техническом, образовательном и культурном обмене на 1964–1965 гг. ни к чему не привели. Советская делегация «категорически отклонила предложения американской стороны, преследующие намерения использовать каналы научных и культурных связей для сбора политической, экономической и научно-технической информации об СССР, а также в целях распространения в нашей стране буржуазной идеологии». Американская сторона также не проявила особого интереса к вопросу туристского научного обмена³⁶.

Зато благоприятные условия для знакомства с промышленными предприятиями и научными учреждениями были созданы для советских туристов в Австрии и Великобритании. Например, маршрут группы членов медицинской секции Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами в конце мая – начале июня 1961 г. включал не только осмотр Парламента, Вестминстерского аббатства, Тауэра и Национальной галереи, но и посещение ведущих британских медицинских центров и факультетов³⁷.

Как все советские туристы, члены научных и специализированных групп боялись слежки скрытых «сопровождающих» от КГБ, но при возможности прибегали к теневым практикам [Орлов, Попов, 2016; Попов, 2018]. Ю. В. Иванов, в начале 1960-х гг. работавший начальником котельного цеха Верхнетагильской ГРЭС, оставил воспоминания о поездке в Англию в октябре 1962 г. для ознакомления с проектированием и строительством электростанций. Участников группы очень удивило, что их не столько готовили «в направлении решения технических вопросов», сколько инструктировали «как нужно себя вести». Например, категорически запрещалось контактировать с эмигрантами и вести разговоры на политические темы. Впрочем, поездка обошлась без инцидентов. Посещение нескольких английских электростанций, включая самую крупную Хай-Марнхэм, убедило наших туристов, что в области энергетики СССР не отставал от самых передовых промышленных стран, а работать они умеют не хуже английских инженеров. Правда, не удалось переубедить самих английских инженеров, убежденных в советском технологическом отставании. Появление наших энергетиков «вызвало большой интерес почти у всех англичан» и доброжелательность, несмотря

³³ ГАРФ. Ф. Р-9612. Оп. 2. Д. 273. Л. 83.

³⁴ Там же. Д. 240. Л. 18–19.

³⁵ Там же. Д. 273. Л. 82.

³⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 115. Л. 30, 32.

³⁷ ГАРФ. Ф. Р-9612. Оп. 1. Д. 478. Л. 1–2; Оп. 2. Д. 273. Л. 82.

на то, что русских людей считали «какими-то дикарями, живущими вместе с медведями в сибирских снегах»³⁸.

Но поездки специализированных групп не всегда находили радушный прием принимающей стороны. В 1961 г. МВД ФРГ запретило турфирмам устраивать специализированные поездки по стране для советских туристов и проводить экскурсии на промышленные предприятия. В итоге пришлось срочно аннулировать ряд специализированных поездок энергетиков, химиков и машиностроителей³⁹. Впрочем, проблемы со специализированными группами возникали не только по вине принимающей стороны. Фиксировались случаи включения в специализированные группы туристов, не имевших к ним никакого отношения. Типичным был случай с поездкой в США металлургов из Свердловска, среди которых оказались три «высокопоставленные домашние хозяйки»⁴⁰. Из-за высокой стоимости (6,5 тыс. руб.) не состоялись запланированные поездки в США групп автомобилестроителей и металлургов⁴¹.

Несколько лучше обстояло дело с конгрессным туризмом. Если в 1960 г. за рубеж выехало более 6 тыс. научных сотрудников АН СССР и АН союзных республик, то в следующем году число туристов научных и специализированных групп увеличилось до 17 тыс., составив 32 % от общего числа сухопутных туристов⁴². Судя по цифрам, упор делался прежде всего на страны Запада. Тогда как научный обмен с соцстранами (в основном с ГДР, ПНР и ЧССР) в 1962 г. не достиг и половины международных туристских связей Советского Союза⁴³.

Тем не менее масштабы научного туризма росли год от года, что объяснялось активизацией работы АН СССР, ССОД, Госкомитета по координации научно-исследовательских работ и других заинтересованных ведомств. От научного туризма ждали практической отдачи, надеясь, что рано или поздно количество перейдет в качество.

Но расширение деятельности АН СССР и ведомств по организации поездок ученых на международные научные конференции и съезды имело свои издержки. Помимо недокомплекта групп и отмены намеченных поездок, несвоевременного оформления документов и отсутствия полной информации о составе специализированных групп, отмечалось отсутствие согласованности в планировании поездок и работе ведомств. Направляемые для участия в научном мероприятии разными ведомствами группы не ощущали себя единой делегацией, а в ряде случаев группы формировались без учета научной квалификации участников и знания ими иностранных языков. Фиксировались и слабые в «научном отношении» доклады советских ученых⁴⁴. Отмечалось недостаточное число групп из работников одного предприятия или одной профессии, а также нехватка специалистов, «способных перенять и затем внедрить у себя новейшие достижения зарубежной науки и техники»⁴⁵.

Можно сделать заключение, что система научного туризма в СССР окончательно сложилась в 1960-е гг. Планированием и общей организацией научного туризма занимался Госкомитет по координации научно-исследовательских работ, куда АН СССР, министерства и ведомства вносили свои предложения. Заявки включались в квартальные планы и представлялись на рассмотрение правительства, а персональный состав групп рассматривала Комиссия по выездам. Выезжающие на конгрессы и конференции ученые оплачивали туристские путевки при сохранении зарплаты и права на очередной отпуск. А «Интурист» для снижения стоимости путевок ориентировался на устранение излишеств «в обслуживании

³⁸ Фрагмент из рукописи Ю. В. Иванова «Так было... Воспоминания советского инженера» // Музей энергетики Урала. URL: <http://museu.ru/blog/vospominaniya-sovetskogo-inzhenera-o-poezdke-v-angliyu-1962-g/> (дата обращения 27.07.2022).

³⁹ ГАРФ. Ф. Р-9612. Оп. 2. Д. 273. Л. 81.

⁴⁰ Там же. Д. 286. Л. 154.

⁴¹ Там же. Д. 273. Л. 84–85.

⁴² Там же. Л. 155; Д. 289. Л. 15.

⁴³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 55. Л. 15.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-9612. Оп. 2. Д. 285. Л. 78; Д. 289. Л. 17.

⁴⁵ Там же. Д. 299. Л. 56.

ученых и специалистов, выезжающих по линии научного туризма за границу»⁴⁶. Но ситуация в сфере научного туризма улучшалась довольно медленно.

Динамика и характер научных связей (и, соответственно, научного туризма) с западными странами в значительной степени совпадали с темпами проведения косыгинской реформы, но ввод советских войск в Афганистан в конце декабря 1979 г. имел негативные последствия для научного обмена между СССР и Западом, что не могло не сказаться на научном туризме. Только во второй половине 1980-х гг. резко возрастает число поездок советских туристов на международные конференции и конгрессы, симпозиумы и семинары, ярмарки и выставки. Если до «перестройки» от научного туриста требовался подробный отчет обо всех контактах с зарубежными коллегами, то постепенно сохранявшаяся практика отчетности принимала формальный характер.

Видно, что уже в довоенный период сложились основные направления научного туризма: конгрессный (с 1925 г.), промышленный и научно-экспедиционный (оба с 1931 г.). В 1920–1930-е гг. были заложены основные принципы не только внутреннего научного туризма (связь науки, туризма и производства, пропаганда пятилетних планов), но и международного (специфические «техники гостеприимства», ориентация на знаковые фигуры в мире науки, использование советских и зарубежных ученых для пропаганды достижений советского строя). Однако в этот период, в силу особенностей деятельности «Интуриста», не получил развития выездной научный туризм, история которого (особенно выставочного и специализированного) связана с изменением политики партийно-государственного руководства в отношении выезда советских граждан за границу во второй половине 1950-х гг. Просчеты в сфере советского научного туризма, помимо бюрократической волокиты и межведомственных нестыковок, объяснялись попытками совместить две взаимоисключающих установки – расширение научно-технического сотрудничества и достижение идеологического и политического эффекта от поездок. При этом автор не ставил перед собой задачу раскрыть в рамках одной статьи страновые и отраслевые особенности научного туризма в СССР, определявшиеся целым рядом факторов: уровнем отношений между государствами, которые на протяжении советской истории имели свои взлеты и падения; научной и отраслевой специализацией стран; конъюнктурными моментами и пр. Но это, в силу отмеченного выше состояния архивных коллекций (прежде всего отсутствия статистики по странам и научной принадлежности), требует анализа всего массива отчетов о поездках советских ученых и специализированных групп за весь период существования туристского ведомства.

Список литературы

- Багдасарян В. Э., Мазин К. А., Орлов И. Б. и др.** Советское зазеркалье. Иностраный туризм в СССР в 1930–1980-е годы. М.: Форум, 2007. 255 с.
- Голубев А. В.** Интеллигенция Великобритании и «новая цивилизация» (Из истории советской культурной дипломатии 1930-х гг.) // Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997. С. 258–272.
- За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки / Под ред. М. Хайнеманна и Э. И. Колчинского. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 528 с.
- Иоффе А. Е.** Культурные связи Советского Союза (1917–1932 гг.) // Вопросы истории. 1969. № 4. С. 51–66.
- Киселева О. В.** Научно-технические связи СССР с зарубежными странами (1966–1980 гг.): опыт политического руководства: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. 32 с.
- Кожевников А. В.** Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947–1952 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 4. С. 26–58.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-9612. Оп. 2. Д. 285. Л. 79.

- Козлов Б. И.** Академия наук СССР и индустриализация России: Очерк соц. истории 1925–1963. М.: Academia, 2003. 269 с.
- Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э. И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 1039 с.
- Немоляева М. Э., Ходорков Л. Ф.** Международный туризм: вчера, сегодня, завтра. М.: Международный. отношения, 1985. 174 с.
- Огурцов А. П.** Социальная история науки: стратегии, направления, проблемы // Принципы историографии естествознания: XX век. СПб., 2001. С. 34–68.
- Орлов И. Б.** В «стране ледяного ужаса»: научно-туристская экспедиция «Интуриста» в Арктику в 1931 году // Современные проблемы туризма и сервиса. 2016. Т. 10, № 4. С. 31–40.
- Орлов И., Попов А.** Импортная вещь и дух консюмеризма: потребительские аспекты выездного туризма в СССР // *Soviet and Post-Soviet Review*. 2016. Vol. 43, no. 2. P. 182–218.
- Орлов И. Б., Юрчикова Е. В.** Массовый туризм в сталинской повседневности. М.: Президентский центр Б. Н. Ельцина; РОССПЭН, 2010. 222 с.
- Попов А. Д.** Казус Кости Гуманкова: интерпретации представлений о «чести» и «достоинстве» в советском выездном туризме // НЛЮ. 2018. № 151. С. 120–136.
- Сойфер В. Н.** Власть и наука (Разгром коммунистами генетики в СССР). 4-е изд., перераб. и доп. М.: ЧеРо, 2002. 1021 с.
- Сорокина М. Ю.** Открытая сцена, или Двухсотлетний юбилей Академии наук // На переломе: Отечественная наука в конце XIX–XX вв. СПб., 2005. Вып. 3. С. 206–235.
- Холландер П.** Политические пилигримы (путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе. 1928–1978): Пер. с англ. СПб.: Лань, 2001. 590 с.
- Холодилина Ю. Е.** Теоретические аспекты развития научного туризма в регионе // Вестник ОГУ. 2011. № 13 (132). С. 500–505.

Список источников

- Воспоминания об ученых Института геологии и геохимии / Отв. ред. С. Л. Вотьяков. Екатеринбург: ИГГ УрО РАН, 2012. 231 с.
- Прием в честь делегатов XVII Международного геологического конгресса в Б. Кремлевском дворце // Комсомольская правда. 1937. № 172 (3753). С. 1.

References

- Bagdasaryan V. E., Mazin K. A., Orlov I. B., etc.** Sovetskoe zazerkal'e. Inostrannyi turizm v SSSR v 1930–1980-e gody [The Soviet Looking-Glass. Foreign Tourism in the USSR in the 1930s – 1980s]. Moscow, Forum Publ., 2007, 255 p. (in Russ.)
- Golubev A. V.** Intelligentsiya Velikobritanii i “novaya tsivilizatsiya” (Iz istorii sovetskoi kul'turnoi diplomatii 1930-kh gg.) [The Intelligentsia of Great Britain and the “New Civilization” (From the History of Soviet Cultural Diplomacy of the 1930s)]. In: Rossiya i vneshnii mir: dialog kul'tur [Russia and the Outside World: Dialogue of Cultures]. Moscow, 1997, pp. 258–272. (in Russ.)
- Hollander P.** Politicheskie piligrimy (puteshestviya zapadnykh intellektualov po Sovetskomu Soyuzu, Kitayu i Kube. 1928–1978) [Political Pilgrims (Travels of Western Intellectuals in the Soviet Union, China and Cuba. 1928–1978)]. St. Petersburg, Lan' Publ., 2001, 590 p. (in Russ.)
- Ioffe A. E.** Kul'turnye svyazi Sovetskogo Soyuz (1917–1932 gg.) [Cultural Ties of the Soviet Union (1917–1932)]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1969, no. 4, pp. 51–66. (in Russ.)

- Kholodilina Yu. E.** Teoreticheskie aspekty razvitiya nauchnogo turizma v regione [Theoretical Aspects of the Development of Scientific Tourism in the Region]. *Vestnik OGU [Bulletin of OSU]*, 2011, no. 13 (132), pp. 500–505. (in Russ.)
- Kiseleva O. V.** Nauchno-tehnicheskie svyazi SSSR s zarubezhnymi stranami (1966–1980 gg.): opyt politicheskogo rukovodstva. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Scientific and Technical Relations of the USSR with Foreign Countries (1966–1980): Experience of Political Leadership. Abstract Thesis Cand. Hist. Sci.]. Moscow, 1995, 32 p. (in Russ.)
- Kozhevnikov A. V.** Iгры stalinskoj demokratii i ideologicheskie diskussii v sovetskoj nauke: 1947–1952 gg. [The Games of Stalinist Democracy and Ideological Discussions in Soviet Science: 1947–1952]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki [Questions of the History of Natural Science and Technology]*, 1997, no. 4, pp. 26–58. (in Russ.)
- Kozlov B. I.** Akademiya nauk SSSR i industrializatsiya Rossii: Oчерk sotsial'noi istorii 1925–1963 [The Academy of Sciences of the USSR and the Industrialization of Russia: An Essay by Social Histories 1925–1963]. Moscow, Academia Publ., 2003, 269 p. (in Russ.)
- Nauka i krizisy. Istoriko-sravnitel'nye oчерki [Science and Crises. Historical and Comparative Essays]. Ed., comp. by E. I. Kolchinsky. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2003, 1039 p. (in Russ.)
- Nemolyaeva M. E., Khodorkov L. F.** Mezhdunarodnyi turizm: vchera, segodnya, zavtra [International Tourism: Yesterday, Today, Tomorrow]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1985, 174 p. (in Russ.)
- Ogurtsov A. P.** Sotsial'naya istoriya nauki: strategii, napravleniya, problemy [Social History of Science: Strategies, Directions, Problems]. In: *Printsipy istoriografii estestvoznaniya: XX vek [Principles of Historiography of Natural Science: 20th Century]*. St. Petersburg, 2001, pp. 34–68. (in Russ.)
- Orlov I. B.** V “strane ledyanogo uzhasa”: nauchno-turistskaya ekspeditsiya “Inturista” v Arktiku v 1931 godu [In the “Land of Ice Horror”: Scientific and Tourist Expedition of “Intourist” to the Arctic in 1931]. *Sovremennye problemy turizma i servisa [Modern Problems of Tourism and Service]*, 2016, vol. 10, no. 4, pp. 31–40. (in Russ.)
- Orlov I., Popov A.** Importnaya veshch' i dukh konsyumerizma: potrebitel'skie aspekty vyezdnogo turizma v SSSR [Imported Thing and the Spirit of Consumerism: Consumer Aspects of Outbound Tourism in the USSR]. *Soviet and Post-Soviet Review*, 2016, vol. 43, no. 2, pp. 182–218. (in Russ.)
- Orlov I. B., Yurchikova E. V.** Massovyj turizm v stalinskoj povsednevnosti [Mass Tourism in Stalin Era's Everyday Life]. Moscow, Prezidentskii tsentr B. N. Yeltsina, ROSSPEN Publ., 2010, 222 p. (in Russ.)
- Popov A. D.** Kazus Kosti Gumankova: interpretatsii predstavlenii o “chesti” i “dostoinstve” v sovetskom vyezdnom turizme [The Case of Kostya Gumankov: Interpretations of Ideas about “Honor” and “Dignity” in Soviet Outbound Tourism]. *Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]*, 2018, no. 151, pp. 120–136. (in Russ.)
- Soifer V. N.** Vlast' i nauka (Razgrom kommunistami genetiki v SSSR) [Power and Science (The Defeat of Genetics by the Communists in the USSR)]. 4th ed. Moscow, CheRo Publ., 2002, 1021 p. (in Russ.)
- Sorokina M. Yu.** Otkrytaya stsena, ili Dvukhsotletnii yubilei Akademii nauk [Open Stage, or the Bicentennial Anniversary of the Academy of Sciences]. In: *Na perelome: Otechestvennaya nauka v kontse XIX–XX vv. [At the Turning Point: Russian Science at the End of the 19th – 20th Centuries]*. St. Petersburg, 2005, iss. 3, pp. 206–235. (in Russ.)
- Za “zheleznyim zanavesom”: mify i realii sovetskoj nauki [Behind the “Iron Curtain”: Myths and Realities of Soviet Science]. M. Heinemann, E. I. Kolchinsky (eds.). St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2002, 528 p. (in Russ.)

List of Sources

- Priem v chest' delegatov XVII Mezhdunarodnogo geologicheskogo kongressa v B. Kremlevskom dvortse [Reception in Honor of the Delegates of the XVII International Geological Congress in the B. Kremlin Palace]. *Komsomol'skaya pravda* [*Komsomol Truth*], 1937, no. 172 (3753), p. 1. (in Russ.)
- Vospominaniya ob uchenykh Instituta geologii i geokhimii [Memoirs about Scientists of the Institute of Geology and Geochemistry]. Ed. by S. L. Votyakov. Yekaterinburg, IGG UrO RAN, 2012, 231 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Игорь Борисович Орлов, доктор исторических наук, профессор
Scopus Author ID 55387784800
WoS Researcher ID J-3590-2015

Information about the Author

Igor B. Orlov, Doctor of Sciences (History), Professor
Scopus Author ID 55387784800
WoS Researcher ID J-3590-2015

*Статья поступила в редакцию 28.07.2022;
одобрена после рецензирования 04.09.2022; принята к публикации 10.11.2022
The article was submitted on 28.07.2022;
approved after reviewing on 04.09.2022; accepted for publication on 10.11.2022*

Научная статья

УДК 930.1

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-126-136

Раннехристианские сюжеты в творчестве Б. Ф. Поршнева: опыт анализа

Ольга Вадимовна Метель

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Омск, Россия

olgametel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6981-6137>

Аннотация

Автор анализирует взгляды Б. Ф. Поршнева на проблему возникновения христианства. Опираясь на опубликованные и неопубликованные работы ученого, автор показывает, что ученый стремился вписать историю раннего христианства в общий контекст классовой борьбы человечества, рассматривая его в качестве идеологической основы антирабовладельческой революции, потрясавшей Римскую империю в первые столетия новой эры. Однако столь очевидное стремление революционизировать христианство и представить его основателя в качестве героя народного движения, чей образ в дальнейшем приобрел мессианские черты, противоречило общему подходу к истории данной религии, укоренившемуся в советской науке. Именно поэтому специальные статьи Б. Ф. Поршнева по истории раннего христианства так и не вышли из печати.

Ключевые слова

советская историография, Б. Ф. Поршнев, раннее христианство, советский марксизм, новозаветная литература, историческая и мифологическая школы, революция рабов, Иисус Христос

Благодарности

Исследование проводилось при поддержке РФФИ, проект № 20-09-41014

Для цитирования

Метель О. В. Раннехристианские сюжеты в творчестве Б. Ф. Поршнева: опыт анализа // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 8: История. С. 126–136. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-126-136

The History of the Early Christianity in B. F. Porshnev's Works: An Attempt for the Analysis

Olga V. Metel

Dostoevsky Omsk State University

Omsk, Russian Federation

olgametel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6981-6137>

Abstract

The article analyzes B. F. Porshnev's approach to the history of Early Christianity. Based on the study of the published and unpublished works of the Soviet scientist, the author establishes that B. F. Porshnev had a goal to add the history of Early Christianity into the general context of the class struggle, considering it the ideological basis of the anti-slavery revolution that shook the Roman Empire in the first centuries of CE. However, the attempt to present Christianity as a revolutionary force and its founder as a hero of a people's movement contradicted the general Soviet approach to the history of this religion. In the 1960s, B. F. Porshnev questioned the version of the dating of the "Apocalypse" that dominated Soviet historiography and criticized the theory of the anti-slavery revolution.

© Метель О. В., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 8: История. С. 126–136

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 8: History, pp. 126–136

B. F. Porshnev heavily relied on R. Yu. Wipper and A. Robertson's ideas, which other Soviet scientists criticized. For the above reasons, B. F. Porshnev's articles on the history of Early Christianity were banned from publishing, and colleagues criticized his conclusions. After 1965, he lost interest in the history of Early Christianity due to the completion of his goal to build a theory of the development of the class struggle from antiquity to the present and add the history of Early Christianity to this grand scheme.

Keywords

Soviet historiography, Boris Fedorovich Porshnev, Early Christianity, Soviet Marxism, New Testament studies, historical and mythological schools, anti-slave revolution, Jesus Christ

Acknowledgements

The study was supported by a grant from the RFBR, project no. 20-09-41014.

For citation

Metel O. V. The History of the Early Christianity in B. F. Porshnev's Works: An Attempt for the Analysis. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 8: History, pp. 126–136. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-126-136

Обращаясь к анализу советской историографии всеобщей истории, современный исследователь вряд ли сможет оставить без внимания фигуру Б. Ф. Поршнева (1905–1972), ученого, известного далеко за пределами СССР, но при этом имевшего в глазах современников весьма неоднозначную и даже скандальную репутацию. Недаром, П. Ю. Уваров сравнивал ее с репутацией ярмарочного монстра [Уваров, 2015, с. 139], а А. Я. Гуревич в своем последнем интервью хотя и признавал за Б. Ф. Поршневым смелость мысли, но тут же оговаривался, что эту мысль «сплошь и рядом приходилось определять как сгазу» (Гуревич, Степанов, 2006, с. 181). Виной тому, безусловно, был весьма специфический исследовательский почерк Б. Ф. Поршнева, стремившегося, по меткому выражению А. В. Гордона, к «системосозиданию» [Гордон, 2018, с. 169], а не «коллекционированию фактов», являвшемуся столь распространенным в советской науке. Об этой черте научного подхода ученого писала в своих воспоминаниях и его дочь, Е. Б. Поршнева, отмечавшая, что ее отец действительно всегда стремился подняться до определенного уровня научных обобщений и не считал нужным дотошно фиксировать «сто однотипных, идентичных фактов – достаточно двух-трех» (Поршнева, 2007, с. 563).

Подобное стремление к генерализациям сочеталось в трудах Б. Ф. Поршнева с еще одним весьма неоднозначным для его коллег желанием выйти за пределы узкой дисциплинарной области и создать метадисциплинарные проекты, связанные с поиском начал человеческой истории или разработкой ее общих теоретических основ. Для этого он обращался к методам философии, психологии, физиологии и других дисциплин, и тем самым как вспоминала Л. Ф. Туполева, представлял советским историкам, всегда осторожно относившимся к методологическим новациям, дополнительную возможность упрекнуть его в том, что он слишком «разбрасывается» (Туполева, 2005, с. 73). Действительно, у советских медиевистов и новистов, привыкших в течение десятилетий работать с материалом по одной и той же или смежной проблематике, один только перечень его конкретно-исторических штудий вызывал немало вопросов, а ведь Б. Ф. Поршнева всерьез занимался поисками снежного человека и проводил опыты по добыванию огня. И эти исследовательские проекты были характерны отнюдь не для раннего периода творческой деятельности ученого, искавшего себя в бурные послереволюционные годы. Напротив, вся его научная жизнь была связана с поиском новых тем и сюжетов, среди которых оказывались народные восстания эпохи Фронды, закономерности развития феодализма, проблемы Тридцатилетней войны, азиатский способ производства, история социалистических идей и др.

Нашлось в этом ряду место и для истории раннего христианства, попавшего в сферу исследовательских интересов Б. Ф. Поршнева во второй половине 1950-х гг. Об этом повороте научной мысли советского ученого нам сообщают его современники. Так, в воспоминаниях Е. Б. Поршневой есть краткое упоминание о том, что у ее отца были планы написать монографию об Иисусе Христе (Поршнева, 2007, с. 573), а А. В. Гордон, опираясь на материалы О. Т. Вите, утверждает, что ученый не только подал заявку в издательство «Молодая гвар-

дия» на публикацию труда об Иисусе, но и подготовил специальную статью для журнала «Наука и религия», в которой постарался осветить проблему возникновения христианства [Гордон, 2018, с. 202]. Однако и для коллег Б. Ф. Поршнева, и для современных историографов новое увлечение советского ученого не представляло существенного интереса и, на мой взгляд, выступало в роли дополнительного подтверждения многогранности таланта этого творческого человека. Недаром в трудах современных отечественных новистов этот аспект научной биографии Б. Ф. Поршнева традиционно не упоминается [Чеканцева, 2005], а в исследованиях О. Т. Вите и А. В. Гордона ему отводится весьма скромная роль, связанная с изложением общих религиозно-исторических изысканий историка [Гордон, 2018, с. 201–202].

Вероятно, с точки зрения реконструкции научной биографии Б. Ф. Поршнева такой подход выглядит вполне оправданным. Ведь труды ученого, посвященные раннему христианству, в большинстве своем так и остались неопубликованными, а сама тематика – вскоре заброшенной. Однако для исследователя отечественного религиоведения подобный тематический поворот советского франковеда, посвятившего докторскую диссертацию истории XVII в. (хотя, как убедительно показали современные историографы, эта тематика была выбрана ученым во многом случайно [Кондратьева, 2016]), к событиям рубежа I тыс. до н. э. – I тыс. н. э., представляет существенный интерес и выходит далеко за рамки курьеза индивидуальной творческой биографии. Так, я полагаю, что случай с раннехристианскими исследованиями Б. Ф. Поршнева дает возможность более детально проанализировать специфику развития данной предметной области в СССР в 1950–1960-е гг., т. е. в то время, когда в советской науке развернулась дискуссия по ключевым аспектам проблемы происхождения христианства (историчность Иисуса Христа, место и время возникновения христианства, датировка новозаветной литературы и др.), способствовавшая пересмотру отдельных положений прежней конвенциональной модели [Метель, 2012, с. 80–100]. В результате в рамках настоящей статьи, опираясь на опубликованные труды Б. Ф. Поршнева и неопубликованные рукописи и машинописи его работ (ранее не введенные в научный оборот), отложившиеся в фонде историка в ОР РГБ и в фонде Института истории АН СССР в НА ИРИ РАН, мной будет предпринята попытка реконструировать взгляды ученого на проблему происхождения христианства и представить их в контексте общего развития советской историографии второй половины 1950-х – первой половины 1960-х гг.

В целом, как свидетельствуют материалы ОР РГБ, первые замечания относительно проблемы происхождения христианства были сделаны Б. Ф. Поршневым еще в середине 1950-х гг., когда исследователь активно занимался изучением закономерностей развития феодализма. В частности, в 1955 г. он приступил к подготовке статьи «Христианство как составная часть надстройки в феодальной общественной формации»¹, которая в дальнейшем стала основой для отдельной главы в обобщающем труде Б. Ф. Поршнева «Феодализм и народные массы» (Поршнева, 1964, с. 380–410). Именно в этом тексте, анализируя специфику функционирования надстройки в феодальном обществе и определяя религию в качестве ее составного элемента, выполнявшего репрессивную функцию и подавлявшего любой протест против господствующих классов, советский ученый высказал некоторые общие суждения о причинах возникновения христианства. Так, ссылаясь на Ф. Энгельса и используя концепцию революции рабов, укоренившуюся в советской историографии в 1930-е гг., Б. Ф. Поршнева представил раннее христианство как революционную силу, сплотившую всех, кто был недоволен властью Рима (Там же, с. 389). Правда, постепенно, по мере перехода от множества сект к твердой церковной организации, революционный дух раннего христианства сменялся стремлением выступить в поддержку имущих классов, и религия рабов вскоре превратилась в религию рабовладельцев, окончательно приобретая реакционный характер в эпоху Средневековья (Там же, с. 391).

¹ ОР РГБ. Ф. 684. К. 27. Ед. хр. 3.

Предложив подобную теоретическую конструкцию, которая, безусловно, не была оригинальной, но всё же несколько отличалась от разработок большинства советских историков, Б. Ф. Поршнева решил не останавливаться на сделанных выводах и в начале 1960-х гг. предпринял попытку внести более весомый вклад в разработку конкретных сюжетов, связанных с проблемой возникновения христианства. И в этом стремлении он был не одинок: еще во второй половине 1950-х гг. немало советских ученых, ранее специализировавшихся на совершенно иной проблематике, также приступили к разработке истории раннего христианства. В их числе оказались сотрудник сектора древней истории Института истории АН СССР Я. А. Ленцман, в 1948 г. защитивший диссертацию о делосской хлебной торговле, ленинградский антиковед С. И. Ковалев, с 1956 г. возглавлявший Музей истории религии и атеизма при АН СССР, бывший археолог М. М. Кубланов, также в эти годы сотрудничавший с названным музеем, византинист А. П. Каждан и др. Все они опубликовали во второй половине 1950-х – 1960-х гг. научные и научно-популярные труды по истории первых четырех веков христианства, внося немало уточнений в ту версию происхождения данной религии, которая была разработана на рубеже 1930–1940-х гг. А. Б. Рановичем и фактически приобрела в советской науке статус конвенциональной. Так, С. И. Ковалев, А. П. Каждан и М. М. Кубланов поставили под сомнение мифологический характер личности Иисуса Христа и внепалестинскую теорию происхождения христианства [Метель, 2012, с. 85–88], тем самым спровоцировав дискуссию между представителями так называемых исторической и мифологической школ [Лившиц, 1970, с. 134, 173], продолжавшуюся в советской науке на протяжении 1960-х гг.

Причины актуализации в советской историографии второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. проблемы происхождения христианства, ранее интересовавшей преимущественно пропагандистов-антирелигиозников, были связаны как с внешними, так и с внутренними факторами, определявшими развитие научных дисциплин в СССР. Так, с одной стороны, именно в середине 1950-х гг. изменилась антирелигиозная политика советского государства, вернувшегося в разгар десталинизации к наступлению на «религиозные пережитки». Правда, теперь главным средством борьбы с ними были объявлены не методы воинствующего безбожия образца 1930-х гг., а инструменты, имевшиеся в распоряжении представителей естественных и гуманитарных наук, которые должны были наглядно продемонстрировать верующим абсурдность религиозных идей (Об ошибках..., 1965, с. 81–82). Этот курс на обновление методов антирелигиозной работы поддерживали и советские ученые, подчеркивавшие, как, к примеру, М. Я. Сюзюмов в личной переписке с А. П. Кажданом, что методология большинства профессиональных антирелигиозников практически не отличается от приемов, используемых самым «заскорузлым попином»². Таким образом, новые задачи антирелигиозной деятельности сделали необходимым проведение новых исследований в области истории раннего христианства. Эту же задачу отчетливо обозначали и новые научные открытия, в частности рукописи Мертвого моря, случайно обнаруженные в пещерах Кумрана в 1947 г. и быстро приобретшие статус сенсационной находки, способной перевернуть представления о раннем христианстве. Советские исследователи получили возможность познакомиться с новыми рукописями именно во второй половине 1950-х гг. [Старкова, 1956], и в результате эти свитки поставили перед ними немало вопросов об иудейских корнях христианской религии и даже заставили усомниться в справедливости внепалестинской теории происхождения последней [Metel, 2021].

Именно в эти споры и включился Б. Ф. Поршнева, ранее уже имевший весьма богатый опыт ведения дискуссий со своими коллегами [Кондратьев, Кондратьева, 2020]. Свои взгляды на проблему происхождения христианства он изложил 2 марта 1960 г. на заседании сектора истории религии и атеизма Института истории АН СССР, представив перед собравшимися доклад на тему «Вопросы датировки и исторических условий возникновения новоза-

² ГАСО. Р-802. Оп. 1. Д. 153. Л. 9.

ветной литературы» (на его основе была подготовлена статья для ежегодника «Вопросы истории религии и атеизма», однако она не сохранилась)³. Спустя четыре года он уточнил и дополнил высказанные ранее тезисы и представил в журнал «Наука и религия» весьма «желанную»⁴ для редакции статью «Некоторые вопросы возникновения христианства»⁵. В целом и тезисы доклада, и неопубликованная статья представляют схожую картину возникновения и развития христианской религии. Исходной точкой рассуждений Б. Ф. Поршнева является тезис о том, что наиболее продуктивным для решения проблемы возникновения христианства, которую, по словам ученого, нужно отличать от проблемы его происхождения, трактуемой им в качестве идейной подготовки данной религии в I в., является филологический подход, связанный с анализом новозаветных текстов⁶. Этот подход, по словам Б. Ф. Поршнева, был удачно использован в трудах А. Б. Рановича, С. И. Ковалева, Р. Ю. Виппера и Я. А. Ленцмана, представивших целостную картину создания раннехристианской литературы. Однако сам Б. Ф. Поршнева был готов согласиться далеко не со всеми тезисами большинства названных авторов и, следуя за Р. Ю. Виппером, настаивал на необходимости передатировать все памятники Нового Завета, связав их появление с событиями II в. н. э., а именно с восстанием Бар-Кохбы⁷. В целом он утверждал, что именно под влиянием поражения данного народного движения многочисленные иудейские секты приступили к согласованию своих позиций и объединению вокруг образа Иисуса, созданного на основе фигуры реального руководителя борьбы против Рима и в дальнейшем признанного Христом⁸. Причем прежде сторонникам Иисуса удалось одержать победу над теми, кто предлагал сплотиться вокруг образов Иоанна Крестителя и Петра – Симона, также связанных с именами реальных лидеров антиримских выступлений периода иудейских войн. Таким образом, по словам Б. Ф. Поршнева, христианство возникло вследствие поражения восстания Бар-Кохбы и являлось составной частью общей антирабовладельческой революции, которая, как он подчеркивал в одной из других работ, не имела ни начала, ни конца и была похожа на «затопление волнами океана некогда неприступного материка»⁹.

Реакция научного сообщества на идеи Б. Ф. Поршнева оказалась неоднозначной. Об этом, в частности, свидетельствуют уже материалы обсуждения его доклада. Так, если верить стенограмме и записям самого Б. Ф. Поршнева, сделанным им, вероятно, во время развернувшихся прений, то Я. А. Ленцман, И. А. Крывелев и М. М. Шейнман поставили под сомнение предложенную автором хронологию новозаветных текстов, ссылаясь на ее недостаточную аргументированность и несоответствие выводам классиков марксизма¹⁰. И лишь А. П. Каздан прямо указал, что прозвучавшие тезисы являются новым словом в науке и должны быть непременно опубликованы автором¹¹. Не было единства мнений и у рецензентов неопубликованных статей Б. Ф. Поршнева, отмечавших как смелость мысли историка, справедливо отвергавшего банальные тезисы антирелигиозной пропаганды, так и очевидные недостатки его построений, связанные с невниманием к многочисленным деталям иудейской истории I в. н. э.¹²

Иными словами, уже современники определяли идеи Б. Ф. Поршнева как любопытные, но не достаточно фундированные, и, вероятно, историограф во многом может согласиться с этими оценками. Во всяком случае, сохранившиеся материалы отчетливо свидетельствуют о том, что Б. Ф. Поршнева, хотя и позиционировал себя как сторонник филологического под-

³ ОР РГБ. Ф. 684. К. 27. Ед. хр. 6.

⁴ Там же. Ед. хр. 4. Л. 1.

⁵ Там же. Ед. хр. 4.

⁶ Там же. Л. 4; Ед. хр. 6. Л. 1.

⁷ Там же. Ед. хр. 4. Л. 25; Ед. хр. 6. Л. 2.

⁸ Там же. Ед. хр. 4. Л. 43–44; Ед. хр. 6. Л. 3.

⁹ Там же. К. 21. Ед. хр. 10. Л. 33.

¹⁰ Там же. К. 27. Ед. хр. 6. Л. 4–7; НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1710. Л. 29–31.

¹¹ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1710. Л. 30.

¹² ОР РГБ. Ф. 684. К. 27. Ед. хр. 6. Л. 14–17.

хода к истории раннего христианства, был не слишком внимателен к данным источников. Он работал с их переводами на русский язык и отнюдь не стремился погружаться в тонкости анализа отдельных текстов Нового Завета. Напротив, как и в случае с французским материалом по истории XVII в., Б. Ф. Поршневым скорее шел от исходной схемы, стремясь подтвердить высказанный им ранее тезис о революционном характере раннего христианства, ставшего частью антирабовладельческой революции. Последняя же, если судить по тексту специальной главы «Генезис социальной революции» в неопубликованной монографии Б. Ф. Поршнева «Докапиталистические способы производства» [Вите, Гордон, 2006, с. 187]¹³, также встраивалась автором в общий контекст эволюции классовой борьбы человечества, представляя собой своего рода «утреннюю зарю» социальных потрясений¹⁴.

Однако, принимая в расчет сказанное, я все же рискну сделать весьма смелое предположение и заметить, что если бы речь шла только о недостаточной фундированности работ Б. Ф. Поршнева, то, вероятно, они всё же могли бы появиться в советской печати, весьма лояльно относившейся к трудам на столь актуальную и идеологически значимую тему. Более того, не мог стать препятствием для обнародования результатов исследований советского франковеда в области раннехристианской истории и тот факт, что немало тезисов, высказанных им в докладе 1960 г. и в статье 1964 г., сложно назвать оригинальными. Так, революционный характер раннего христианства и общее направление его эволюции от религии рабов к религии рабовладельцев признавали Ф. Энгельс, сравнивавший социал-демократическое движение второй половины XIX в. с сектами ранних христиан (Энгельс, 1962, с. 467)), К. Каутский, видевший в Иисусе Христе революционера (Каутский, 1919), Р. Ю. Виппер, полагавший, что христианство постепенно изменяло своему революционному духу (Виппер, 1918), А. Робертсон, подчеркивавший черты героя народного движения в образе Иисуса (Робертсон, 1959), и др. Да и в работах главного советского специалиста по этой теме, А. Б. Рановича, в целом также можно найти схожие идеи. Другое дело, что для советских ученых христианство не могло быть связано с реальным протестом народных масс против власти Рима (Ранович, 1941, с. 54), ведь антирелигиозная пропаганда настаивала на том, что религия может дать лишь иллюзорное утешение и отвлечь страждущих и обремененных от настоящей борьбы. Недаром в работах того же А. Б. Рановича, С. И. Ковалева и их коллег все «неудобные» параллели, проводимые Ф. Энгельсом, традиционно затушевывались, а выводы К. Каутского, Р. Ю. Виппера и А. Робертсона ставились под сомнение или вовсе отвергались как «дилетантские» и «немарксистские» (случай Р. Ю. Виппера (Абрам Борисович Ранович, 2018, с. 130)) или необоснованные (случай А. Робертсона (Ковалев, 1959, с. 6–25)).

Б. Ф. Поршневым же как будто не замечал этих проблемных аспектов своих выводов и прямо подчеркивал преемственность собственных взглядов с идеями А. Робертсона и Р. Ю. Виппера¹⁵, которые он к тому же увязывал с весьма спорной для историков 1960-х гг. теорией революции рабов. Причины выбора Б. Ф. Поршневым столь неоднозначных и «неудобных» авторитетов, вероятно, были обусловлены несколькими обстоятельствами. В первую очередь стоит признать, что Б. Ф. Поршневым действительно высоко ценил указанных авторов, особенно Р. Ю. Виппера, которого он называл учителем своего учителя В. П. Волгина и даже позиционировал себя как продолжателя его религиозно-философских изысканий (недаром его статья «Некоторые вопросы возникновения христианства» была посвящена Р. Ю. Випперу¹⁶). Более того, вероятно, для Б. Ф. Поршнева выводы Р. Ю. Виппера – А. Робертсона и являлись истинно марксистскими, так как позволяли выстроить концепцию возникновения христианства, соответствовавшую базовым постулатам марксистско-ленинской теории, отказывавшей религии в самостоятельной истории и видевшей в религиозных движениях древности и Средневековья социальную основу.

¹³ ОР РГБ. Ф. 684. К. 21. Ед. хр. 10.

¹⁴ Там же. Л. 28.

¹⁵ Там же. К. 27. Ед. хр. 4. Л. 3, 46, 52; К. 21. Ед. хр. 10. Л. 28; НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1710. Л. 29.

¹⁶ ОР РГБ. Ф. 684. К. 27. Ед. хр. 4. Л. 3.

Правда, в этом случае Б. Ф. Поршневу, претендовавшему на единственно верное прочтение марксизма, нужно было приложить немало усилий, чтобы объяснить причины расхождения своих взглядов на датировку новозаветных текстов, в частности Апокалипсиса, со взглядами Ф. Энгельса. Ведь если советский франковед, вслед за Р. Ю. Виппером, относил этот памятник раннехристианской литературы к 130-м гг. н. э., то «классик № 1» в изучении раннехристианской истории, а за ним и все советские ученые, датировали Откровение св. Иоанна Богослова 68 г. н. э. (Энгельс, 1961; Ранович, 1941, с. 51). Стремясь снять столь очевидное противоречие, отечественный франковед, с одной стороны, оправдывал Ф. Энгельса, который якобы был вынужден принять ошибочную датировку Апокалипсиса, предложенную Ф. Бенари, чтобы не соглашаться с гиперкритикой Б. Бауэра¹⁷, а с другой – приводил в пользу своих идей чисто филологические аргументы, полагая, что текст Откровения состоял из пяти разновременных хронологических пластов, один из которых можно связать с правлением Нерона, но весь памятник всё же надлежит отнести к правлению Антонина Пия¹⁸.

Однако, несмотря на столь сложную аргументацию, Б. Ф. Поршневу так и не смог убедить коллег в справедливости предложенной им конструкции. В результате для специалистов по истории раннего христианства, неоднократно сталкивавшихся с приемами «перетолкования» идей «классиков» в угоду текущей конъюнктуры или в силу появления новых научных данных¹⁹, его прочтение трудов Ф. Энгельса оказалось избыточным, а филологические аргументы, напротив, – недостаточно убедительными. И такую ситуацию вряд ли можно назвать случайной. Ведь сделанная с опорой на Ф. Энгельса датировка Апокалипсиса 68 г. н. э. для советской историографии была решающим аргументом как в пользу внепалестинской теории происхождения христианства, так и в пользу гипотезы о мифологическом характере личности его основателя. Другими словами, именно она являлась прочным фундаментом всей советской марксистско-ленинской конструкции, объяснявшей рождение новой религии. Б. Ф. Поршневу же, перенося время создания Откровения св. Иоанна Богослова на середину II в. н. э. и связывая процесс возникновения христианства с восстанием Бар-Кохбы (которое, в свою очередь, оказывалось звеном в общей антирабовладельческой революции!), разрушал принятую конвенцию, предлагая пересмотреть не ее второстепенные детали (к примеру, вопрос об историчности Иисуса Христа, который можно было признать неважным для марксистского анализа (Кубланов, 1964, с. 323)), а базовые компоненты, выстроенные с учетом данных источников, выводов «классиков» и ключевых положений антирелигиозной пропаганды.

С учетом сказанного нет ничего удивительного в том, что работы Б. Ф. Поршнева так и не вышли из печати, а монография об Иисусе Христе осталась ненаписанной, сохранившись в Отделе рукописей РГБ в виде разрозненных заметок преимущественно методологического характера²⁰. Да и у самого Б. Ф. Поршнева интерес к раннехристианской проблематике вскоре угас, что, на мой взгляд, можно объяснить довольно банально: представив рождение христианства в качестве одного из эпизодов в истории классовой борьбы человечества, он посчитал данный исследовательский проект завершенным и обратился к следующему научному сюжету. Тем более что именно в 1960-е гг. советский франковед увлекся социальной психологией и постарался предложить целостную интерпретацию религиозной веры как элемента человеческой психики (Поршневу, 1966).

Тем не менее, если посмотреть на эпизод кратковременного интереса Б. Ф. Поршнева к раннехристианской истории не с позиций индивидуальной научной биографии, а с точки зрения развития науки о религиях в СССР, то он приобретает иное звучание и наталкивает нас на небезыңтересные размышления об особенностях функционирования советской библеистики. Так, в частности, пример Б. Ф. Поршнева демонстрирует относительную скорость

¹⁷ ОР РГБ. Ф. 684. К. 27. Ед. хр. 4. Л. 23.

¹⁸ Там же. Л. 9; Ед. хр. 6. Л. 2.

¹⁹ Там же. Ед. хр. 6. Л. 14.

²⁰ Там же. Ед. хр. 5.

и простоту вхождения специалиста в пространство библейской критики: ведь, не являясь ни гебраистом, ни антиковедом и не работая с источниками на языке оригинала, советский исследователь мог претендовать на разрешение базовых проблем раннехристианской истории и построение общей концепции ее развития в I–II вв. н. э. Безусловно, этот тезис можно попытаться оспорить ссылкой на особый характер личности Б. Ф. Поршнева, легко менявшего научную специализацию и выстраивавшего всё новые системы в самых разных хронологических и предметных областях. Однако стоит напомнить, что пример Б. Ф. Поршнева не был уникальным, и, как уже было отмечено выше, в 1950–1960-е гг. в СССР раннехристианская история становилась ареной приложения сил специалистов, ранее занимавшихся изучением иных проблем древней и средневековой истории. Причем в сферу библейских исследований они приходили не только как популяризаторы, стремившиеся, как, к примеру, А. П. Каждан, внести свой вклад в борьбу с упрощенными антирелигиозными схемами, но и как исследователи-профессионалы, закладывавшие основы марксистского подхода к истории раннего христианства и транслировавшие их далеко за пределами советской науки [Lenzman, 1965]. Более того, само стремление отечественного франковеда к широким генерализациям не было особой чертой именно его раннехристианских штудий. Уже А. Б. Ранович, один из признанных советских «классиков» в изучении данной темы, стремился к построению максимально схематичного нарратива, очерчивая основные линии развития христианства в I–IV вв. н. э. В результате, я полагаю, что если бы Б. Ф. Поршнева демонстрировал не столь очевидную зависимость от идей Р. Ю. Виппера и А. Робертсона и не акцентировал внимание на революционном характере новой религии, ставшей идейным компонентом антирабовладельческой революции, которая очень напоминала весьма спорную идею о революции рабов, то он вполне мог бы стать одним из представителей так называемой советской исторической школы в изучении раннего христианства и внести свой вклад в историзацию образа Иисуса Христа.

Список литературы

- Вите О. Т., Гордон А. В.** Борис Федорович Поршнева (1905–1972) // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 181–200.
- Гордон А. В.** Историки железного века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 448 с.
- Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н.** А. Д. Люблинская versus Б. Ф. Поршнева: Что было не так в книге «Народные восстания во Франции перед Фрондой»? // Французский ежегодник. М., 2020. Т. 53. С. 257–292. DOI 10.32608/0235-4349-2020-1-53-257-292
- Кондратьева Т. Н.** От исторической фактуры к социологическим фигурам, или Как кардинал де Рец обратил Бориса Федоровича Поршнева во франковеда // Новый исторический вестник. 2016. № 4 (50). С. 145–164.
- Лившиц Г. М.** Очерки историографии Библии и раннего христианства. Минск: Высш. шк., 1970. 408 с.
- Метель О. В.** Советская модель изучения первоначального христианства (1920–1990-е гг.). Омск: Полиграфический центр КАН, 2012. 169 с.
- Старкова К. Б.** Рукописи из окрестностей Мертвого моря // Вестник древней истории. 1956. № 1. С. 87–101.
- Уваров П. Ю.** Между ежами и лисами: заметки об историках. М.: НЛЮ, 2015. 280 с.
- Чеканцева З. А.** Борис Федорович Поршнева: штрихи к портрету большого ученого // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972). М., 2005. С. 37–47.
- Lenzman I.** Los orígenes del cristianismo. México: [б. и.], 1965. 286 p.
- Metel O.** On the History of Exploring the Qumran Manuscripts in the URSS in the 1950s and 1980s // Цайтшрыфт. 2021. № 8 (13). С. 176–190.

Список источников

- Абрам Борисович Ранович: документы и материалы / Под ред. С. Б. Криха; сост., предисл. и примеч. А. И. Ключева, О. В. Метель. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2018. 263 с.
- Виппер Р. Ю.** Возникновение христианства. М.: Фарос, 1918. 118 с.
- Гуревич А. Я., Степанов Б. Е.** «Быть дольше в стороне мне казалось невозможным...» (последнее интервью А. Я. Гуревича, 11 июня 2006 года) // НЛЮ. 2006. № 5 (81). С. 175–193.
- Каутский К.** Происхождение христианства. Пг.: Лит.-изд. отд. Нар. ком. по просвещению, 1919. 384 с.
- Ковалев С. И.** Вступительная статья // Робертсон А. Происхождение христианства. 2-е изд. М., 1959. С. 5–26.
- Кубланов М. М.** Иисус христос – бог, человек, миф? М.: Наука, 1964. 167 с.
- Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения. Постановление ЦК КПСС [11 ноября 1954 г.] // О религии и церкви (сборник документов). М., 1965. С. 77–82.
- Поршнева Е. Б.** Феодализм и народные массы. М.: Наука, 1964. 520 с.
- Поршнева Е. Б.** Социальная психология и история. М.: Наука, 1966. 213 с.
- Поршнева Е. Б.** Реальность воображения (записки об отце) // Поршнева Е. Б. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). СПб., 2007. С. 539–575.
- Ранович А. Б.** Очерк истории раннехристианской церкви. М.: ОГИЗ, ГАИЗ, 1941. 260 с.
- Робертсон А.** Происхождение христианства / Общ. ред., вступ. ст. и послесл. С. И. Ковалева. 2-е изд. М.: Иностр. лит., 1959. 323 с.
- Туполева Л. Ф.** Вспоминая Б. Ф. Поршнева // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972). М., 2005. С. 70–75.
- Энгельс Ф.** Книга Откровения // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. Т. 21. С. 7–13.
- Энгельс Ф.** К истории первоначального христианства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1962. Т. 22. С. 465–492.

References

- Chekantseva Z. A.** Boris Fedorovich Porshnev: shtrikhi k portretu bol'shogo uchenogo [Boris Fedorovich Porshnev: Touches to the Portrait of a Great Scientist]. In: *Frantsuzskii ezhegodnik 2005: Absolyutizm vo Frantsii. K 100-letiyu B. F. Porshneva (1905–1972)* [French Yearbook 2005: Absolutism in France. To the 100th Anniversary of B. F. Porshnev (1905–1972)]. Moscow, 2005, pp. 37–47. (in Russ.)
- Gordon A. V.** Istoriki zheleznogo veka [Historians of the Iron Age]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2018, 448 p. (in Russ.)
- Kondratiev S. V., Kondratieva T. N.** A. D. Lyublinskaya versus B. F. Porshnev: Chto bylo ne tak v knige “Narodnye vosstaniya vo Frantsii pered Frondoi”? [A. D. Lublinskaya versus B. F. Porshnev: What Was Wrong in the Book “People’s Uprisings in France before the Fronde”?] In: *Frantsuzskii ezhegodnik* [The French Yearbook], 2020, vol. 53, pp. 257–292. DOI 10.32608/0235-4349-2020-1-53-257-292 (in Russ.).
- Kondratieva T. N.** Ot istoricheskoi faktury k sotsiologicheskim figuram, ili kak kardinal de Rets obratil Borisa Fedorovicha Porshneva vo frankoveda [From Historical Texture to Sociological Figures, or how Cardinal de Retz Turned Boris Fyodorovich Porshnev into a French Scholar]. *Novyi istoricheskii vestnik* [New Historical Bulletin], 2016, no. 4 (50), pp. 145–164. (in Russ.)
- Lenzman I.** Los orígenes del cristianismo. México, 1965, 286 p.
- Livshits G. M.** Ocherki istoriografii Biblii i rannego khristianstva [Essays on the Historiography of the Bible and Early Christianity.]. Minsk, Vysheishaya shkola, 1970, 408 p. (in Russ.)

- Metel O. V.** Sovetskaya model' izucheniya pervonachal'nogo khristianstva (1920 – 1990-e gg.) [The Soviet Model for the Study of Primitive Christianity (1920–1990s)]. Omsk, Poligraficheskiy tsentr KAN Publ., 2012, 169 p. (in Russ.)
- Metel O.** On the History of Exploring the Qumran Manuscripts in the URSS in the 1950s and 1980s. *Tsaitshryft*, 2021, no. 8 (13), pp. 176–190. (in Russ.)
- Starkova K. B.** Rukopisi iz okrestnostei Mertvogo morya [Manuscripts from the Vicinity of the Dead Sea]. *Vestnik drevnei istorii* [Bulletin of Ancient History], 1956, no. 1, pp. 87–101. (in Russ.)
- Uvarov P. Yu.** Mezhdz ezhami i lisami: zametki ob istorikakh [Between Hedgehogs and Foxes: Notes about Historians]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015, 280 p. (in Russ.)
- Vite O. T., Gordon A. V.** Boris Fedorovich Porshnev (1905–1972). *Novaya i noveishaya istoriya* [Modern and Recent History], 2006, no. 1, pp. 181–200. (in Russ.)

List of Sources

- Abram Borisovich Ranovich: dokumenty i materialy [Abram Borisovich Ranovich: Documents and Materials]. Ed. by S. B. Krikh, A. I. Klyuev, comp. O. V. Metel. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta, 2018, 263 p. (in Russ.)
- Engels F.** Kniga Otkroveniia [The Book of Revelation]. In: Marks K., Engels F. Sochineniia [Essays]. 2nd ed. Moscow, Politizdat Publ., 1961, vol. 21, pp. 7–13. (in Russ.)
- Engels F.** K istorii pervonachal'nogo khristianstva [On the History of Early Christianity]. In: Marks K., Engels F. Sochineniia [Essays]. 2nd ed. Moscow, Politizdat Publ., 1962, vol. 22, pp. 465–492. (in Russ.)
- Gurevich A. Ya., Stepanov B. E.** “Byt' dol'she v storone mne kazalos' nevozmozhnym...” (poslednee interv'y u A. Ya. Gurevicha, 11 iyunya 2006 goda) [“It Seemed Impossible for Me to Be on the Sidelines for any Longer...” (Last Interview with A. Ya. Gurevich, June 11, 2006)]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2006, no. 5 (81), pp. 175–193. (in Russ.)
- Kautsky K.** Proiskhozhdenie khristianstva [The Origin of Christianity], Petrograd, Literaturno-izdatel'skii otdel Narodnogo komissariata po prosveshcheniyu, 1919, 384 p. (in Russ.)
- Kovalev S. I.** Vstupitel'naya stat'ya [Introductory Article]. In: Robertson A. Proiskhozhdenie khristianstva [The Origin of Christianity]. Moscow, 1959, pp. 5–26. (in Russ.)
- Kublanov M. M.** Iisus khristos – bog, chelovek, mif? [Was Jesus Christ God, Man, Myth?]. Moscow, Nauka, 1964, 167 p. (in Russ.)
- Ob oshibkakh v provedenii nauchno-ateisticheskoi propagandy sredi naseleniya. Postanovlenie TsK KPSS [11 noyabrya 1954 g.] [About Mistakes in Conducting Scientific-Atheistic Propaganda among the Population. Decree of the Central Committee of the CPSU [November 11, 1954]]. In: O religii i tserkvi (sbornik dokumentov) [About Religion and the Church (Collection of Documents)], Moscow, 1965, pp. 77–82. (in Russ.)
- Porshnev B. F.** Feodalizm i narodnye massy [Feudalism and the Masses]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 520 p. (in Russ.)
- Porshnev B. F.** Sotsial'naya psikhologiya i istoriya [Social Psychology and History]. Moscow, Nauka Publ., 1966, 213 p. (in Russ.)
- Porshneva E. B.** Real'nost' voobrazheniya (zapiski ob ottse) [The Reality of Imagination (Notes about the Father)]. In: Porshnev B. F. O nachale chelovecheskoi istorii (problemy paleopsikhologii) [On the Beginning of Human History (Problems of Paleopsychology)]. St. Petersburg, 2007, pp. 539–575. (in Russ.)
- Ranovich A. B.** Oчерк istorii rannekhristianskoi tserkvi [Essay on the History of the Early Christian Church], Moscow, OGIz Publ., GAIz Publ., 1941, 260 p. (in Russ.)
- Robertson A.** Proiskhozhdenie khristianstva [The Origin of Christianity]. Ed. by S. I. Kovalev. 2nd ed. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1959, 323 p. (in Russ.)

Tupoleva L. F. Vspominaya B. F. Porshneva [Remembering B. F. Porshnev]. In: Frantsuzskii ezhegodnik 2005: Absolyutizm vo Frantsii. K 100-letiyu B. F. Porshneva (1905–1972) [French Yearbook 2005: Absolutism in France. To the 100th Anniversary of the Birth of B. F. Porshnev (1905–1972)]. Moscow, 2005, pp. 70–75. (in Russ.)

Vipper R. Yu. Vozniknovenie khristianstva [The Origin of Christianity], Moscow, Faros Publ., 1918, 118 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Ольга Вадимовна Метель, кандидат исторических наук, доцент

Scopus Author ID 57219053712

WoS Researcher ID M-6133-2016

Information about the Author

Olga V. Metel, Candidate of Sciences (History), Associate Professor

Scopus Author ID 57219053712

WoS Researcher ID M-6133-2016

*Статья поступила в редакцию 29.07.2022;
одобрена после рецензирования 18.08.2022; принята к публикации 10.09.2022
The article was submitted on 29.07.2022;
approved after reviewing on 18.08.2022; accepted for publication on 10.09.2022*

Научная статья

УДК 930.2+94

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-137-145

Публикации воспоминаний отечественных историков конца XX – начала XXI века: практики и проблемы

Наталья Петровна Матханова

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

istochnik_history@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2155-2982>

Аннотация

Осуществлен обзор воспоминаний, написанных специалистами по истории России и изданных отдельными книгами в конце XX – начале XXI в. Рассмотрены сложившаяся практика публикации, основные эдичионные, этические и юридические проблемы и способы их решения. В источниках, изданных не авторами, а иными лицами, в большей степени соблюдаются требования эдичионной археографии. К проблемам этического и юридического характера отнесены: обнародование критических сведений о современниках с указанием их имен, хронологический промежуток между созданием и публикацией источников, допустимость пропусков в тексте. Сложившаяся практика и дискуссии показывают наличие всё ещё нерешенных проблем. Подчеркивается необходимость особой рефлексии по этим вопросам, соблюдения норм законодательства и неизбежность разумного компромисса.

Ключевые слова

мемуары историков, эдичионная практика, этические и юридические проблемы публикаций

Благодарности

Статья выполнена по теме госзадания «Память о прошлом в письменных источниках XVI–XX вв.: актуализация событий, трансляция культурных традиций, исследовательские практики»

Для цитирования

Матханова Н. П. Публикации воспоминаний отечественных историков конца XX – начала XXI века: практики и проблемы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 8: История. С. 137–145. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-137-145

Publishing Memoirs of Russian Historians of the Late 20th – Early 21st Century: Practices and Issues

Natalia P. Matkhanova

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

istochnik_history@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2155-2982>

Abstract

The article reviews the memoirs of historians written and published at the end of the 20th – the beginning of the 21st century. Among the large number (about a hundred) of texts, it selects about twenty that meet the following criteria: 1) written by specialists in the history of Russia, who continued their research work in the last third of the 20th century; 2) created and published after the early 1990s; 3) published as separate books. The research aims to analyze the current practice of publication, identify the main editorial, ethical and legal problems, and ways to solve them. Selected

© Матханова Н. П., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 8: История. С. 137–145
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 8: History, pp. 137–145

texts are divided into two groups: fifteen were published by the authors themselves and four – by other persons. Publications of the second group meet the requirements of edition archaeography to a greater extent, especially in the correct usage of the academic systems for referring to references. The first group does not always show a clear dependence between the nature of the publication and the qualifications of the publisher. The publications of both groups contain critical opinions about contemporaries and even mention specific names. Ethical and legal issues examined in this research include the publication of similar information, the chronological interval between the creation and publication of texts, and the admissibility of a text with omissions. The article discusses different opinions of well-known experts and their arguments in favor of various solutions. The article concludes by arguing that the publishers of other people's memoirs usually consider the copyright holder's opinion. At the same time, established practice and scientific discussions show that there are still unresolved issues. It emphasizes a need for considering these issues, complying with the norms of the law, and reasonably compromising.

Keywords

memoirs of historians, edition practice, ethical and legal problems of publication

Acknowledgements

The research was carried out within the state assignment, on the topic “Memory of the past in the manuscript sources of the 17th – 20th centuries: actualization of events, transmission of cultural traditions, research practices”

For citation

Matkhanova N. P. Publishing Memoirs of Russian Historians of the Late 20th – Early 21st Century: Practices and Issues. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 8: History, pp. 137–145. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-137-145

«Мемуарный взрыв», произошедший в последние десятилетия, затронул и историков. В их воспоминаниях, как правило, сочетаются рассказы о собственной жизни с профессиональным анализом описываемых событий (подробнее см.: [Аврус, Мезин, 2012; Леонтьева, 2016; 2019; Матханова, 2022]). Солидное число публикаций, а их насчитывается уже не один десяток, географическое, хронологическое и тематическое разнообразие позволяют сделать некоторые предварительные наблюдения над сложившейся практикой, выявившимися проблемами и способами их решения. В настоящей статье предметом рассмотрения станут не содержание изучаемых источников, позиции авторов, сюжеты и характеристики упоминаемых лиц, не достоверность, значение, возможности использования содержащихся в источнике сведений, хотя полностью абстрагироваться от этих вопросов невозможно. Но они должны стать предметом особых исследований. В центре внимания автора в настоящей статье – правила передачи текста, в том числе купюры и их обоснование, наличие и полнота научно-справочного аппарата.

В рамках одной статьи невозможно обозреть все изданные воспоминания. Пришлось ограничиться мемуарами историков, которые специализировались в области истории России, продолжали исследовательскую работу в последней трети XX в., понимали или должны были понимать, что создают исторический источник. Изучаемые произведения были написаны и изданы, начиная с 1990-х гг., когда цензура, идеологическое и политическое давление были минимальны, хотя сохранялись самоцензура и самоограничения этического, идеологического и политического характера. В эти годы издательства и редакторы постепенно прекращали исполнять регулятивные и нормирующие функции, определение и соблюдение тех или иных правил издания зависело от автора и публикатора, иногда ответственного редактора. Привлекались только те сочинения, которые печатались отдельными книгами, находящиеся в журналах и сборниках не учитывались. Указаны не все выявленные источники, однако предварительный анализ показал, что добавление еще полутора десятков текстов не изменило бы общей картины. Выборка представляется вполне репрезентативной еще и потому, что в нее вошли сочинения разного географического и хронологического охвата.

Источники можно разделить на две неравные группы: первую, большую, составляют опубликованные самими авторами (Аврус, 2012; Бойко, 2021; Ганелин, 2004; Горфункель, 2017; Житомирская, 2006; Зиновьев, 2019; Иоффе, 2015; Кабытов, 2008; Кузнецов, 2001; Левыкин, 2006; Литвин, 2013; Павленко, 2016; Пихоя, 2016; 2021; Поляков, 2011; Соловьева, 2010; Соскин, 2013; и др.). Ко второй группе относятся опубликованные учениками и коллегами (Антонова, 2014; Вульфсон, 2010; Дербов, 2009; Покровский, 2022). Деление это услов-

но. Воспоминания С. И. Антоновой, Г. Н. Вульфсона и Н. Н. Покровского были продиктованы авторами, причем часть воспоминаний Покровского была напечатана при его жизни и при его непосредственном участии, Антонова дала указания о редактировании при подготовке к печати ее воспоминаний и исключении из них некоторых тем. С другой стороны, некоторые примечания в книгах Н. И. Павленко и С. В. Житомирской имеют помету «ред.», а во втором случае и именной указатель явно сделан публикаторами (об этом свидетельствует, в частности, указание на дату смерти упоминаемых лиц, случившейся после кончины самой мемуаристки). Возможно, таких случаев больше.

Различны эдиционные практики, характерные для выделенных групп.

Историки, за редким исключением, не относятся к изданию собственных воспоминаний как к научным публикациям, требующим соблюдения определенных правил. Обычно они не указывают правила передачи текста, не сообщают, есть ли правка, сделаны ли купюры, как редактировался текст при подготовке его к изданию. Косвенно о переработке предварительных записей можно судить по тому, что книги, подготовленные самими авторами, продуманы и выстроены композиционно. Из элементов научно-справочного аппарата обычно имеются вплетенные в ткань повествования комментарии, от очень лаконичных до весьма объемных. Они могут дополнительно размещаться под строкой (Ганелин, 2004; Зиновьев, 2019; Пихоя, 2021) или в круглых скобках в тексте (Горфункель, 2017; Житомирская, 2006; Кабытов, 2008; Литвин, 2013; Пихоя, 2021; Поляков, 2011; Соскин, 2013; и др.). В них объясняются или корректируются позиции автора, иногда содержатся сведения биографического характера об упоминаемых лицах, указывается на использованные или называемые материалы, даются ссылки на справочные и иные используемые (чаще цитируемые) работы (Бойко, 2021; Ганелин, 2004; Горфункель, 2017; Зиновьев, 2019; Житомирская, 2006; Кабытов, 2008; Литвин, 2013). Именной указатель может быть «глухим» (Горфункель, 2017; Пихоя, 2016; Поляков, 2011) или аннотированным (Аврус, 2012; Кабытов, 2008), иногда настолько подробным, что заменяет комментарий (Житомирская, 2006)¹, чаще всего указатель вообще отсутствует (Бойко, 2021; Зиновьев, 2019; Кузнецов, 2001; Левыкин, 2006; Павленко, 2016; Соловьева, 2010; Соскин, 2013; и др.).

В публикациях, осуществленных не самими мемуаристами, также есть комментарии поясняющего и корректирующего характера внутри текста, но составители дополняют их сносками – постраничными (Антонова, 2014; Вульфсон, 2010) или концевыми (Дербов, 2009; Покровский, 2022). Таким же образом приведены ссылки на используемые мемуаристами источники и исследования. Во всех случаях имеется «глухой» именной указатель.

Три из четырех сочинений первоначально были записаны в виде устных рассказов. При подготовке к печати они редактировались, что было неизбежно при переводе устного текста в письменный. Иногда это делалось с участием самих мемуаристов (Вульфсон, 2010), иногда – по их указаниям (Антонова, 2014; Покровский, 2022). Методика обработки и переработки подробно описана в предисловии к воспоминаниям Антоновой. Публикаторы указали, что решили печатать текст в виде монолога, убрав наводящие и уточняющие вопросы, объединили рассказы по вехам жизни автора, перестроив структуру повествования [Богданов и др., 2014, с. 8]. Аргументы – невозможность точного восстановления «порядка, в каком были надиктованы кассеты», и предположение об имевшемся плане «хронологического изложения» [Там же, с. 9].

Многие воспоминания и первой, и второй группы сопровождаются фотографиями, иногда включают список трудов автора, иные материалы научно-биографического характера.

¹ С. В. Житомирская использовала этот прием и при публикации ею источников XIX в.

Острота и осознание этических проблем связаны с наличием или отсутствием негативных, критических персональных характеристик в публикуемых текстах (см. [Дмитриев, 2013; Егоров, 2013; Козлов, 2016], а также материалы круглого стола в МГУ²).

Авторы-публикаторы часто приводят критические, негативные, обличительные и даже разоблачительные сведения о современниках. Они могут называть имена критикуемых и обличаемых или опускать конкретные имена, заменять их аббревиатурами, умалчивать о наиболее негативных фактах, использовать иносказания.

Порой подчеркивается низкий профессиональный уровень (Кузнецов, 2001, с. 20). Есть открытые обвинения коллег в доносах в партийные и иные инстанции (Ганелин, 2004, с. 197; Пихоя, 2021), нелицеприятные характеристики (Горфункель, 2017, с. 47; Левыкин, 2006, с. 60–65, 393, 548–551 и др.; Поляков, 2011, с. 134–135, 132). Обличительную и обвинительную характеристику видному деятелю архивного ведомства В. В. Максакову давал Н. И. Павленко, передавая рассказы о том, что его руки «были по локоть в крови» (Павленко, 2016, с. 28). Мемуаристы могут в одном и том же тексте называть конкретные имена уличаемых в неблагоприятных поступках и скрывать имена других (Литвин, 2013, с. 54, 56; Иоффе, 2015, с. 131, 251).

Перед публикаторами чужих воспоминаний стоят две основные проблемы. Первая – есть ли право подобной публикации в принципе, какие имеются ограничения, в том числе по срокам издания. Первая имеет не только этический, но и юридический характер. Вторая – сохранять ли негативные характеристики конкретных лиц с указанием их имен. И в том, и в другом случае, как правило, присутствует указание на мнение автора или его наследников – прямо высказанное или предполагаемое.

Ю. А. Лексина, участвовавшая в записи и редактировании воспоминаний Г. Н. Вульфсона, отмечает: «Что-то он пропускал намеренно, считая, что не пришло еще время поведать об этом широкой аудитории, о чем-то ему просто тяжело было вспоминать... Не все он договаривал, где-то делал лишь прозрачные намеки. Характерной особенностью воспоминаний стало то, что в них крайне мало негативных оценок, критических суждений. В какой-то степени это объясняется тем, что мемуары... готовились к публикации в преддверии юбилея Казанского университета» [Лексина, 2010, с. 8]. И всё же в мемуарах Вульфсона имеются негативные характеристики конкретных лиц с указанием их имен (Вульфсон, 2010, с. 102, 105).

Среди проблем, связанных с обнаружением «Храма науки» А. А. Зимина (2015), одна из важнейших – наличие «многочисленных язвительных характеристик коллег». М. А. Базанов утверждал: исследователь не несет ответственности за информацию, содержащуюся в используемом им источнике [Базанов, 2016, с. 234]. Это бесспорно, если речь идет о читателе, но требуется серьезная рефлексия, когда такой вопрос ставится перед публикатором. Известна позиция дочери и зятя А. А. Зимина, протестовавших, в том числе и в судебном порядке, против публикации [Козлов, 2016].

При издании мемуаров С. И. Антоновой по настоянию автора «было решено не публиковать воспоминания, связанные с личной жизнью» [Богданов и др., 2014, с. 8]. Но, «кроме того, составители посчитали некорректным полностью публиковать те эпизоды, о которых Серафима Ивановна знала понаслышке и в отношении которых сведения ее нарратива недостоверны» [Там же, с. 7]. Однако любые воспоминания могут включать недостоверную и неточную информацию, но и она ценна, так как сохраняет и передает элементы общественного мнения. Но в тексте сохранены критические и негативные характеристики отдельных лиц (Антонова, 2014, с. 151–155), в том числе М. В. Нечкиной и И. А. Федосова (Там же, с. 177, 362–363), а также свидетельство о низкой оценке последнего М. Н. Тихомировым (Там же, с. 374).

² Этично ли издавать дневники и письма? – Это личное дело владельца архива, издателя, комментатора, или эго-документы следует хоронить вместе с автором / Круглый стол в МГУ 29 мая 2018 г. URL: http://uni-persona.sccc.msu.ru/site/conf/conf_29.05.18/notes.htm (дата обращения 08.06.2022).

Проблемы юридического характера тесно связаны с этическими, но имеют особый характер. Авторы-публикаторы обычно об этом, кажется, не думают, хотя возможно их судебное преследование за клевету. Остальным публикаторам необходимо учитывать нормы законодательства – Гражданского кодекса, который охраняет авторское право и право на тайну частной жизни, а также закона об архивах, который на 75 лет ограничивает доступ к архивным документам, содержащим сведения о личной и семейной тайне. На практике разные государственные архивы по-разному трактуют слова «о личной и семейной тайне» и соответственно решают вопрос о выдаче документов.

Даже в том случае, если публикуемые тексты взяты из архива, куда они были сданы без ограничений на публикацию, хорошо бы понимать, предполагал ли их создатель или его наследники возможность обнародования. Так, С. В. Мироненко вспоминал: «Работая в Институте истории СССР АН СССР и часто бывая у академика Милицы Васильевны Нечкиной дома, я не раз слышал ее рассказы». И только десятилетия спустя «понял, что эти рассказы были своеобразной подготовкой к написанию воспоминаний» [Мироненко, 2017]. Понятно, что найти такие указания удастся не всегда.

Если материалы не были сданы в архивохранилище, тогда, как правило, публикатор указывает, как он получил их и на каком основании считает возможным предание их гласности.

Этический и юридический характер имеют еще две проблемы: каким должен быть хронологический промежуток между написанием и изданием, и допустимы ли и целесообразны ли пропуски в тексте, продиктованные соображениями этического характера.

В. П. Козлов указывал, что в большинстве источников есть негативные характеристики, в том числе еще живущих людей или их близких родственников, и их публикация представляет серьезную этическую проблему, и возражал против скорого обнародования любых эго-документов [Козлов, 2016]. Б. Ф. Егоров предполагал, что большинство авторов «ставят некоторые ограничения, прежде всего интимного характера, записывают не всё, совершаемое ими и вокруг них» [Егоров, 2013, с. 20]. Он же допускал купюры, если публикатор находит в тексте «какие-то места, не желательные, с его точки зрения, для современного обнародования». Наследники также могут «воспрепятствовать по каким-то соображениям опубликованию определенных мест» [Там же, с. 20–21]. В то же время ученый приводил аргументы в пользу опубликования эго-документов вскоре после их создания: многое из конкретных черт и фактов навсегда исчезнет, «а для памяти потомков будет важна не только закреплённая в научных, художественных, бытовых текстах продукция, но и ее негласные причины, ее сложные человеческие сопутствия и последствия» [Там же, с. 6]; «Даже при не академических, а популярных изданиях соответствующих текстов необходимы, пока не поздно, комментарии, разъясняющие имена, события, намеки. Уход из жизни свидетелей и знакомых часто делает в будущем совершенно не объяснимыми какие-то намеки и даже имена» [Там же, с. 21].

При обсуждении издания текста столетней давности прозвучало предостережение и относительно публикации эго-документов недавнего прошлого: «через два-три поколения уже непросто бывает понять, о чем так азартно и ожесточенно спорили предшественники, а документы, опубликованные в то же самое время, по-прежнему формируют наши представления о прошлом» [Мамонов, 2018].

Итак, можно констатировать, что уже сложилась определенная практика публикации мемуаров историков последней трети XX – начала XXI в. Для нее характерны существование различий между изданиями, осуществленными авторами и иными лицами. Во второй группе в большей степени соблюдаются требования эдиционной археографии, особенно в оформлении научно-справочного аппарата. И к первой, и ко второй группе можно отнести общее заключение: далеко не всегда обнаруживается явная зависимость между характером публикации и квалификацией публикатора, более важную роль может играть понимание публикатором (особенно автором-публикатором), что подготовленное им издание относится к научным и на него должны распространяться соответствующие правила.

Чаще всего публикаторы учитывают позицию правообладателя и, если материалы не были сданы в архив, указывают, как они получены и на каком основании предаются гласности (обычно это согласие родственников / наследников); считаются с этической стороной проблемы, если источник содержит негативные высказывания о ныне живущих людях или сведения интимного характера.

Сложившаяся практика и научные дискуссии показывают наличие нерешенных проблем: имеет ли право исследователь, получивший (даже в рамках закона) доступ к источникам, содержащим сведения личного, семейного характера, обнародовать эту информацию? Необходимо ли знать, что автор собирался допустить их функционирование в публичном пространстве? Из имеющихся подходов один требует публиковать все, без купюр, точно воспроизводя оригинал, другой не позволяет обнародовать тайну личной жизни. Вероятно, компромисс здесь необходим и неизбежен, а любое принятое решение может вызвать критику с той или другой стороны. Среди многих обстоятельств, требующих рефлексии, есть и такое, как значение, информационный потенциал публикуемого источника, наличие в нем важных и уникальных сведений, место автора и упоминаемых (характеризуемых) лиц в исторической науке.

Список литературы

- Аврус А. И., Мезин С. А.** Мемуары историка // Дербов Л. А. Страницы воспоминаний / Подгот. текста, вступ. ст., коммент. А. И. Авруса и С. А. Мезина. Саратов, 2009. С. 5–14.
- Базанов М. А.** Мемуары А. А. Зимина «Храм науки»: картина научной среды и набор ценностных ориентиров автора // Историческая экспертиза. 2016. № 4. С. 232–247.
- Богданов В. П., Мошков Ю. А., Ягодкина Е. О.** Серафима Ивановна Антонова и ее воспоминания // Антонова С. И. Воспоминания советского человека. М., 2014. С. 5–20.
- Дмитриев А. Н.** Мемуары постсоветских гуманитариев: стандартизация памяти? // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. М., 2013. С. 358–384.
- Егоров Б. Ф.** Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана. М.: НЛЮ, 1999. 384 с.
- Егоров Б. Ф.** О дневниках новейшего времени // Егоров Б. Ф. Воспоминания-2. СПб., 2013. С. 12–21.
- Козлов В. П.** О нетерпении в освоении документального наследия по истории советской исторической науки // Отечественные архивы. 2016. № 2. С. 134–138.
- Лексина Ю. А.** Как появилась эта книга // Вульфсон Г. Н. Страницы памяти / Подгот. текста и подбор илл. Ю. А. Лексиной. Казань, 2010. С. 5–10.
- Леонтьева О. Б.** Мемуары историков на переломе эпох: личностная рефлексия, профессиональная идентичность // Изв. Самарского научного центра РАН. 2016. Т. 18, № 6. С. 138–147.
- Леонтьева О. Б.** Когда историк создает источник: современные мемуары историков как источниковый комплекс и социокультурное явление // Актуальные проблемы источниковедения: Материалы V Междунар. науч.-практ. конференции к 110-летию Витебской ученой архивной комиссии. Витебск, 2019. С. 353–356.
- Мамонов А. В.** Предисловие: Диалог о книге. А. Н. Куломзин. Пережитое // Российская история. 2018. № 2. С. 140.
- Матханова Н. П.** Новый историографический источник: мемуары сибирских историков послевоенного поколения // Вестник ТГУ. История. 2022. № 78. С. 204–207. DOI 10.17223/19988613/78/26
- Мироненко С. В.** Воспоминания уникальны и неповторимы // Российская история. 2017. № 3. С. 20–22.

Список источников

- Аврус А. И.** О друзьях-товарищах и других. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2012. 224 с.
- Антонова С. И.** Воспоминания советского человека. М.: Весь мир, 2014. 438 с.

- Бойко В. П.** Воспоминания о селе Богородском и моей жизни. Томск: Изд-во Том. архит.-строит. ун-та, 2021. 212 с.
- Вульфсон Г. Н.** Страницы памяти / Сост., подгот. текста и подбор илл. Ю. А. Лексиной. Казань: Kazan-Kazan, 2010. 232 с.
- Ганелин Р. Ш.** Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х – 1950-х годах. СПб.: Нестор-История, 2004. 216 с.
- Горфункель А. Х.** Моя школа, мои университеты... Воспоминания. СПб.: б/и, 2017. 409 с.
- Дербов Л. А.** Страницы воспоминаний / Подгот. текста, вступ. ст., коммент. А. И. Авруса и С. А. Мезина. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2009. 232 с.
- Житомирская С. В.** Просто жизнь. М.: РОССПЭН, 2006. 599 с.
- Зимин А. А.** Храм науки (размышления о прожитом). М., 1976 // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А. Л. Хорошкевич. М., 2015. С. 35–384.
- Зиновьев В. П.** Не подводя итогов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. 164 с.
- Иоффе Г. З.** Иные времена. Иерусалим: Филобиблион, 2015. 326 с.
- Кабытов П. С.** Судьба-Эпоха: автобиография историка. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2008. 352 с.
- Кузнецов И. И.** Страницы жизни историка. Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2001. 315 с.
- Левыкин К. Г.** Мой университет. Для всех – он наш, а для каждого – свой. М.: ЯСК, 2006. 592 с.
- Литвин А. Л.** Жизнь как выживание. Воспоминания и размышления о прошлом. М.: Собрание, 2013, 280 с.
- Павленко Н. И.** Воспоминания историка. М.: Памятники исторической мысли, 2016. 160 с.
- Пихоя Р. Г.** Записки археографа. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 496 с.
- Пихоя Р. Г.** Историк в потоке времени. М., 2021. URL: <https://lai-urgi.urfu.ru/index.php?id=28271> (дата обращения 08.06.2022).
- Покровский Н. Н.** Письма и воспоминания / Отв. ред. Н. П. Матханова, Л. В. Титова. СПб.: Нестор-История, 2022. 715 с.
- Поляков Ю. А.** Минувшее: фрагменты. Воспоминания историка. 2-е изд. М.: Наука, 2011. 443 с.
- Соловьева Е. И.** Черные и красные штрихи судьбы: мои воспоминания «о времени и о себе». Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. 104 с.
- Соскин В. Л.** В ракурсе личной судьбы: Материалы по истории советской интеллигенции (1920–1950-е годы). Новосибирск: НГУ, 2013. 182 с.

References

- Avrus A. I., Mezin S. A.** Memuary istorika [Memoirs of a Historian] In: Derbov L. A. Stranitsy vospominanii [Pages of Memoirs]. Prep., introd., comment. by A. I. Avrus and S. A. Mezin. Saratov, 2009, 232 p. (in Russ.)
- Bazanov M. A.** Memuary A. A. Zimina “Khran nauki”: kartina nauchnoi sredy i nabor tsennostnykh orientirov avtora [The Memoirs of A. A. Zimin “Temple of science”: The Description of the Academic Environment and the Author’s Values]. *Istoricheskaya ekspertiza [Historical Expertise]*, 2016, no. 4, pp. 232–247. (in Russ.)
- Bogdanov V. P., Moshkov Yu. A., Yagodkina E. O.** Serafima Ivanovna Antonova i ee vospominaniya [Serafima Ivanovna Antonova and Her Memories]. In: Antonova S. I. Vospominaniya sovetskogo cheloveka [Memoirs of a Soviet Man]. Moscow, 2014, pp. 5–20 (in Russ.)
- Dmitriev A. N.** Memuary postsovetsskikh gumanitariyev: standartizatsiya pamyati? [Memoirs of Post-Soviet Humanities: Standardization of Memory?]. In: Soslovie russkikh professorov. Sozdateli statusov i smyslov [Class of Russian Professors. Creators of Statuses and Meanings]. Moscow, 2013, pp. 358–384 (in Russ.)

- Egorov B. F.** Zhizn' i tvorchestvo Yu. M. Lotmana [Life and Work of Yu. M. Lotman]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 1999, 384 p. (in Russ.)
- Egorov B. F.** O dnevnikakh noveishego vremeni [On the Diaries of Modern Times]. In: Egorov B. F. Vospominaniya-2 [Memories-2]. St. Petersburg, 2013, pp. 12–21 (in Russ.)
- Kozlov V. P.** O neterpenii v osvoenii dokumental'nogo naslediya po istorii sovetskoj istoricheskoj nauki [On Impatience in the Exploration of Documentary Heritage on the History of Soviet Historical Science]. *Otechestvennye arkhivy [Russian Archives]*, 2016, no. 2, pp. 134–138 (in Russ.)
- Leksina Yu. A.** Kak poyavilas' eta kniga [How This Book Came to Be]. In: Vulfson G. N. Stranitsy pamyati [Vulfson G.N. Pages of Memory]. Prep. of text and select. of illustr. by Yu. A. Leksina. Kazan, 2010, pp. 5–10. (in Russ.)
- Leontieva O. B.** Memuary istorikov na perelome epokh: lichnostnaya refleksiya, professional'naya identichnost' [Memoirs of Historians at the Turning Point of History: Personal and Professional Self-identity] *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN [Izvestia of Samara Scientific Center of the RAS]*, 2016, vol. 18, no. 6, pp. 138–147 (in Russ.)
- Leontieva O. B.** Kogda istorik sozdaet istochnik: sovremennye memuary istorikov kak istochnikovyj kompleks i sotsiokul'turnoe yavlenie [When a Historian Creates a Source: Contemporary Memoirs of Historians as a Complex of Sources and a Sociocultural Phenomenon]. In: Aktual'nye problemy istochnikovedeniya [Actual Problems of Source Studies]. Proceedings of the 5th International Scientific and Practical Conference for the 110th Anniversary of the Vitebsk Scientific Archival Commission. Vitebsk, 2019, pp. 353–356 (in Russ.)
- Mamonov A. V.** Predislovie: Dialog o knige. A. N. Kulomzin. Perezhitoe [Foreword: Dialogue about the Book. A. N. Kulomzin. Experienced]. *Rossiyskaya istoriya [Russian History]*, 2018, no. 2, p. 140 (in Russ.)
- Matkhanova N. P.** Novyi istoriograficheskii istochnik: memuary sibirskikh istorikov poslevoennogo pokoleniya [The New Historiographical Source: Memoirs of Siberian Historians of the Post-War Generation] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Tomsk State University Journal of History]*, 2022, no. 78, pp. 204–207. (in Russ.) DOI 10.17223/19988613/78/26
- Mironenko S. V.** Vospominaniya unikal'ny i nepovtorimy [Memories Are Unique and Inimitable]. *Rossiyskaya istoriya [Russian History]*, 2017, no. 3, pp. 20–22. (in Russ.)

List of Sources

- Avrus A. I.** O druz'yakh-tovarishchakh i drugikh [About Friends-Comrades and Others]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2012, 224 p. (in Russ.)
- Antonova S. I.** Vospominaniya sovetskogo cheloveka [Memoirs of a Soviet Man]. Moscow, Ves' mir, 2014, 438 p. (in Russ.)
- Boyko V. P.** Vospominaniya o sele Bogorodskom i moyey zhizni [Memories of the Bogorodskoye Village and My Life]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta, 2021. 212 p. (in Russ.)
- Derbov L. A.** Stranitsy vospominanii [Pages of Memoirs]. Prep., introd., comment. by A. I. Avrus and S. A. Mezin. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2009, 232 p. (in Russ.)
- Ganelin R. Sh.** Sovetskie istoriki: o chem oni govorili mezhdub soboi. Stranitsy vospominanii o 1940-kh – 1950-kh godakh [Soviet Historians: What They Talked about among Themselves. Pages of Memories of the 1940s – 1950s]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2004, 216 p. (in Russ.)
- Gorfunkel A. Kh.** Moya shkola, moi universitety... Vospominaniya [My School, My Universities... Memories]. St. Petersburg, s. n., 2017, 409 p. (in Russ.)
- Ioffe G. Z.** Inye vremena [Other Times]. Jerusalem, Filobiblion, 2015, 326 p. (in Russ.)
- Kabytov P. S.** Sud'ba-Epokha: avtobiografiya istorika [Fate-Epoch: The Autobiography of Historian]. Samara, Izdatel'stvo Samarskogo universiteta, 2008, 352 p. (in Russ.)

- Kuznetsov I. I.** Stranitsy zhizni istorika [Pages of the Life of a Historian]. Ulan-Ude: IPK VSGAKI, 2001, 315 p. (in Russ.)
- Levykin K. G.** Moi universitet. Dlya vsekh – on nash, a dlya kazhdogo – svoi [My University. For All of Us It Is Ours, for Everyone – Their Own]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006, 592 p. (in Russ.)
- Litvin A. A.** Zhizn' kak vyzhivanie. Vospominaniya i razmyshleniya [Life as Survival. Memories and Reflections]. Moscow, Sobranie, 2013, 280 p. (in Russ.)
- Pavlenko N. I.** Vospominaniya istorika [Memories of Historian]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2016, 160 p. (in Russ.)
- Pikhoya R. G.** Zapiski arkheografa [Archaeographer's Notes]. Moscow, Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, 2016, 496 p. (in Russ.)
- Pikhoya R. G.** Istorik v potoke vremeni [Historian in the Flow of Time]. Moscow, 2021. (in Russ.) URL: <https://lai-urgi.urfu.ru/index.php?id=28271> (accessed 08.06.2021)
- Pokrovsky N. N.** Letters and Memories. Matkhanova N. P., Titova L. V. (eds.). St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2022, 715 p. (in Russ.)
- Polyakov Yu. A.** Minuvshee: fragmenty. Vospominaniya istorika [Past: Fragments. Memories of Historian]. 2nd ed. Moscow, Nauka, 2011, 443 p. (in Russ.)
- Solovyeva E. I.** Chernye i krasnye shtrikhi sud'by: moi vospominaniya «o vremeni i o sebe» [Black and Red Strokes of Fate: My Memories “About Time and Myself”]. Novosibirsk, Izdatel'stvo NGPU, 2010, 104 p. (in Russ.)
- Soskin V. L.** V rakurse lichnoi sud'by: materialy po istorii sovetskoi intelligentsii (1920–1950-е гг.) [From the Perspective of Personal Destiny: Materials on the History of the Soviet Intelligentsia (1920s – 1950s)]. Novosibirsk, NSU Press, 2013, 180 p. (in Russ.)
- Vulfson G. N.** Stranitsy pamyati [Pages of Memory]. Comp., prep. of text and select. of illustr. by Yu. A. Leksina. Kazan, Kazan-Kazan', 2010. 232 p. (in Russ.)
- Zhitomirskaya S. V.** Prosto zhizn' [Just Life]. Moscow, ROSSPEN, 2006, 599 p. (in Russ.)
- Zimin A. A.** Khram nauki (razmyshleniya o prozhitom) [Temple of Science (Reflections on the Past)]. Moscow, 1976. In: Sud'by tvorcheskogo naslediya otechestvennykh istorikov vtoroi poloviny XX veka [The Fate of the Creative Legacy of Russian Historians of the 2nd Half of the 20th Century]. Comp. A. L. Khoroshkevich. Moscow, 2015, pp. 35–384 (in Russ.)
- Zinoviev V. P.** Ne podvodya itogov [Without Summing Up]. Tomsk: TSU Press, 2019. 164 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Наталья Петровна Матханова, доктор исторических наук, профессор
Scopus Author ID 57190745973

Information about the Author

Natalia P. Matkhanova, Doctor of Sciences (History), Professor
Scopus Author ID 57190745973

*Статья поступила в редакцию 09.01.2023;
одобрена после рецензирования 25.03.2023; принята к публикации 10.06.2023
The article was submitted on 09.01.2023;
approved after reviewing on 25.03.2023; accepted for publication on 10.06.2023*

Научная статья

УДК 94(575.1)

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-146-158

Политика Российской империи в отношении ислама в Туркестане (1867–1917): обзор источников

Шухрат Бахронович Мухамедов

Филиал Российского государственного университета нефти и газа
(Национальный исследовательский университет) им. И. М. Губкина
Ташкент, Республика Узбекистан

shukhrat.mukhamedov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-0135-444X>

Аннотация

В статье дан обзор оригинальных архивных источников из фондов Национального архива Республики Узбекистан, освещающих политику Российской империи в отношении ислама в Туркестанском генерал-губернаторстве в период 1867–1917 гг. Наряду со служебной документацией канцелярии Туркестанского генерал-губернаторства рассматриваются документы имперских ведомств, а также документы из личных фондов деятелей краевой администрации освещающих исламскую политику Российской империи в регионе. Анализ источников по указанной теме дает возможность объективного изучения истории Туркестанского генерал-губернаторства, а также создать коллективный портрет эпохи.

Ключевые слова

Туркестанское генерал-губернаторство, канцелярия, политика, ислам, документы, чиновник

Для цитирования

Мухамедов Ш. Б. Политика Российской империи в отношении ислама в Туркестане (1867–1917): обзор источников // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 8: История. С. 146–158. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-146-158

Politics of the Russian Empire towards Islam in Turkestan (1867–1917): A Review of Sources

Shukhrat B. Mukhamedov

Branch of the Russian State University Oil and Gas
(National Research University) named after I. M. Gubkin
Tashkent, Republic of Uzbekistan

shukhrat.mukhamedov@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0000-0135-444X>

Abstract

The article reviews the historical sources from the collection of the National Archive of the Republic of Uzbekistan related to the Supreme Chamber for Islamic Affairs of the Turkestan Governor-General's Chancellery in the period 1867–1917. It studies the official documentation of the office of the Turkestan Governor-General, documents of the imperial departments, and documents from the personal collections of officers from the regional administration covering the Islamic policy of the Russian Empire in the region. For this region, Islam was not only a religion but also a way of life for the local population in general. The correspondence of the regional boards and regional administrations of the Turkestan Governor-General shows that the government policy implemented toward Islam by the Russian Empire required the training of specialists – Islamic scholars. The provincial administration desperately needed to es-

© Мухамедов Ш. Б., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 8: История. С. 146–158

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 8: History, pp. 146–158

establish a leading educational center for Islamic studies, which should include every stage, from elementary school maktab to higher level madrasahs, to increase the efficiency of the confessional policy in Turkestan. The Turkestan administration in 1884, 1898–1901, and 1908 made some steps to create a Spiritual Administration of Muslims within the Governor-General's administrative apparatus. Another critical issue that the Turkestan Governor-General's administration faced was waqf property and related to this topic legislation. The article concludes that the improvement in the region's economic situation achieved by the tsarist authorities opened some opportunities for positive changes in the government policy towards Islam.

Keywords

Turkestan governor-general, chancellery, politics, Islam, documents, official

For citation

Mukhamedov Sh. B. Politics of the Russian Empire towards Islam in Turkestan (1867–1917): A Review of Sources. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 8: History, pp. 146–158. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-8-146-158

После образования независимых государств на постсоветском пространстве публикуется ряд научных работ, посвященных исламской политике Российской империи. Среди работ исламоведов, изданных в этот период, на наш взгляд, можно выделить следующие публикации.

Обобщающие исследования, посвященные истории ислама в России. Прежде всего, это монография московского ориенталиста Р. Г. Ланда «Ислам в истории России» [1995]. Из других исследований следует назвать «Исламское возрождение в современной России» А. В. Малашенко [1998], в котором подробно освещается проблема создания Оренбургского муфтията и роль в этом процессе уфимского генерал-губернатора О. А. Игельстрема. Наибольший интерес представляет монография Д. Ю. Арапова «Система государственного регулирования ислама в Российской империи» (последняя треть XVIII – начало XX в.) [2004]. Рассматривая религиозную политику от периода царствования Екатерины II до конца правления Николая II, автор анализирует действовавшие и проектировавшиеся имперские законодательные акты по отношению к исламу, характеризует политику царской России в «мусульманском вопросе» в Поволжье, Крыму, на Кавказе, в Сибири и фрагментарно освещает проблемы государственной политики в отношении ислама в Туркестане.

Представляют интерес научные работы по истории ислама в различных регионах Российской империи. Наиболее значительная часть их посвящена проблемам истории ислама в до-революционном Поволжье и Приуралье. Это труды казанских и уфимских исследователей Д. Д. Азаматова [1999], Ф. Г. Ислаева [2001], Г. Б. Фаизова [1995], А. Ю. Хабутдинова [2000], А. Б. Юнусовой [1999].

Оригинален взгляд на изучаемую проблему в статье Д. В. Васильева, отмечающего, что, «рассматривая историю региона вне изучения фигур его руководителей, вряд ли можно получить полное представление о Русском Туркестане» [Васильев, 2005, с. 352]. Автор приводит, в позитивном ключе, некоторые значимые факты из биографий туркестанских генерал-губернаторов М. Г. Черняева, Д. И. Романовского, К. П. фон Кауфмана, Н. О. фон Розенбаха, анализирует их деятельность по регулированию отношения государства к исламу в крае.

В целом же можно сделать вывод, что, затрагивая те или иные стороны интересующей нас проблемы, исследователи, специально не анализировали состояние государственной политики Российской империи в отношении ислама в Туркестанском генерал-губернаторстве.

В связи с переоценкой стереотипов научных трактовок появилась возможность детального и комплексного воссоздания различных сторон государственной политики Российской империи в отношении ислама в Туркестане на основе различных источников: 1) законодательных, 2) делопроизводственной документации (отчетов и докладов, циркуляров, записок, заключений, справок, донесений, материалов, перлюстрации, писем представителей мусульманской общины личного происхождения, публицистики) [Арапов, 2004, с. 9–13]. В нашу задачу входило охарактеризовать все виды перечисленных источников в их взаимосвязи с архивными фондами, о которых будет дана краткая историческая справка. Прежде чем проследить политику Российской империи по отношению к исламу в Туркестанском генерал-

губернаторстве, рассмотрим позицию государства в вопросе религии, опираясь на изданные в 1896 г. «Уставы Департамента духовных дел иностранных исповеданий» (СЗРИ, 1896).

Департамент духовных дел иностранных исповеданий находился в ведении Министерства внутренних дел Российской империи¹. В его функцию входило рассмотрение дел католического, армяно-григорианского и протестантского вероисповеданий, а также духовных дел мусульман, евреев, караимов и ламаистов. В изданный им «Свод законов» входили основные установления, регламентирующие деятельность всех перечисленных религиозных конфессий (СЗРИ, 1896, с. 9), согласно которым, главной в государстве объявлялась православная религия. Представителям других конфессий предоставлялась свобода вероисповедания, хотя и с ограничением в правах. Под угрозой уголовной ответственности запрещался прозелитизм, т. е. миссионерская деятельность неправославной конфессии» (Там же).

Согласно установлениям, мусульманское духовенство Туркестанского края должно было подчиняться Оренбургскому духовному собранию. Однако благодаря тому, что Туркестанское генерал-губернаторство подчинялось Военному министерству, последнее всячески препятствовало переходу Туркестанского края в ведомственное подчинение МВД. Причем по определенным причинам мусульманский Туркестан так и не имел своего Духовного управления вплоть до распада Российской империи, чем и объясняется множество специфических особенностей, присущих взаимоотношениям христианской власти и мусульманского населения в Туркестане.

Основные архивные документы, в которых отражена проблема государственного регулирования ислама в российском Туркестане, находятся на хранении в Национальном архиве Республики Узбекистан.

В фонд 336 (военный губернатор и командующий войсками Туркестанской области) вошли документы, освещающие период 1865–1867 гг., – 77 единиц хранения.

Небольшая историческая справка.

Законом от 12 февраля 1865 г. на завоеванных царизмом землях Кокандского ханства была создана Туркестанская область во главе с военным губернатором с подчинением его Оренбургскому генерал-губернатору. В дальнейшем для управления областью 6 августа 1865 г. было утверждено «Временное положение об управлении Туркестанской областью», действовавшее до утверждения 11 апреля 1867 г. постановления Особого комитета об отделении Туркестанской области от Оренбургского генерал-губернаторства. В административном отношении область подразделялась на три отделения: центр, правый и левый фланги. Во всех трех отделениях области были введены должности управляющих местным населением, подчиняющихся начальникам отделов. 11 июля 1867 г. после утверждения Комитетом министров образования Туркестанского генерал-губернаторства была ликвидирована должность военного губернатора и командующего войсками Туркестанской области, а сама Туркестанская область прекратила свое существование в качестве административной единицы. В документах этого фонда содержится материал, отражающий переписку администрации Туркестанской области с центральными правительственными учреждениями по вопросам устройства и разграничения области, управления ее местным населением, жизненного уклада и быта как кочевого, так и оседлого населения» (ЦГА УзССР. Путеводитель, 1948, с. 11).

Фонд 450 (управляющий местным населением центра области) содержит документы периода 1865–1868-х гг. – 43 единицы хранения. В основном это рапорты управляющего местным населением центра области и переписка с военным губернатором Туркестанской области по различным вопросам внутреннего и внешнего положения, архивные источники со статистическими данными о сельском хозяйстве и торговле региона (Там же).

¹ Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел – центральное государственное учреждение для надзора и контроля за неправославными христианскими конфессиями и другими религиями в Российской империи, называвшееся так со 2 февраля 1832 г. по 5 августа 1917 г. Неоднократно менял наименование и подчиненность.

Уникальные архивные документы хранятся в фонде 1 (Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора) – 31 665 единиц хранения. Законом от 11 июля 1867 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство в составе Сырдарьинской и Семиреченской областей. Первым генерал-губернатором был К. П. фон Кауфман, получивший от Александра II личные полномочия от 17 июля 1867 г. на ведение всяких политических, пограничных и торговых дел с соседними странами. Его канцелярия первоначально состояла из четырех отделений: первое ведало вопросами *административно-штатного* и инспекторского порядка, второе – земства и повинностей, третье – *поземельно-податными*, устройством городов и городскими сметами, разработкой законоположений по управлению краем, четвертое – судными делами. В ведении Канцелярии состояли Туркестанская публичная библиотека, музей, газета «Туркестанские ведомости», а также типография (1872–1881). С апреля 1917 г. Канцелярия генерал-губернатора преобразовалась в Канцелярию Туркестанского комитета Временного правительства (ЦГА УзССР. Путеводитель, 1948, с. 13).

В ведении первого отделения Канцелярии были приказы, циркуляры, отчеты генерал-губернаторов, военных губернаторов областей Туркестанского края. В качестве примера можно привести «Всепопданнейший отчет» Туркестанского генерал-губернатора фон Кауфмана за период его правления с 1867 по 1881 г. (Проект Всепопданнейшего отчета..., 1885). Его административный и статистический материал дает яркую картину процесса реформирования Туркестана, взаимодействия христианской власти и мусульманского населения региона, состояния народного образования и др. (Там же, с. 1). Большую ценность представляют сведения, свидетельствующие о кардинальных шагах фон Кауфмана по снижению влияния мусульманской религии на народные массы, декларированию политики, игнорированию ислама, введению экономических рычагов давления на мусульманское духовенство и национальную элиту Туркестанского края.

Сведения по областям² содержались в ежегодных отчетах военных губернаторов областей, которые готовились по специально разработанной Канцелярией генерал-губернатора форме. Именно эти отчеты были основой всепопданнейших отчетов туркестанских генерал-губернаторов, направляемых самому российскому царю. Однако как генерал-губернаторы, так и военные губернаторы не всегда своевременно их подготавливали, поэтому в нашем распоряжении имеются отчеты не за все годы правления царской России Туркестанским краем.

В отчете ревизии 1908–1909 гг. сенатора К. К. Палена, дана критическая оценка деятельности делопроизводителей, готовивших все виды «отчетов, циркуляров и приказов» (Пален, 1910, с. 15), «невысокий уровень образовательного ценза, который несомненным образом отражался на качестве и продуктивности их деятельности» (Там же). Особо он подчеркивал, что нельзя не предусмотреть следующее: проекты всех отношений, писем и т. п. готовились собственноручно делопроизводителями, а те, которые выполнялись их помощниками, в подавляющем большинстве были испещрены поправками, изменениями и даже перечеркнуты. Делопроизводители III отделения, которые занимались подготовкой отзывов, представлений, докладов и законодательных положений по наиболее существенным вопросам жизни края, несли наибольшую нагрузку, так как их помощники могли оказать содействие лишь сбором справок, считкой бумаг и т. д., и не могли своевременно выполнять порученное (Там же). По мнению К. К. Палена, большой объем работы канцелярии, т. е. то огромное количество документов, которые она готовила, при небольшой заработной плате не способствовал приходу в этот орган краевой канцелярии «интеллектуальных чиновников» (Там же, с. 153). Между тем именно в этом, III отделении, были сосредоточены основные документы по государственному регулированию ислама в Туркестанском крае. Прежде всего это Проект законоположения и объяснительная записка о вакуфах (30 марта 1912 г.), протоколы заседаний комиссий по вакуфному вопросу, записка В. П. Наливкина «О положении вакуфного дела

² НА РУз. Ф. И-1. Оп. 11. Д. 324. Л. 3, 7 об.

в Туркестанском крае до и после его завоевания» (1900 г.), переписка о вакуфном имуществе в разных местностях и городах края, о порядке рассмотрения вакуфных документов и утверждения вакуфных прав, о продаже вакуфных земель и учреждении новых вакуфов (ЦГА УзССР. Путеводитель, 1948, с. 19).

В документах нашли отражение и многие другие аспекты жизни мусульманского населения Туркестанского края, в частности установление контроля царской администрации за мусульманскими учреждениями, сбор сведений о состоянии и количестве главных мусульманских учреждений в крае вплоть до 1912 г. (Там же, с. 23).

В 1898 г. началась переписка канцелярии и военных губернаторов областей об устройстве в Туркестане мусульманского духовного управления (1898–1899 гг.) (Там же).

Определенный интерес представляют приказы по военно-народному управлению, о порядке назначения и удаления от должности лиц, заведующих учебной и хозяйственной частью мусульманских школ, о разрешении постройки мечетей и молитвенных домов, об агитации местного духовенства против нового податного устройства в Ферганской области.

Значительный информационный материал содержат документы по анализу состояния ислама в регионе. В частности «Всеподданнейший доклад» генерал-губернатора Духовского «Ислам в Туркестане» (1900 г.) (Там же, с. 24), в котором давался «объективный» аналитический обзор состояния ислама не только в Средней Азии, но и в Российской империи. Это письменный памятник того, как не следовало проводить исламскую политику в мусульманских регионах, за что доклад был деликатно раскритикован руководством Российской империи.

Если учесть, что путеводитель ЦГИА УзССР, на который мы ссылаемся, составлен в 1948 г., а новый, к сожалению, до сих пор не подготовлен, становится бесспорным тот факт, что многие аспекты, связанные с политикой Российской империи в отношении ислама в Туркестане, обойдены вниманием. Прежде всего необходимо указать на переписку фон Кауфмана с Оренбургским духовным управлением по поводу переподчинения мусульман Туркестана этому управлению. Встречается ряд архивных документов, в которых фон Кауфман и его высокопоставленные чиновники выражают свое очень осторожное отношение к мусульманам Туркестана, к распространению в регионе изданного в Казани типографским способом Корана.

Современными российскими историками не упоминается ряд документов, в которых туркестанские генерал-губернаторы обвиняют фон Кауфмана в «политике игнорирования», приведшей, по их мнению, к Андижанскому восстанию (1898 г.).

Руководством Туркестанского генерал-губернаторства после смерти К. П. фон Кауфмана в 1882 г. трижды (1884; 1898–1901; 1908 гг.) предпринималась попытка организовать Духовное управление мусульман Туркестанского края, установить контроль над мусульманскими религиозными деятелями, информировать об отношении мусульманского населения к российской власти. В документах фонда канцелярии это нашло яркое отражение.

Папки документов канцелярии составлялись таким образом, что многие документы не соответствовали заявленному на титульном листе названию дела. Хронологические рамки документов, которые приведены на титульном листе дела, часто также не соответствовали тем годам, которые указаны на документах, вошедших в те или иные дела, и чаще представлены гораздо шире. При изучении нами также обнаружено наличие множества уникальных документов, которые не были указаны ни в описях, ни в названии самого дела. Понимание изучаемых документов облегчало то, что многие дела содержали копии документов центральных ведомств. Материалы о политических и экономических взаимоотношениях Туркестанского генерал-губернаторства с соседними странами, ханствами и бекствами содержатся в исторических документах отдела канцелярии «Дипломатическая часть Канцелярии Туркестанского генерал-губернаторства».

Краевое руководство Туркестана особое внимание уделяло событиям, происходившим в сопредельных странах в связи с активными действиями Великобритании в этом регионе,

особенно в Афганистане. Остерегаясь «пробуждения Востока» в связи с революционными событиями в Турции, Иране и других восточных странах, Туркестанская краевая администрация разработала ряд мер по ужесточению контроля над мусульманскими учреждениями и населением края. В этом плане интересен доклад от 1908 г. начальника канцелярии В. А. Мустафина, основанный на дипломатической переписке и выработке нового подхода в государственной политике по отношению к исламу в регионе, а также документы по линии МИДа о паломничестве мусульман в Мекку, нелегальном выезде мусульман Туркестанского края и в целом Российской империи к святым местам. Сделав выводы из исламской политики Германии и Англии, в начале XX в. царское правительство изменило свою политику в вопросе хаджа и разрешило на официальном уровне паломничество мусульман в Мекку.

Представляют интерес журналы особых совещаний по астрабадским, бухарским и хивинским делам, проекты реформ в Бухаре и Хиве (десятые годы XX в.) (ЦГА УзССР. Путеводитель, 1948, с. 27), переписка с МИДОм политического агентства в Бухаре и российских консульств за границей, документация о защите русских интересов в иностранных государствах, о торговых и политических взаимоотношениях царской России с соседними странами, правах посещения края и о торговле в нем иностранцев (Там же, с. 27–28).

Интересные сведения по рассматриваемой нами теме содержатся в документах фонда 3 (Российское императорское политическое агентство в Бухаре, 1886–1919 гг. Постановлением Временного правительства от 17 марта 1917 г. Российское императорское политическое агентство в Бухаре было переименовано в Российское резидентство в Бухаре, которое существовало до образования БНСР в 1920 г. (Там же, с. 28)) – 2 362 единицы хранения.

Агентство учреждено в январе 1886 г. по предложению Государственного Совета от 12 ноября 1885 г. Политический агент являлся официальным представителем царской России в Бухаре. Через него осуществлялись сношения с Бухарским правительством по самым разнообразным вопросам. Вместе с тем ему присваивались и консульские функции, т. е. охрана личных, имущественных и торговых интересов русских подданных, проживавших в Бухаре.

В своих секретных донесениях он постоянно докладывал о настроениях правящей верхушки Бухарского эмирата, о контактах эмира и кушбеги с эмиссарами турецкого султана, афганского шаха и английских представителей.

Уникальные архивные источники, посвященные рассматриваемой нами проблеме, связаны с деятельностью Совета Туркестанского генерал-губернатора.

В стенограммах Совета, вошедших в фонд И-717 (63 ед. хр.) Национального архива Республики Узбекистан, рукописных документах вопросы государственного регулирования ислама представлены довольно подробно и с комментариями. По объему эти журналы значительны: объем отдельных томов заседаний от 300 до 1 200 листов. В год подшивалось от одного до двух томов журналов заседаний. Эти журналы можно назвать «зеркалом Туркестанской жизни». Предназначенные для служебного пользования, они давали четкую картину отношения представителей царской администрации к различным вопросам повседневной жизни края с 1887 по 1917 г., раскрывали проводимую политику российской власти. Материалы заседаний Совета Туркестанского генерал-губернатора мало исследованы и в целом не опубликованы.

В материалах фонда 717 Совета Туркестанского генерал-губернатора содержатся документы по земельным вопросам, в частности о статусе вакуфных земель, проведении инвентаризации всех земель Туркестанского края созданными в 1887 г. поземельно-податными комиссиями, которые фактически проводили кадастровую работу по учету земель и в том числе проверяли вакуфные грамоты на земли религиозных учреждений. «Сомнительные» грамоты, не имевшие ханских печатей и необходимых подписей, фактически были аннулированы этими комиссиями. Их решения, в свою очередь, должны были утверждаться областными территориальными правлениями, а наиболее спорные решения областных комиссий – Советом Туркестанского генерал-губернатора.

Основная работа по регулированию ислама происходила в областях и уездах, так как местное население в большинстве случаев обращалось со своими проблемами именно в территориальные правления.

Сырдарьинское областное правление (Ф. 17. 32 327 ед. хр.; 1867–1917 гг.) являлось центральным аппаратом по управлению областью и действовало как коллегиальное управление под председательством помощника военного губернатора по хозяйственным, финансовым и судебным делам. Первоначальный состав отделений (распорядительное, хозяйственное, судебное и строительное) в дальнейшем дополнился ирригационным (с межевым отделом), медицинским (с ветеринарной частью), по заведованию государственным имуществом и бухгалтерским (ЦГА УзССР. Путеводитель, 1948, с. 28).

Из всей массы документов, которые вошли в этот фонд, интерес представляют циркуляры и журналы заседаний общего присутствия областного правления и его отделений, жалобы жителей на злоупотребления волостной и уездной администраций, материалы следствий по этим злоупотреблениям, вакуфные документы и переписка по ним, материалы о распределении участков земли, об отправлении в царскую Россию учащихся из коренного населения и др. (Там же, с. 33).

Самаркандская область представлена в двух основных фондах – 5 и 18. Фонд 5 – «Начальник Зарафшанского округа» (4 004 ед. хр.; 1868–1886 гг.). Зарафшанский округ образован приказом Туркестанского генерал-губернатора от 29 июня 1868 г. после занятия в апреле этого года Самаркандского и Каттакурганского бекств Бухарского ханства. Должность начальника округа учреждена на основании «Временных правил управления Зарафшанским округом» указом Туркестанского генерал-губернатора. В 1870–1871 гг. к округу были присоединены мелкие бекства, расположенные в верховьях Зарафшана. Зарафшанский округ делился на Самаркандский и Каттакурганский отделы и Управление нагорными тюменями. «Положением об управлении Туркестанского края» от 12 июня 1886 г. Зарафшанский округ был преобразован в Самаркандскую область, а должность начальника округа упразднена (Там же, с. 35). В документах этого фонда освещается переписка с администрацией края о запрещении местному населению иметь огнестрельное оружие, о введении в крае всеобщей воинской повинности, установлении налога взамен отбывания местными жителями личной воинской повинности и др.

Фонд 18, 14 953 ед. хр.; 1887–1917 гг. – Самаркандское областное правление начало свою деятельность с 1887 г. после введения «Положения об управлении Туркестанского края» от 12 июня 1886 г. Область делилась на четыре уезда: Самаркандский, Каттакурганский, Ходжентский и Джизакский. В начале 1918 г. Самаркандское областное правление прекратило свое существование (Там же, с. 36). Документы данного фонда кроме официальной переписки с краевым руководством содержали рапорты, донесения и переписку об усилении надзора за населением, особенно за возвращающимися из-за границы, об их политическом настроении, мерах против народных выступлений, розыске по области главных участников Андижанского восстания 1898 г., назначении чрезвычайных съездов народных судей. Здесь также были прошения и жалобы на неправильные действия и злоупотребления народных судей, арык-аксакалов, сельской и уездной администрации, мутаваллиев по вакуфным делам, преступления разных лиц. Документы отражали жизнь области, реформы по изменению быта и сознания местного мусульманского населения в духе российской государственности (Там же, с. 37–38).

Двумя основными фондами представлена Ферганская область. Первый – «Канцелярия Военного губернатора Ферганской области» (Ф. 267. 932 ед. хр.; 1877–1880 гг.). Особой канцелярии для губернаторов по местному положению не предусматривалось. Соответствующее делопроизводство, осуществлявшееся в губерниях России канцеляриями губернаторов, в Туркестанском крае возлагалось на областное правление. Некоторое отступление было допущено в отношении Ферганской области в первые годы после ее образования. На основе утвержденных Туркестанским генерал-губернатором 15 июля 1876 г. штатов, генералом

Скобелевым, участником завоевания Кокандского ханства и первым военным губернатором области, была учреждена 3 января 1877 г. канцелярия военного губернатора Ферганской области (ЦГА УзССР. Путеводитель, 1948, с. 39). В этом фонде представлены документы, отражающие первые шаги Российской власти на вновь завоеванной территории.

Второй фонд – «Ферганское областное правление» (Ф. 19. 36 590 ед. хр.; 1876–1917 гг.) – представлен документами, отражающими процессы государственного регулирования ислама в Туркестанском крае. После завоевания Кокандского ханства по приказу Туркестанского генерал-губернатора от 19 февраля 1876 г. из земель ханства была образована Ферганская область в составе уездов Маргиланского, Андижанского, Наманганского, Кокандского, Ошского, Чустского, Чимионского (два последних в дальнейшем были упразднены). Управление областью возложили на военного губернатора и областное правление, учрежденное 18 марта 1876 г. В гражданских делах управление областью должно было руководствоваться действующим в Туркестанском крае «Проектом положения» 1867 г. и последующими узаконениями (ЦГА УзССР. Путеводитель, 1948, с. 40).

Областное правление являлось коллегиальным органом и имело права и обязанности губернских правлений. Вначале оно включало распорядительное, хозяйственное, судное, строительное и лесное отделения, затем их дополнили межевым, поземельно-податным, сельско-врачебным, ветеринарным, по заведованию государственным имуществом и бухгалтерской частью. В 1887 г. с введением областных судов ликвидировали судное отделение, а в 1897 г. после учреждения Управления земледелия и государственных имуществ в Туркестанском крае – лесное. Областное правление функционировало до 1918 г. (Там же, с. 40). Фонд содержит документы официальной переписки Военного губернатора области с краевым руководством по различным жизненно важным вопросам, донесения, рапорты о политическом настроении населения области; об организации сельской полиции, военной мобилизации 1914 г., прошения о разрешении строительства мечетей, синагог и других культовых сооружений религиозных конфессий, сведения по утверждению мутаваллиев и мударрисов³ медресе, по рассмотрению и утверждению вакуфных грамот на имущество.

Так как в Ферганской области отмечалось самое большое количество мусульманских учебных заведений и вакуфного имущества, именно в этом регионе был наиболее силен исламский фактор. Этим объяснялись активные выступления здесь против Российской империи. После Андижанского восстания 1898 г. наблюдались попытки российской власти реформировать политику в отношении мусульманских учреждений в Туркестанском крае, особенно в Ферганской области. Областное руководство, используя ряд законодательных актов, в начале XX в. чинило препятствия образованию новых вакуфов и открытию мусульманских религиозных учреждений. Одной из формальных причин для запрета являлось требование открытия при медресе курсов русского языка, вывешивания в мечетях портретов государя-императора, чтения специальной молитвы во здравие «русского царя и его семьи».

Одним из важных направлений в государственном регулировании ислама в Туркестанском генерал-губернаторстве краевая администрация считала деятельность по контролю и реформированию мусульманского просвещения в целях воспитания граждан, индифферентных к исламской религии.

В фонде 47 (Управление учебными заведениями Туркестанского края) НА РУз хранятся документы, освещающие рассматриваемый нами процесс. Управление учебными заведениями Туркестана создано в 1875 г. с подчинением Министерству народного просвещения Российской империи и непосредственно Туркестанскому генерал-губернатору. Оно находилось в ведении Главного инспектора народных училищ, состоявшего при главном начальнике края.

³ Мутаваллий – заведующий хозяйственной частью, мударрис – заведующий учебной частью в медресе.

В обязанности инспектора народных училищ входило: строительство и открытие учебных заведений, как русских, так и национальных, финансовые вопросы, прием и увольнение подчиненных, надзор и ревизия учебных заведений, составление отчетов и др.

О проделанной работе в крае главный инспектор отчитывался непосредственно перед генерал-губернатором, а генерал-губернатор составлял отчет в Министерство народного образования. При главном инспекторе народных училищ функционировала канцелярия в составе секретаря. В канцелярию поступали сведения об учебных заведениях в Туркестанском крае (переписка, отчеты и т. д.). В каждую область назначался инспектор народных училищ, отвечавший за работу в области перед главным инспектором народных училищ. С 1893 г. области были поделены на районы, в каждый район назначался инспектор.

Для наблюдения за национальными учебными заведениями в 1890 г. была учреждена должность 3-го инспектора училищ. В 1895 г. эта должность была ликвидирована. Однако это не означало, что контроль за исламскими учебными заведениями был прекращен. Работа одного инспектора была с этого времени распределена между другими инспекторами, которые проводили надзор за мусульманскими учебными заведениями по своим территориям-районам. Управление учебными заведениями Туркестанского края прекратило свою деятельность в 1918 г.⁴

В фонде И-47 насчитывается 4 085 единиц хранения (ЦГА УзССР. Путеводитель, 1948, с. 147). Условно все представленные здесь архивные документы можно разделить на четыре основных направления:

- 1) государственные «российские учебные заведения»;
- 2) государственные «русско-туземные школы»;
- 3) мусульманские учебные заведения (традиционные);
- 4) мусульманские учебные заведения (новометодные – «усули джадид»).

Значительный интерес представляют документы о процессе государственного регулирования мусульманского образования в крае до 1917 г., переписка по туземным училищам Туркестанского края, о деятельности новометодных школ «усули-джадид» (новый метод. – *Ш. М.*), разработка царской администрацией политики в отношении мусульманских учебных заведений в новых реалиях (краевое руководство долгое время не могло определиться с политикой в отношении этих школ и стояло перед дилеммой, что же менее опасно для российской власти – старометодные школы или новометодные). В этом же фонде И-47 имеется фонд 455, охватывающий период с 1890 по 1895 г. В нем имеется всего 16 единиц хранения (ЦГА УзССР. Путеводитель, 1948, с. 149), в которых представлена ответная документация от вышестоящего руководства и администрации различных уровней Туркестанского генерал-губернаторства.

Все указанные процессы отражены также во входящих в фонд И-47 фондах И-451⁵ (Инспектор народных училищ Туркестанского края; 10 ед. хр.; 1877–1879 гг.), И-181 (Инспектор народных училищ Самаркандской области; 199 ед. хр.; 1878–1916 гг.), И-49 (Инспектор народных училищ Сырдарьинской области; 623 ед. хр.; 1879–1917 гг.), И-640 (Инспектор народных училищ Ферганской области; 6 ед. хр.; 1914–1915 гг.).

Из этих архивных источников наглядно видно, что политика «игнорирования» ислама, провозглашенная фон Кауфманом, на самом деле была политикой прямого вмешательства в религиозную жизнь мусульман Средней Азии. Если в экономическую жизнь местного населения, основанную на законах шариата, царское правительство начало вмешиваться с первых же дней завоевания региона, то в народное мусульманское образование – с начала 90-х гг. XIX столетия.

Деятельность мусульманских организаций Туркестанского края в начале XX в. характеризуется документами, вошедшими в фонд 461 (Туркестанское районное охранное отделение; 2468 ед. хр.; 1907–1917 гг.).

⁴ НА РУз. Ф. И-47. Оп. 1, Кн. 1. Предисловие. Л. 1, 2.

⁵ И – исторический.

В 1907 г. в Туркестанский край был командирован для руководства политическим розыском чиновник Министерства внутренних дел, возглавивший образованный тогда же Особый отдел при Канцелярии Туркестанского генерал-губернатора. В конце 1907 г. вместо Особого отдела было создано Туркестанское районное охранное отделение, во главе которого встал жандармский полковник. Охранное отделение ведало политическим розыском в крае.

Деятельность «охранки» распространялась на территорию всего Туркестанского края. Туркестанское районное охранное отделение было упразднено приказом генерал-губернатора 7 марта 1917 г. (ЦГА УзССР. Путеводитель, 1948, с. 57).

В папках дел Туркестанского районного охранного отделения, посвященных мусульманским организациям и развитию национально-освободительного движения в регионе, содержится обширная информация, основанная на агентурных сведениях. Она касалась взаимодействия мусульманского духовенства Туркестанского края и Бухарского эмирата, приезда в Туркестанский край представителей турецкого султана и их контактах с национальной элитой, деятельности татарских мусульманских просветителей в регионе, процесса исламизации казахской степи, возникших в крае политических организаций мусульманской элиты.

Подробное рассмотрение документов «охранки» раскрывает некомпетентность офицеров этой организации в вопросах ислама. Среди членов сыскного ведомства не было ни одного востоковеда и даже просто человека, знавшего местные языки. Информация, которую собирали офицеры «охранки», была основана на слухах, и во многом в дальнейшем не подтверждалась. Более успешно велась работа в отношении революционного движения и русского населения и таких общероссийских политических партий, как РСДРП, анархистов, бундовцев и др.

В качестве примера незнания местных обычаев и обрядов местного населения можно указать на подробное освещение офицерами «охранки» такого мероприятия, как «гап» (с узбекского «разговор» или «беседа»), традиционного пиршества местных мужчин в чайханах. Сотрудники «охранки» искали в этих собраниях мужчин политический подтекст, что позже, естественно, не подтвердилось.

Однако в документах «охранки» встречаются и аналитические статьи, написанные специалистами из столицы и местными востоковедами, в которых даны интересные сведения о пробуждении мусульманского самосознания в Российской империи и, в частности, в Туркестанском крае.

Нельзя обойти вниманием личные фонды, находящиеся в Национальном архиве Республики Узбекистан, представленные документами, которые собирались непосредственными авторами в рассматриваемый нами период. Впечатления этих людей, основанные на личных воспоминаниях, имеют огромную ценность.

Большой интерес представляет фонд № И-1009 (193 ед. хр.), в котором собраны документы видным деятелем просвещения Туркестанского края Н. П. Остроумовым (1848–1930).

Прибывший в Туркестан по приглашению краевого руководства в 1877 г. из Казани Н. П. Остроумов на протяжении всего периода своей деятельности возглавлял Учительскую семинарию в Ташкенте. Будучи выпускником Казанской духовной академии, он являлся одним из талантливых учеников крупного востоковеда и основателя академии Н. И. Ильминского. Свою деятельность Н. И. Ильминский посвятил «христианизации» татарского населения, т. е. миссионерской деятельности против ислама.

Н. П. Остроумов сформировался как крупный востоковед, прекрасно владел многими восточными языками, читал Коран в оригинале. Лично знавший всех туркестанских генерал-губернаторов, бессменный советник и консультант краевого руководства по вопросам ислама, он всячески способствовал многочисленным научным исследованиям указанной религии в Туркестанском крае.

В документах фонда находятся подготовительные материалы к различным трудам, неопубликованные статьи, газетные вырезки, переписка с видными людьми той эпохи и фотографии ее современников.

Н. П. Остроумовым подготовлен ряд исследований по исламскому вопросу: «Учение Корана», «Священная война с неверными «Джихад»», «Мусульманская женщина», рукописные материалы, характеризующие Мухаммеда, «Статьи о восстании мусульман» и др.

В делах фонда представлена переписка Н. П. Остроумова с высшими чинами краевого руководства по вопросам отношения к исламу и борьбы с мусульманством вообще в Туркестане. В качестве примера можно привести письма консула в Кашгаре Н. Ф. Петровского. Представляет интерес переписка с видными учеными востоковедами В. В. Бартольд, В. Крачковским, А. Вамбери, В. П. Наливкиным, В. Вяткиным, Н. Ф. Катановым, Н. Н. Пантусовым и др.

Надо отметить, что большое количество личных фондов, представленных в Национальном архиве Республики Узбекистан, еще ждут своих исследователей.

Таким образом, в настоящей статье был сделан обзор источников по вопросу политики Российской империи в отношении ислама в Туркестанском генерал-губернаторстве, которые включили в себя: 1) законодательные документы; 2) делопроизводственную документацию, отчеты и доклады, циркуляры, записки, заключения, справки, донесения, материалы перлюстрации писем представителей мусульманской общины личного происхождения, публицистики т. д.; 3) личные фонды деятелей Туркестанской администрации различных уровней (краевой, областной, уездной и т. д.).

Методологически будет правильно рассматривать эти источники в связке центр – периферия и обратно. Сложно понять события в Туркестанском генерал-губернаторстве без переписки, официальной документации краевой канцелярии и канцелярии министерств и ведомств, которые курировали по своим направлениям этот мусульманский регион. Очень важно составить коллективный портрет эпохи (просопографию), в первую очередь туркестанских генерал-губернаторов, потому что эти личности формировали политику Российской империи в отношении ислама, и не только, в регионе.

Интерес представляют архивные источники, отражающие отношение местных национальных элит и предпринимателей к преобразованиям, которые были осуществлены в различных сферах жизнедеятельности огромного исламского Среднеазиатского региона. Без этого очень сложно составить полную историческую картину того, что же на самом деле происходило на окраинах огромного Российского государства.

Анализ источников по политике Российской империи в отношении ислама в Туркестанском генерал-губернаторстве показывает, что необходимы дальнейшие научные исследования многочисленных уникальных архивных документов, которые в целом дают возможность взглянуть объективно на историю взаимоотношений Российского государства и стран Центральной Азии, учитывая многовековое взаимовлияние и обогащение мусульманской и христианской цивилизаций.

Список литературы

- Азаматов Д. Д.** Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – начале XIX в. Уфа: Гилем, 1999. 193 с.
- Арапов Д. Ю.** Система государственного регулирования ислама в Российской империи. М.: Изд-во МПГУ, 2004. 288 с.
- Васильев Д. В.** Русский Туркестан; судьба и власть (туркестанские генерал-губернаторы в 1865–1886 гг.) // Азиатская Россия. Люди и структура империи. К 50-летию со дня рождения профессора А. В. Ремнева. Омск, 2005. С. 351–392.
- Ислаев Ф. Г.** Ислам и православие в Поволжье XVIII в.: от конфронтации к терпимости. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. 214 с.
- Ланда Р. Г.** Ислам в истории России. М.: Вост. лит., 1995. 311 с.
- Малашенко А. В.** Исламское возрождение в современной России. М.: Московский центр Карнеги, 1998. 222 с.

- Фаизов Г. Б.** Государственно-исламские отношения в Поволжье и Приуралье. Уфа: УНЦ РАН, 1995. 111 с.
- Хабутдинов А. Ю.** Миллет. Оренбургское Магометанское Духовное собрание XVIII–XIX вв. Казань: Иман, 2000. 160 с.
- Юнусова А. Б.** Ислам в Башкортостане. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999. 352 с.

Список источников

- Пален К. К.** Краевое управление. СПб.: Сенат. тип., 1910. 270 с.
- Проект Всеподданнейшего отчета Генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 – 25 марта 1881 г. СПб.: Воен. тип., 1885. 503 с.
- СЗРИ – Свод законов Российской империи. СПб.: Гос. тип., 1896. Т. 11, ч. 1. 404 с.
- Центральный Государственный исторический архив УзССР. Путеводитель. Ташкент, Архив. отд. МВД УзССР, 1948. 180 с.

References

- Arapov D. Yu.** Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya islama v Rossiyskoi imperii [The System of State Regulation of Islam in the Russian Empire]. Moscow, MPSU Press, 2004, 288 p. (in Russ.)
- Azamatov D. D.** Orenburgskoe magometanskoe dukhovnoe sobraniye v kontse XVIII – nachale XIX vv. [Orenburg Muslim Spiritual Assembly in the Late 18th – Early 19th Centuries]. Ufa, Gilem, 1999, 193 p. (in Russ.)
- Faizov G. B.** Gosudarstvenno-islamskie otnosheniya v Povolzh'e i Priural'e [State-Islamic Relations in the Volga and Ural Regions]. Ufa, USC RAS, 1995, 111 p. (in Russ.)
- Islaev F. G.** Islam i pravoslaviye v Povolzh'ye XVIII veka: ot protivostoyaniya k tolerantnosti [Islam and Orthodoxy in the Volga Region of the 18th Century: from Confrontation to Tolerance]. Kazan, Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 2001, 214 p. (in Russ.)
- Khabutdinov A. Yu.** Millet. Orenburgskoye Magometanskoye Dukhovnoye sobraniye XVIII–XIX vv. [Millet. Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly of the 18th – 19th Centuries]. Kazan, Iman, 2000, 160 p. (in Russ.)
- Landa R. G.** Islam v istorii Rossii [Islam in the History of Russia]. Moscow, Vostochnaya literatura, 1995, 311 p. (in Russ.)
- Malashenko A. V.** Islamskoye vozrozhdeniye v sovremennoy Rossii [Islamic Revival in Modern Russia]. Moscow, Moskovskii Tsentr Karnegi, 1998, 222 p. (in Russ.)
- Vasilyev D. V.** Russkii Turkestan; sud'ba i vlast' (turkestanskii general-gubernatory v 1865–1886 gg.) [Russian Turkestan; Fate and Power (Turkestan Governor-Generals in 1865–1886)]. In: Aziatskaya Rossiya. Lyudi i struktura imperii. K 50-letiyu so dnya rozhdeniya professora A. V. Remneva [Asiatic Russia. People and Empire Structure. To the 50th Anniversary of Professor A. V. Remnev]. Omsk, 2005, pp. 351–392. (in Russ.)
- Yunusova A. B.** Islam v Bashkortostane [Islam in Bashkortostan]. Ufa, Ufimskii poligrafkombinat, 1999, 352 p. (in Russ.)

List of Sources

- Palen K. K.** Kraevoye upravleniye [Regional Administration]. St. Petersburg, Senatskaya tipografiya, 1910, 270 p. (in Russ.)
- Proekt Vsepoddanneishego Otcheta General-ad'yutanta K. P. fon Kaufmana I po grazhdanskomu upravleniyu i ustroystvu v oblastiakh Turkestanskogo general-gubernatorstva. 7 noyabrya 1867 – 25 marta 1881 g. [The Draft of the All-Accounted Report of the General-Adjutant

- K. P. von Kaufmann I on Civil Administration and Organization in the Provinces of Turkestan Governor-General: November 7, 1867 – March 25, 1881]. St. Petersburg, Voennaya tipografiya, 1885, 503 p. (in Russ.)
- Svod zakonov Rossiiskoi imperii [The Code of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya, 1896, vol. 11, pt. 1, 404 p. (in Russ.)
- Tsentrallyi Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv UzSSR. Putevoditel' [Central State Historical Archive of the Uzbek SSR. Guide]. Tashkent, Arkhivnyi otdel MVD UzSSR, 1948, 180 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Шухрат Бахронович Мухамедов, доктор исторических наук, доцент

Information about the Author

Shukhrat B. Mukhamedov, Doctor of Sciences (History), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 22.04.2023;
одобрена после рецензирования 22.06.2023; принята к публикации 22.08.2023
The article was submitted on 22.04.2023;
approved after reviewing on 22.06.2023; accepted for publication on 22.08.2023*

Список сокращений

ГАОО	– Государственный архив Астраханской области
ГАПО	– Государственный архив Псковской области
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации, Москва
ГАСО	– Государственный архив Свердловской области, Екатеринбург
НА ИРИ РАН	– Научный архив Института российской истории Российской академии наук, Москва
НА РУз	– Национальный архив Республики Узбекистан, Ташкент
ОР РГБ	– Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва
РГАНИ	– Российский государственный архив новейшей истории, Москва
РГАСПИ	– Российский государственный архив социально-политической истории, Москва
РГАЭ	– Российский государственный архив экономики, Москва
РГБ	– Российская государственная библиотека, Москва
РГИА	– Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив, Москва
СПбФ АРАН	– Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук
ЦГА РК	– Центральный государственный архив Республики Казахстан, Алматы
КА	– Kansallisarkisto (Национальный архив Финляндии), Хельсинки
VeSa	– Venäläisiä sotilasasiakirjoja (Российские военные документы)

Информация для авторов

В «Вестнике НГУ. Серия: История, филология» по направлению «История» публикуются материалы, соответствующие основным разделам журнала: «Всеобщая история», «Российская история», «Историография. Источниковедение», «Документальные страницы», «Рецензии», «Научная информация».

Сроки выхода журнала: январь – февраль (№ 1) и октябрь – ноябрь (№ 8) каждого календарного года. Прием материалов для публикации в № 1 осуществляется с мая по октябрь, в № 8 – с ноября по апрель каждого календарного года. Рукописи, поступившие в редколлегию после определенного в требованиях срока формирования выпуска, не принимаются к рассмотрению (о чем уведомляется автор) или, по желанию автора, передаются на хранение в редакционный портфель до наступления сроков формирования следующего выпуска.

С требованиями к оформлению текстов можно ознакомиться на официальном сайте издания: <https://nguhist.elpub.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>.

Материалы, предоставляемые для публикации, должны иметь следующий объем:

- *статья* – до 1 авторского листа (40 тыс. знаков с пробелами и учетом всех сносок), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков);
- *документальная публикация* – до 1 а. л., в том числе вводная статья – до 0,25 а. л. (10 тыс. знаков) и примечания. В примечаниях дается информация о встречающихся в тексте источника именах, неизвестных или малоупотребительных названиях и терминах специального характера;
- *рецензия и научная информация* – до 0,4 а. л. (16 тыс. знаков).

Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после согласования с ответственным редактором, а к публикации – по решению редколлегии.

Материалы для публикации подаются в электронном виде. Все файлы необходимо загружать на официальный сайт журнала (<https://nguhist.elpub.ru/jour/index>), зарегистрировавшись в качестве автора, в соответствии с приведенной на сайте инструкцией. Там же можно ознакомиться с последними опубликованными номерами журнала.

К рукописи отдельным файлом необходимо приложить полное указание Ф. И. О., сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также номер контактного телефона, электронный адрес автора, ORCID, а также другие коды автора (Scopus, WoS, RSCI, SPIN), если есть.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Адрес редакционной коллегии

Новосибирский государственный университет
ауд. 1260 нового учебного корпуса
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 26

E-mail: history@vestnik.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке,
подписной индекс 11227 в каталоге «Пресса России»